

**Институт археологии Крыма РАН
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского**

X Международный Византийский семинар

ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС

Севастополь – Балаклава
28 мая - 1 июня 2018 г.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Севастополь

2018

УДК 93

ББК 63.3(0)4

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ ΚΑΙ ΠΟΛΙΣ // X-й
Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава 28
мая – 1 июня 2018 г.) Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А.
Алексеевко. – Севастополь; Симферополь, 2018. 185 с.

*Рекомендовано к изданию Ученым Советом ФГБУН
«Институт археологии Крыма РАН»*

Редакционная коллегия:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук,
директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь) – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

МАЙКО ВАДИМ ВЛАДИСЛАВОВИЧ, доктор исторических наук, директор
Института археологии Крыма РАН (Симферополь)

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор, доктор
исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков
Уральского Федерального университета им. первого президента России
Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, профессор, доктор
филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист
Института всеобщей истории РАН (Москва)

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. Etudes Médiévales
(Paris IV – Sorbonne), кандидат исторических наук, зав. филиалом
Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес
Таврический» (Севастополь) – КООРДИНАТОР

ISBN 978-5-6040020-9-4

УДК 93

ББК 63.3(0)4

*Конференция проводится при финансовой поддержке
компании ДОБРЫНЯ & СО*

© Коллектив авторов (2018)

© Алексеевко Н.А., составление, оформление (2018)

© Институт археологии Крыма РАН (2018)

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАТОРЫ И УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ	11
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ	17
АЙБАБИН А.И. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) ХАЙРЕДИНОВА Э.А. (ИАКр РАН, Симферополь) Средневековый некрополь у храма «Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен	19
АЛЕКСЕЕНКО Н.А. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Печать севаста Михаила Дермокаита (небольшой штрих к византийской просопографии)	23
АРЖАНОВ А.Ю. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Ревизия одного старогоклада	29
АФИНОГЕНОВ Д.Е. (ИВИ РАН, Москва) Погребение патриарха Евфимия в Псамафийском монастыре: похороны или перенесение мощей?	33
БАРАБАНОВ Н.Д. (ВолГУ, Волгоград) Язычество и христианство на востоке и западе Европы в VI–VIII вв. Византийско-меровингские параллели	35
БИБИКОВ М.В. (ИВИ РАН, Москва) Русско-византийские договоры X в. в контексте дипломатического этикета эпохи	39
БУТЫРСКИЙ М.Н. (ГМВ, Москва) Божественный глава земного царства (ещё раз о нумизматической иконографии Юстиниана II)	47

ВИНОГРАДОВ А.Ю. (НИУ ВШЭ, Москва) Когда же Пантикапей стал Воспором?	49
ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. (ТА КрФУ, Симферополь) ДУШЕНКО А.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Княжеский дворец мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение)	53
ГИНЬКУТ Н.В. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Итальянская поливная керамика поздне- и поствизантийского времени с территории консульства Чембало	59
ГОЛОФАСТ Л.А., МАСТЫКОВА А.В. (ИА РАН, Москва) МАКАРОВА А.С. (ГНИИР, Москва) Поливная чаша из средневекового храма в Горзувитах	61
ДРУЖИНИНА И.А. (ИА РАН, Москва) На краю византийской ойкумены: зихи, касахи, папаги в VIII–XII вв.	69
ДУШЕНКО А.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Византийские бронзовые экзегии из раскопок Мангупа	75
ЕВДОКИМОВА А.А. (ИЯз РАН, Москва) Влияет ли фресковый сюжет на текст граффити?	79
ИВАНОВ А.В. (ИАКр РАН, Симферополь) Население средневековой Сугдеи по антропологическим материалам некрополя при храме Св. Параскевы	83
ЙОРДАНОВ И. (ШУ ЕКП, Шумен, Бългaрия) Печатите на Аркадий стратег на Боспора (X–XI в.) из Преслава	87
КАЗАНСКИЙ М.М. (SNRS, UMR 8167, Paris, France) Ранневизантийские пряжки из понтийских мастерских (середина V – середина VI вв.)	91

КАЛИНИНА Т.М. (ИВИ РАН, Москва) Ал-Мас‘уди о постройке Константинополя «на море Меотис, называемом морем ал-Хазар»	97
КЪНЕВ Н., АНТОНОВ С. (ВТУ КМ, Велико Търново, България) Оловен печат на Евфимий, <i>протоспатарий</i> от регионалния исторически музей в Силистра	101
КУЩ Т.В. (УрФУ, Екатеринбург) Сила и бессилие власти: действия правителя Фессалоники в условиях турецкой осады 1383–1387 гг.	103
МАЙКО В.В., КАРНАУШЕНКО Э.Н. (ИАКр РАН, Симферополь) Вариант реконструкции храма у подножия горы Килиса-Кая близ города Судака	109
ОШАРИНА О.В. (ГЭ, Санкт-Петербург) Сасанидские мотивы на египетских тканях византийского времени	115
РОМЕНСКИЙ А.А. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Несостоявшийся василевс и его киевские родственники: авантюра Лже-Льва Диогена в Подунавье в контексте русско-византийских отношений начала XII в.	119
СЕЙДАЛИЕВ Э.И. (КИПУ, ИАКр РАН, Симферополь) «Потерянное столетие» для Инджибек-хатун: о некоторых вновь обретенных музейных экспонатах	123
СИДОРЕНКО В.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) О месте производства находимых в Херсоне и Юго-Западном Крыму бронзовых или медных монет Феодосия (II-?), Валентиниана (III-?), Льва I (457-474), Верины (457-484) и Зенона (474-491)	129
СТЕПАНЕНКО В.П. (УрФУ, Екатеринбург) Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII вв.)	133
СТЕПАНОВА Е.В. (ГЭ, Санкт-Петербург) Ксенон святого Самсона	137

ТЕСЛЕНКО И.Б. (ИАКр РАН, Симферополь) Средневековое поселение в скалах Аю-Дага (по материалам разведок 2012 г.)	139
ТОЛМАЧЕВА Е.Г. (ЦЕИ РАН, Москва) Археологический текстиль ранневизантийского времени некрополя Дейр аль-Банат (Фаюм, Египет)	145
ХАЙРЕДИНОВА Э.А. (ИАКр РАН, Симферополь) Византийские наплечные и поясные застёжки в женском костюме крымских готов	151
ХРАПУНОВ Н.И. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) ГИНЬКУТ Н.В. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Археологические памятники Крыма на рисунках из собрания британского путешественника Ричарда Уэрсли	159
ЧХАИДЗЕ В.Н. (ИА РАН, Москва) Восстановление византийской власти на Боспоре (последняя четверть XI в.)	167
ШАМАНАЕВ А.В. (УрФУ, Екатеринбург) Сохранение культурного наследия Балаклавы в конце XVIII – начале XX в.	173
ЮРОЧКИН В.Ю. (ИАКр РАН, Симферополь) Византия и Крым в контексте политических кампаний послевоенного периода	179
СЕДИКОВА Л.В. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Новые находки поливной посуды XIII в. из раскопок Херсонеса	183

CONTENTS

CONFERENCE ORGANIZERS AND PARTICIPANTS	11
ABSTRACTS OF PRESENTATIONS	17
AIBABIN A.I., KHAIREDDINOVA E.A. (Simferopol) Medieval Cemetery at the “Three Riders’ Church” on the Slope of Eski-Kermen Plateau	19
ALEKSEENKO N.A. (Sevastopol) A Seal of Sebastos Michael Dermokaïtes (A Small Contribution to Byzantine Prosopography)	23
ARZHANOV A.Yu. (Sevastopol) A Revision of One Old Hoard	29
AFINOGENOV D.E. (Moscow) The Burial of of the Patriarch Euthymios in the Monastery of Psamathia: Funeral of Transfer of Relics?	33
BARABANOV N.D. (Volgograd) Paganism and Christianity in the East and West of Europe from the Sixth to Eighth Century. Byzantine-Merovingian Parallels	35
BIBIKOV M.V. (Moscow) Tenth-Century Rus’-Byzantine Treatises in the Context of Contemporary Diplomatic Etiquette	39
BUTYRSKII M.N. (Moscow) The Divine Head of the Earthly Kingdom (Once Again about Numismatic Iconography of Justinian II)	47

VINOGRADOV A.Yu. (Moscow)	
When Panticapaion Became of Bosporos?	49
GERTSEN A.G., NAUMENKO V.E., DUSHENKO A.A. (Simferopol)	
Prince's Palace at the Ancient City of Mangup.	
Stratigraphy of the 2006–2017 Research Area	
(A Preliminary Communication)	53
GINKUT N.V. (Sevastopol)	
Italian Glazed Ware from the Late and Post-Byzantine Period	
in the Territory of the Cembalo Consulate	59
GOLOFAST L.A., MASTYKOVA A.V., MAKAROVA A.S. (Moscow)	
A Byzantine Bowl from the Medieval Church in Gorzuvitah	61
DRUSZININA I. (Moscow)	
On the Edge of Byzantine Oecumene: The Zichians,	
Kasachians, Papagians from the Eighth to Twelfth Century	69
DUSHENKO A.A. (Simferopol)	
Byzantine Bronze Exagia Excavated at Mangup	75
EVDOKIMOVA A.A. (Moscow)	
Does the Fresco Plot Affect the Text of Graffito?	79
IVANOV A.V. (Simferopol)	
Population of Mediaeval Sougdaia	
according to Anthropological Materials	
from the Cemetery at St. Paraskevi's Church	83
JORDANOV I. (Shumen)	
Seals of Arcadios, of Strategos of Bosporos	
(Tenth to Eleventh Century)	87
KAZANSKI M.M. (Paris)	
Early Byzantine Buckles from Pontic Workshops	
(Mid-Fifth to Mid-Sixth Century)	91
KALININA T.M. (Moscow)	
Al-Mas'udi on the Building of Constantinople	
"on the Sea of Meotis, called the Sea of al-Khazar"	97

KANEV N., ANTONOV. S. (Veliko Tarnovo) A Lead Seal of Eufemios, <i>Protospatharios</i> , in the Regional History Museum of Silistra	101
KUSHCH T.V. (Yekaterinburg) The Authority's Power and Powerlessness: The Ruler of Thessalonike's Actions during the Ottoman Siege of 1383–1387	103
MAIKO V.V., KARNAUSHENKO E.N (Simferopol) A Variant Reconstruction of a Church at the Foot of Kilisa-Kaia Mountain near the Town of Sudak	109
OSHARINA O.V. (St-Petersburg) Sasanian Motifs on Egyptian Textiles from the Byzantine period	115
ROMENSKIY A.A. (Sevastopol) Failed Basileus and His Kievan Relatives: Pseudo Leo Diogenes' Gamble in the Danube Area in the Context of Rus'-Byzantine Relations in the Early Twelfth Century	119
SEYDALIEV E.I. (Simferopol) Indzhibek Khatun's "Lost Century": On Some Newly Found Museum Exhibits	123
SIDORENKO V.A. (Simferopol) The Production Place of Bronze or Copper Coins of Theodosius (II-?), Valentinianus (III-?), Leo I (457–474), Verina (457–484), and Zeno (474–491) Found in Cherson and in the South-Western Crimea	129
STEPANENKO V.P. (Ekaterinburg) Byzantium and the Crimea in the Post-Theme Period (Late Eleventh and Twelfth Centuries)	133
STEPANOVA E.V. (St-Petersburg) The Xenon of Saint Sampson in Constantinople	137

TESLENKO I.B. (Simferopol) A Medieval Settlement in the Cliffs of Ayu-Dagh (According to the Materials of 2012 Reconnaissances)	139
TOLMACHEVA E.G. (Moscow) Archaeological Textiles from the Early Byzantine Period in the Cemetery of Deir al-Banat (Faiyum, Egypt)	145
KHAIREDINOVA E.A. (Simferopol) Byzantine Shoulder and Belt Clasps in the Women's Costume of the Crimean Goths	151
KHRAPUNOV N.I. (Simferopol), GINKUT N.V. (Sevastopol) Archaeological Monuments in the Crimea on the Drawings from the Collection of British Traveller Richard Worsley	159
CHKHAIDZE V.N. (Moscow) The Restoration of Byzantium's Authority in Bosporos (Last Quarter of the Eleventh Century)	167
SHAMANAIEV A.V. (Ekaterinburg) The Cultural Heritage Protection in Balaclava from the Late Eighteenth to the Early Twentieth Century	173
YUROCHKIN V.Yu. (Simferopol) Byzantium and the Crimea in the Context of Political Campaigns in the Post-World-War-II Period	179
SEDIKOVA V.L. (Sevastopol) New Finds of Thirteenth-Century Glazed Ware Excavated in Chersonese	183

ОРГАНИЗАТОРЫ

**Институт археологии Крыма Российской Академии Наук
(Симферополь)**

**Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)**

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

БИБИКОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, руководитель Центра истории Византии и восточно-христианской культуры Института Всеобщей истории РАН (Москва)

СЕДИКОВА ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВНА, кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

КООРДИНАТОР:

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, зав. филиалом ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА:

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,

профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института Всеобщей истории РАН (Москва)

МАЙКО ВАДИМ ВЛАДИСЛАВОВИЧ,

доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН (Симферополь)

НЕСОВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

председатель правления ООО «Аврора – Крым Девелопмент» (Севастополь) – БИЗНЕС-РЕФЕРЕНТ

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ,

профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

ЧХАИДЗЕ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Москва)

ЯШАЕВА ТАТЬЯНА ЮСУФОВНА,

заведующая отделом византийской истории ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь) – СЕКРЕТАРЬ

ДОКЛАДЧИКИ

АЙБАБИН Александр Ильич, д.и.н., проф.

НИЦ истории и археологии Крыма Крымского
Федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)
e-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

**АЛЕКСЕЕНКО Николой Александрович,
dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), к.и.н.**

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
e-mail: chembalo@yandex.ru

АНТОНОВ Симеон, PhD.

Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий»
(Велико Търново, България)
e-mail: s.antonov1990@abv.bg

АРЖАНОВ Алексей Юрьевич

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
e-mail: aleksar71@gmail.com

АФИНОГЕНОВ Дмитрий Евгеньевич, д.фил.н., к.и.н., проф.

Институт всеобщей истории РАН (Москва)
e-mail: logotheta@mail.ru

БАРАБАНОВ Николай Дмитриевич, к.и.н., доц.

Волгоградский государственный университет (Волгоград)
e-mail: byzbar@mail.ru

БИБИКОВ Михаил Вадимович, д.и.н., проф.

Институт всеобщей истории РАН (Москва)
e-mail: mbibikov@mail.ru

БУТЫРСКИЙ Михаил Николаевич

Государственный музей Востока (Москва),
e-mail: chalkites@mail.ru

ВИНОГРАДОВ Андрей Юрьевич, к.и.н.

Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)
e-mail: ampelios@gmail.com

ГЕРЦЕН Александр Германович, к.и.н., проф.

Таврическая академия Крымского Федерального университета
им. В.И. Вернадского (Симферополь)
e-mail: gertsenag@yandex.ru

ГИНЬКУТ Наталия Витальевна

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
e-mail: n-ginkut@yandex.ru

ГОЛОФАСТ Лариса Алексеевна, к.и.н.

Институт археологии РАН (Москва)
e-mail: larisa_golofast@mail.ru

ДРУЖИНИНА Инга Александровна

Институт археологии РАН (Москва)
e-mail: inga_druzh@mail.ru

ДУШЕНКО Антон Анатольевич, к.и.н.

НИЦ истории и археологии Крыма Крымского
Федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)
e-mail: tnu.dushenko@mail.ru

ЕВДОКИМОВА Александра Андреевна, к.и.н.

Институт языкознания РАН (Москва)
e-mail: arochka@gmail.com

ИВАНОВ Алексей Валерьевич, к.и.н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
e-mail: ivav@yandex.ru

ЙОРДАНОВ Иван, д.и.н., проф.

Научен Център по византистика към Шуменски Университет
«Епископ Константин Преславски» (Шумен, България)
e-mail: jordanov_sh@yahoo.com

КАЗАНСКИЙ Михаил Михайлович, docteur habilité, prof.

Le Centre national de la recherche scientifique (SNRS),
UMR 8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)
e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

КАЛИНИНА Татьяна Михайловна, к.и.н.

Институт всеобщей истории РАН (Москва)
e-mail: tmka@yandex.ru

КАРНАУШЕНКО Элла Николаевна
Независимый исследователь (Севастополь)

КЪНЕВ Николай, PhD., доц.
Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий»
(Велико Търново, България)
e-mail: kan-nikolay@yandex.ru

КУЩ Татьяна Викторовна, д.и.н., доц.
Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
e-mail: tkushch@yandex.ru

МАЙКО Вадим Владиславович, д.и.н.
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
e-mail: vadimmaiko@ukr.net

МАКАРОВА Анастасия Сергеевна
Государственный НИИ реставрации (Москва)
e-mail: aanpilogova@mail.ru

МАСТЫКОВА Анна Владимировна, д.и.н.
Институт археологии РАН (Москва)
e-mail: amastykova@mail.ru

НАУМЕНКО Валерий Евгеньевич, к.и.н., доц.
Таврическая академия Крымского Федерального университета
им. В.И. Вернадского (Симферополь)
e-mail: byzance@rambler.ru

ОШАРИНА Ольга Владимировна, кандидат искусствоведения
Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
e-mail: oosharina@yandex.ru

РОМЕНСКИЙ Александр Александрович, к.и.н.
Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
e-mail: pergamen-romen@mail.ru

СЕДИКОВА Лариса Васильевна, к.и.н.
Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
e-mail: sedikova7@yahoo.com

СЕЙДАЛИЕВ Эмиль Исаевич, к.и.н.

Крымский инженерно-педагогический университет»,
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
e-mail: codexcummanicus@gmail.com

СИДОРЕНКО Валерий Анатольевич, к.и.н.

НИЦ истории и археологии Крыма Крымского
Федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)
e-mail: crimeastor@rambler.ru

СТЕПАНЕНКО Валерий Павлович, д.и.н., проф.

Уральский Федеральный университет (Екатеринбург)
e-mail: v.stepanenko49@mail.ru

СТЕПАНОВА Елена Владимировна, к.и.н.

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
e-mail: stepanovaesp@yandex.ru

ТЕСЛЕНКО Ирина Борисовна, к.и.н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
e-mail: i_teslenko@mail.ru

ТОЛМАЧЁВА Елена Георгиевна, к.и.н.

Центр египтологических исследований РАН (Москва)
e-mail: etolma@mail.ru

ХАЙРЕДИНОВА Эльзара Айдеровна, к.и.н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
e-mail: khairedinovaz@rambler.ru

ХРАПУНОВ Никита Игоревич, к.и.н.

НИЦ истории и археологии Крыма Крымского
Федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)
e-mail: khrapunovn@gmail.com

ЧХАИДЗЕ Виктор Николаевич, к.и.н.

Институт археологии РАН (Москва)
e-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

ШАМАНАЕВ Андрей Васильевич, к.и.н., доц.

Уральский Федеральный университет (Екатеринбург)
e-mail: shamanaev@mail.ru

ЮРОЧКИН Владислав Юрьевич, к.и.н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
e-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

ТЕЗИСЫ

докладов и сообщений

А.И. АЙБАБИН

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ НЕКРОПОЛЬ У ХРАМА «ТРЕХ ВСАДНИКОВ» НА СКЛОНЕ ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН¹

Плато Эски-Кермен расположено в 6 км южнее с. Красный Мак (Бахчисарайский район). В конце VI в. на плато была построена византийская крепость для защиты местного населения – готов и алан, а также для охраны подступов к Херсону. Впоследствии крепость эволюционировала в типичный для горных регионов империи малый город, непрерывно просуществовавший до конца XIII в. Большая часть города была застроена кварталами правильной прямоугольной формы, с жилыми домами, храмами и хозяйственными постройками. Городской некрополь располагался на южном и юго-восточном склонах плато Эски-Кермен (Рис. 1,5) [Айбабин 2014].

На некрополе хоронили в склепах и могилах, выкопанных рядами, расположенными вдоль склона, с юга на север. Учитывая расположение погребальных сооружений относительно друг друга, можно говорить о системном заполнении некрополя. Могильник рос с юга на север, его территория заполнялась снизу-вверх по склону. Самые ранние погребальные сооружения – склепы, подбойные и простые могилы конца VI – первой половины VII вв. выявлены в нижней части южного склона плато (Рис. 1,5). Местонахождение некоторых погребальных сооружений в древности пытались обозначить небольшими плоскими камнями, своего рода «стелами», вкопанными в засыпь дромоса или входной ямы [Хайрединова 2010].

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму» № 18-09-00314.

На территории некрополя, примерно в 100 м ниже по склону от пещерной башни V расположен пещерный храм «Трех всадников», высеченный в одном из отдельных камней (Рис. 1,3,6). Храм и прилегающая к нему территория были зачищены и обмерены в 1928 г. Раскопки тогда не проводились. По сообщению Н.И. Репникова, в ходе работ около храма было «отчищено от земли надгробие XII–XIII вв.» [Репников 1932].

В 2017 г. совместной экспедицией Института археологии Крыма РАН и Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского исследовался прилегающий с северо-востока к храму «Трех всадников» участок площадью около 20 м². Под слоем натечной земли толщиной 0,45–1,1 м открыты выкопанные в материковой глине склеп IX–X вв. и семь могил XIII в. Прослежена планировка позднего некрополя, зафиксированы некоторые особенности средневекового христианского погребального обряда.

Могилы, почти прямоугольные в плане, с закругленными углами. Три могилы ориентированы длинной осью с ЮВ на СЗ, остальные – по оси В-З. Борта четырех могил выложены обтесанными известняковыми блоками. Рядом с одной из могил зачищена сдвинутая мощная плита перекрытия, высеченная из известняка.

В шести могилах зачищено по одному костяку. В одной могиле выявлены остатки семи погребений взрослых, уложенных один над другим и перекрытых небольшой прослойкой темной земли. Погребения в могилах совершены вытянуто на спине, головой на запад или северо-запад, с уложенными на животе руками. Большинство погребений безынвентарны. В одном детском захоронении выявлены две литые бронзовые сферические пуговицы с проволоочной петелькой для пришивания, а в одном из женских захоронений найдены бронзовая проволоочная серьга и бусина из полихромного стекла. В двух погребениях на нижней части черепа, поверх челюстей лежал фрагмент стенки пифоса или центрального поля черепицы. На стенке пифоса видны прочерченные тонкой линией крест и монограмма «Иисус Христос – Ника». Отметим, что фрагмент черепицы трапецевидной формы с прочерченными крестом и аналогичной монограммой (размерами 7,0х8,0 см) обнаружен в костнице под апсидой часовни XIII в., находящейся на плато Эски-Кермен, в квартале 1 (Рис. 1,1) [Айбабин, Хайрединова 2011].

Фрагменты гончарных сосудов или черепицы с прочерченными крестами известны в погребениях и на других крымских памятниках средневекового времени. На южном, самом позднем участке могильника у с. Лучистое в каменном склепе и плитовых могилах XIII в.

под черепом или под грудной клеткой костяков выявлены небольшие фрагменты керамических сосудов с процарапанным крестом. На одном черепке было прорезано два креста. Возможно, он предназначался для двух погребенных [Айбабин 1978; Хайрединова 2007; Хайрединова 2017]. Подобные изделия найдены на Аю-Даге, в с. Гончарное и на некрополе Судак IX [Майко 2014: рис. 188]. Скорее всего, они заменяли носившиеся при жизни нательные кресты и были сделаны специально для погребений.

Открытые нами могилы расположены почти вплотную к северо-восточной стороне каменной глыбы, в которой сделан храм «Трех всадников». Над могилами, в изголовье погребенных в каменной стене храма высечены небольшие и неглубокие ниши, предназначавшиеся, вероятно, для лампад или икон.

Библиография

- АЙБАБИН А.И. Раскопки могильника средневековой Фуны // Археологические открытия 1977 года. – М., 1978. С. 287, 288.
- АЙБАБИН А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. – Симферополь, 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – Симферополь, 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
- МАЙКО В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. – Киев, 2014.
- РЕПНИКОВ Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // ИГАИМК (Готский сборник). – Л., 1932. Вып. XII. С. 107–152.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 151–182.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Кресты в захоронениях: особенности погребального обряда средневекового христианского населения Юго-Западного Крыма // «Археология средневекового храма». Материалы научной конференции. – Севастополь, 2017. С. 72–74.

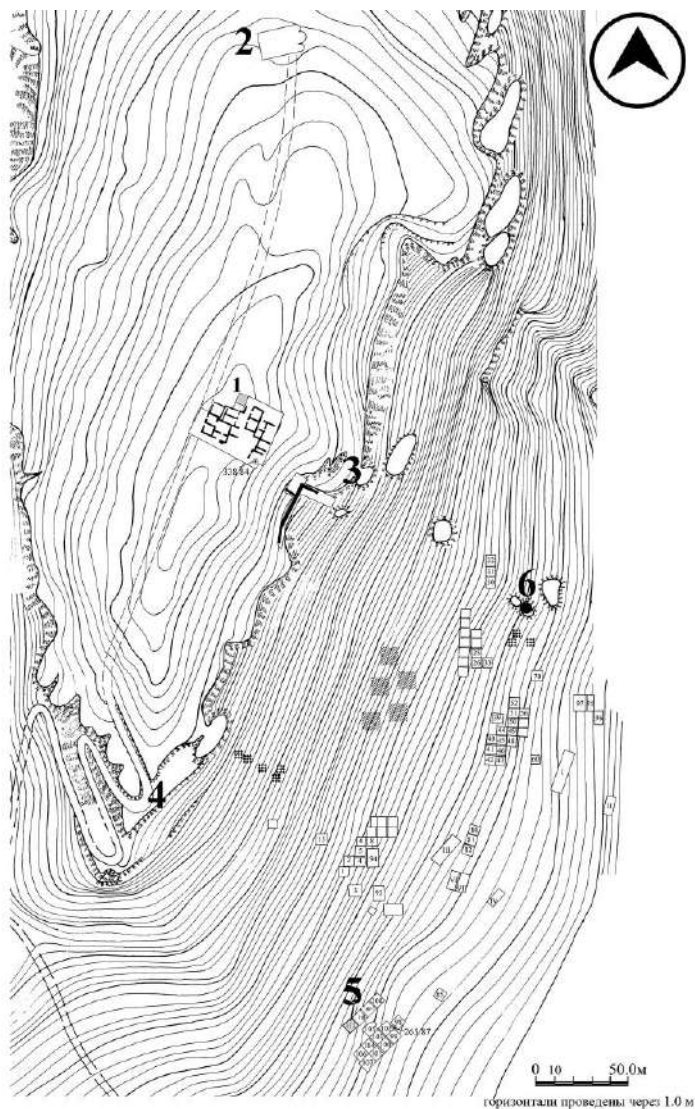

Рис. 1. Топографический план южной части плато Эски-Кермен и его юго-восточного склона.

- 1 – квартал 1; 2 – базилика; 3 – пещерная башня V; 4 – главные ворота;
5 – ранний участок некрополя; 6 – храм «Трех всадников».

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

ПЕЧАТЬ СЕВАСТА МИХАИЛА ДЕРМОКАИТА: (небольшой штрих к византийской просопографии)

Возможность отождествления владельца моливдовула с реальным историческим персонажем — это всегда редкая удача, и каждый новый такой случай важен и ценен и для истории Византийской империи в целом, и для византийской просопографии в частности. Появившиеся с XI столетия на моливдовулах родовые имена владельцев, казалось бы, в значительной степени должны упрощать эту задачу. Представители византийской аристократии не только в канцелярско-бюрократическом формате, но и нередко в витиеватой стихотворной форме передавали на печатях особенности своего положения при дворе или на государственной службе, благодаря чему нередко появлялась возможность подтвердить или дополнить известия, содержащиеся в письменных источниках или нарративных памятниках. Однако, даже родовые имена далеко не всегда позволяют найти искомого персонажа в анналах истории.

Как известно, многие владельцы печатей никак не отмечены византийскими летописцами или писателями, и об их существовании и статусе в византийском обществе мы узнаём лишь исходя из легенд, сохранившихся на моливдовулах. И даже для родов, входивших в основную группу византийской элиты, как правило, связанных родственными связями с императорскими семействами и так или иначе оставивших след в византийской истории, памятники сфрагистики порой дают немало ценной и важной дополнительной информации. В большей же степени последнее касается многочисленных провинциальных фамилий, члены которых далеко не часто удостоивались внимания хронистов.

К примеру, среди византийской аристократии известно одно из таких семейств – Дермокаиты. Его представители фигурируют в источниках начиная уже с середины X и вплоть до последней трети XV столетия, но лишь изредка поднимаются на видные места в государственной или церковной иерархии [Nicol 1974]. Отдельные из персонажей известны и по дошедшим до нас памятникам сфрагистики [Cheynet, Theodorides 2010: 79–81, нр. 68, 69]. К последним относится и севаст Михаил Дермокаит, новую печать которого мы хотели бы ввести в научный оборот (Рис. 1)¹.

1. М-331. Коллекция И. Горшкова (Москва).

Рис. 1. Печать севаста Михаила Дермокаита (начало XIII в.).

Д – 33 мм; толщина заготовки – ок. 3,5 мм; вес. 21,4 гр.

Сохранность: утраты металла по выходам канала; на аверсе трещина по линии канала; лицевая сторона имеет не очень чёткий оттиск; покрыта светло-коричневой патиной.

Происхождение: неизвестно; приобретена на Украине (не исключено, что происходит из Крыма).

Аналогий нет.

Не издана.

¹ Выражаю глубокую благодарность И. Горшкову (Москва) за предоставленную возможность изучения и публикации нового моливдовула.

Аверс. Изображение фигуры св. воина Феодора в рост, анфас, держащего в правой руке копье, а левой опирающегося на щит. В поле по сторонам надпись в столбик: слева – .Α|Γ|Ι|Ο|.; справа – ΘΕΟ|ΔΩ|ΡΟΣ – Ὁ ἄγιος Θεόδωρος.

Реверс. Семистрочная надпись, украшенная снизу жемчужиной между двух лепестков; ободка не сохранилось:

.ÇÇ.	Σκ[έ]
ΠΟΙΣΜΕΛ.	ποις με Μά[ρ]
ΤΥΣΜΙΧΑΝ.	τυς Μιχαή[λ]
ΣΟΝΟΙΚΕΤΗΝ	σὸν οἰκέτην
ΔΕΡΜΟΚΑΙ	Δερμοκα(ῖ)
ΤΗΝΣΕΡΑΤΟ.	την σεβαστὸ[v]
ΤΗΝΑΣΙΑΝ	την ἄξίαν
- . . -	

+Σκέποις με Μάρτυς Μιχαήλ σὸν οἰκέτην Δερμοκα(ῖ)την σεβαστὸν την
 ἄξίαν – Защити меня, мученик, Михаила твоего слугу из рода
 Дермокаитов, севаста по званию.

История сохранила нам нескольких возможных кандидатов на роль заказчика нашего моливдовула. Им могли бы быть:

1. ипостратиг Михаил Дермокаит, упоминаемый Скилицей в связи с восстанием на Балканах 1040 года [Skylitzes 1839: 527–528];

2. севаст Михаил Дермокаит, фигурирующий в одном из документов монастыря св. Павла на Латросе, датированном мартом 1216 г. [Miklosich, Müller 1871: 294], и которого Георгий Акрополит упоминает среди трех отпущенных на свободу византийцев после взятия крепости Лентианы войсками латинян в 1212 г. ошибочно называя его «назначенным командующим войском» [Акрополит 2013: 60, 193, прим. 304];

3. табулярий и священник Михаил Дермокаит, в 1278 г. засвидетельствованный в Лексиконе Палеологов [PLP 1978: пг. 5212];

4. Михаил Дермокаит, отец Мануила Хрисолария, который отправился в путешествие в Турин в 1454 г. [PLP 1978: пг. 5213].

К этой группе, очевидно, можно присоединить ещё одного одноименного персонажа, с несколько искаженной формой передачи фамилии (Михаил Демократи), который упоминается как молодой человек, которому в Салониках в 1425 г. была дарована ежемесячная венецианская стипендия [Mertzios 1947: 50, line 6].

Двое или трое одноимённых представителей семейства известны по памятникам сфрагистики. В каталоге патронимных печатей из коллекции Д. Теодоридиса авторы указывают на существование двух неизданных экземпляров (видимо, личных печатей, так как никакие титулы или ранги не приведены) с именем Михаила Дермокаита из собрания Dumbarton Oaks с изображениями архангела Михаила (DO 58.106.2287) и архангела Михаила и святого-воина Димитрия (DO 58.106.4828), датируемых XI/XII вв., и публикуют ещё одну частную печать Дермокаита, которую относят к XIV столетию [Cheynet, Theodorides 2010: 80, 81, nr. 69].

Как видим, в ранге севаста в источниках фигурирует лишь один Михаил, указанный под номером 2. В то же время следует отметить, что сохранились сведения ещё о двух неназванных по имени Дермокаитах, но также носивших титул севаста. Первый из них фигурирует в письмах патриарха Афанасия I в связи с организацией распределения и раздач хлеба и зерна в византийской столице в 1307 г. [Laiou 1972: 339]; второй, в рангах севаста и протоновеллессима, назван в тексте брачного договора, составленного около 1466 г. [Gedeon 1896: 112–115; Papadopoulos-Kerameus 1899: 79–81].

Каким же временем следует датировать наш моливдовул, и кто из перечисленных выше персонажей может являться его владельцем?

По стилистическим признакам печать следует отнести к памятникам XI–XIII вв. Легенда моливдовула выполнена достаточно аккуратным прямоугольным шрифтом, широко употреблявшимся на печатях второй половины XI–XII столетий, ещё сохраняющим клинышки на концах литер. Однако при передаче надписи уже использованы лигатуры (*tau-eta-nyo*, *стигма*), что достаточно характерно для печатей более позднего периода. В то же время здесь не наблюдается характерное начертание *альфы*, *мю* и *омеги*, используемое в шрифтах XIII–XIV вв. [см.: Oikonomides 1986: 165–170].

Для уточнения датировки, на наш взгляд, можно привлечь и саму метрическую легенду буллы, в которой использован термин $\tau\eta\nu\ \acute{\alpha}\xi\iota\alpha\nu$, хоть и не часто, но в разных формах встречающийся на печатях византийских аристократов. И что примечательно, как правило, он присутствует на моливдовулах XII–XIII вв.

Лишь в трех случаях его удалось обнаружить на буллах, датируемых концом XI столетия: протокуропалата Михаила Дабатина [Wassiliou-Seibt 2011: 490, 491, нр. 1108], Михаила Алиата [SBS 1993: 205, нр. 503] и одного неизвестного по имени вельможи [Seibt, Zarnitz 1997: 206, 207, нр. 5.3.8]. Однако в абсолютном большинстве он фигурирует именно на печатях севастов; хотя его можно встретить и на моливдовулах паниперсеваста Алексея Враны Комнина или пансевастов Мануила Комнинодуки и Алексея Контостефана Комнина [Wassiliu-Seibt 2011: 86, 493, 497, 498, нр. 77, 1115, 1123], относящихся к концу XII столетия. Заметим, что очень близкая по конструкции легенда присутствует на печати севаста Мануила Контофре [Schlumberger 1884: 583, нр. 26; Laurent 1932: 142, нр. 240; Wassilliou-Seibt 2011: 578, нр. 1357], о котором доподлинно известно, что между 1237 и 1240 гг. он был севастом и дукой фемы Фракесийцев [Miklosich, Müller 1871: 249], в 1241 году какое-то время являлся командующим византийским флотом в борьбе с латинянами у Цурула, а в 1242 году участвовал в походе никейцев против Фессалоники [Акрополит 2013: 75, 78, 219, прим. 491].

Таким образом, сопоставляя данные письменных источников и памятников сфрагистики с содержанием легенды нового моливдовула – его стилистическими и эпиграфическими особенностями, скорее всего, необходимо склониться к мнению, что владельцем печати может быть названный в документе монастыря св. Павла на Латросе *вседосточтимый* (пансеваст) севаст Михаил Дермокаит, который, судя по всему, был крупным землевладельцем и осуществлял управление епископсией св. Самсона при никейском императоре Феодоре I Ласкарисе (1208–1222).

Библиография

- Георгий Акрополит. История. – СПб., 2013.
 Byzantine Seals published between 1986 and 1991/2 // SBS. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 143–208.
 CHEYNET J.-Cl., THEODORIDES D. Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques. – Paris, 2010.
 GEDEON M.I. Βυζαντινά σύμβολα // BZ. – 1896. Bd. V. S. 112–115.
 LAIOU A.E. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282—1328. – Cambridge, 1972.

- LAURENT V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine // ΕΛΛΗΝΙΚΑ. – Athen, 1932. T. 5.
- MERTZIOS K.D. Μνημεία Μακεδόνικης Ἰστορίας // Μακεδόνικη βιβλιοθήκη, Thessaloniki 1947. T. 7.
- MIKLOSICH F., MÜLLER J. Acta et Diplomata Graeca Medii Aevi. – Vindobonae, 1871. Vol. IV.
- NICOL D.M. The Byzantine family of Dermokaites circa 940–1453 // BSl. – Prague, 1974. T. XXXV. P. 1–11.
- OIKONOMIDES N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. – Washington, 1986.
- PAPADOPOULOS-KERAMEUS A. Βυζαντινά ανάλεκτα // BZ. – 1899. Bd. VIII. S. 79–81.
- Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit (PLP). – Wien, 1978. Bd. 3.
- SCHLUMBERGER G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. – Paris, 1884.
- Sklitzes-Kedrenos: in Cedrenus, Compendium Historiarum / ed. I. Bekker, II. – Bonn, 1839.
- WASSILIU-SEIBT A.-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. Teil. 1 // Wiener Byzantinische Studien. – Wien, 2011. Bd. XXVIII/1.

А.Ю. АРЖАНОВ

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

РЕВИЗИЯ ОДНОГО СТАРОГО КЛАДА

В изучении монетного обращения в определённом регионе в выбранный отрезок времени важное место занимает анализ монетных кладов. Помимо введения в научный оборот новых данных, периодически приходится обращаться к уже опубликованным материалам. Предметом анализа данной работы послужил клад № 202 из византийского свода, составленного В.В. Кропоткиным [Кропоткин 1962: 33]. Клад, найденный в 1856 г., характеризуется как содержащий 50 монет разных выпусков IX–XI вв. (от Василия I до Василия II). Причиной, по которой вызвал интерес именно этот клад, стала не совсем ясная локализация места – мыс святого Георгия. Дело в том, что в современной топонимике данный географический ориентир может быть локализован с разной привязкой. На картах масштаба 1:250000 70-х гг. XX в. мысом Георгия назван мыс левого берега входа в Балаклавскую бухту, а также отмечена Георгиевская скала под одноименным монастырём в районе мыса Фиолент. В туристических описаниях Георгиевский мыс зачастую связывают с Георгиевским монастырём. В попытках прояснить место и обстоятельства находки закономерно обратиться к источникам, указанным автором свода. Хронологически более близким к составлению свода Кропоткина является опубликованный в 1935 г. в 67-м выпуске *Numismatic Notes and Monographs* свод византийских кладов С. Моссера, в котором указан и данный клад [Mosser 1935: 76]. Место и, тем более, обстоятельства находки здесь также не поясняются, однако количество монет отличается от указанного у Кропоткина – тридцать вместо пятидесяти. В попытках добыть больше информации остается воспользоваться указанным и Кропоткиным, и Моссером первоисточником – письмом французского нумизмата Шарля-Пьера Робера, опубликованном после Крымской кампании в *Revue Numismatique* [Robert 1859: 40–47].

Здесь необходимо сделать отступление и заметить, что данный источник, естественно, хорошо известен отечественным исследователям. Так, описываемый в письме Робера клад античных монет, найденный солдатами 94-го французского полка в Камышевой бухте, был нанесён на карту А.Н. Щегловым и введён в научный оборот А.М. Гилевич [Гилевич 1999: 367]. Упоминает о письме Робера в своей монографии и М.М. Чореф [Чореф 2015: 13]. Тем не менее, анализа клада из района «мыса Св. Георгия» на основании данных письма Робера в работах отечественных исследователей мне найти не удалось, а сам клад № 202 по Коропоткину по-прежнему упоминается лишь в числе прочих кладов Таврики [Чореф 2011: 330; Андриевский, Чореф 2015: 325].

Однако вернёмся непосредственно к тексту письма Робера, из которого становится ясно, что монеты IX–XI вв., от Василия I до Василия II, не составляют единого комплекса, а лишь перечисляются автором в конце письма, как находящиеся в его крымской коллекции. Найдены же они среди развалин византийского Херсона: *au milieu des substructions de la Kherson byzantine* [Robert 1859: 44], причем об общем количестве монет IX–XI вв. ничего не говорится, а лишь приводятся описания пятнадцати экземпляров [Robert 1859: 44–47].

К чему же тогда относятся число тридцать и мыс Св. Георгия? На этот вопрос Робер дает ответ в предшествующей части своего письма. Автор рассказывает, что в июле 1856 г., за несколько дней до погрузки французской армии на корабли, у него нашлось немного времени на археологические изыскания, которые и были проведены на двух объектах Гераклеийского полуострова. Эти объекты характеризуются Робером как «фруины прямоугольных домов, расположенных на плато Херсонеса, к югу от Камышевой бухты» [Robert 1859: 42]. Первый из упомянутых объектов расположен недалеко от берега моря «на высоте мыса Св. Георгия», во время его раскопок была найдена античная монета среди «больших кувшинов», по-видимому, пифосов. Второй же объект оказался более продуктивным в археологическом плане и принёс автору те самые тридцать монет.

Что же это за монеты и какой объект был раскопан Робером? Начнём со второго вопроса. Объект раскопок описывается как сооружение «массивной кладки, доминирующее над достаточно глубоким оврагом, расположенным между монастырём Св. Георгия и штаб-квартирой французской армии». В этом сооружении, на «первоначальном, основном полу» (*le sol primitif*), среди обломков керамики, фрагментов светильников и терракот, было собрано тридцать монет IV–V вв. Среди них Робер отмечает монеты Феодосия Великого, Флациллы, Аркадия, Льва I и Верины. Разбивка по количеству тех или иных монет в общем

числе автором не даётся. Отмечается, что монеты Льва I и Верины обладают хорошей сохранностью, отсюда делается вывод о малом времени их обращения, и, соответственно, о датировке прекращения функционирования помещения. Приводятся размеры монет Льва I – 20–22 мм и характер изображения – на аверсе – бюст императора; на реверсе – император, поражающий пленника, с лабарумом в правой руке и сферой в левой. Указаны легенды: для аверса – DNLEONISPF AVG, DNLEOPRPETAG, DNLEOPRPETAVG; для реверса – SALVSRPVBICA, SALVSRPVRICA, SALVSRPVRICA. Для монеты Верины описание не столь подробно, но приводится её рисунок (Рис. 1). Описание остальных монет отсутствует, хотя автор письма отмечает, что наиболее ранние монеты (Феодосия, Флациллы и Аркадия) все плохой сохранности [Robert 1859: 43].

Рис.1. Изображение монеты Верины из письма Ш.-П. Робера.

В целом, информация, содержащаяся в письме Ш.-П. Робера, вызывает немалый интерес. В первую очередь поражает количество монет: в одном помещении одного археологического объекта Гераклейского полуострова обнаружено тридцать монет – это, безусловно, исключительная находка. По-видимому, мы всё же имеем дело с кладом, но не специально сокрытым, а внезапно утерянным. К настоящему времени на Гераклею известен один подобный клад, также найденный в одном помещении усадьбы, но относящийся к более позднему времени [Алексеев 2005: 439].

Также интересна и датировка описываемого монетного комплекса. Как известно, монеты Льва I, как верхний хронологический репер, встречаются на ряде памятников Гераклейского полуострова [Кузищин, Иванчик 1998: 210; Николаев 1982: 55].

Было бы невероятно интересно локализовать место раскопок Робера, но его географическое описание достаточно скудно. Глубоким оврагом, расположенным между Георгиевским монастырём и французской штаб-квартирой, может быть либо балка Бермана, либо Верхне-Юхарина балка. На их территории расположено достаточное количество памятников, расположенных на вершинах склонов, и при раскопках отдельных из них зафиксирован как материал V в., так и следы пребывания французских войск.

Но многие памятники этого микрорегиона ещё не исследовались. Возможно, продолжающиеся на Гераклейском полуострове археологические исследования помогут нам точно привязать описанный Робером клад, но в настоящее время данных слишком мало. Пока мы лишь добавляем ещё один небольшой эпизод в печальную картину разграбления археологических памятников во время Крымской войны.

Также, в качестве заключения, хочется отметить, что использование описания клада № 202 в ряду других византийских кладов Таврики, с учётом вышесказанного, вряд ли правомерно. Вместо этого, очевидно, следует добавить новое описание: клад 1856 года, Гераклейский полуостров, одна из усадеб его южной части. 30 медных монет IV–V вв. Относится к утерянным накоплениям. В составе клада монеты Феодосия I, Флациллы, Аркадия, Льва I и Верины. Время тезаврации – не ранее второй половины V в.

Библиография

- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Денежное обращение округа византийского Херсона в VII в. // МАИЭТ – Симферополь, 2005. Вып. XI. С. 437–451.
- АНДРИЕВСКИЙ Д.В., ЧОРЕФ, М.М. Кошелек монет Крымского ханства, найденный близ с. Межводное (Черноморский район, Крым) // МАИАСК. – Севастополь; Тюмень; Нижневартонск, 2015. Вып. 7. С. 324–335.
- ГИЛЕВИЧ А.М. Хронология и топография кладов и коллективных находок херсонесских монет IV–II вв. до н.э. // Археологические вести. – СПб., 1999. № 6. С. 346–373.
- КРОПОТКИН В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. – М., 1962. Вып. Е4–4.
- КУЗИЩИН В.И., ИВАНЧИК А.И. Усадьба «Басилидов» в окрестностях Херсонеса Таврического (Результаты работ Херсонесской историко-археологической экспедиции исторического факультета МГУ в 1976–1987 гг.) // ВДИ – М., 1998. № 1 (224). С. 205–232.
- НИКОЛАЕНКО Г.М. Отчет о работе Гераклейской экспедиции Херсонесского государственного историко-археологического заповедника в 1982 г. // Научный Архив ГМЗХТ. Д. № 2312.
- ЧОРЕФ М.М. К вопросу о возможности эмиссии золота в византийском Херсоне // МАИАСК – Севастополь; Тюмень, 2011. Вып. 3. С. 327–358.
- ЧОРЕФ М.М. История византийской Таврики по данным нумизматики // МАИАСК – Тюмень; Нижневартонск, 2015. Suppl. 1.
- MOSSER S. McA. A Bibliography of Byzantine coin hoards // Numismatic Notes and Monographs. – New York, 1935. Vol. 67.
- ROBERT C. Quelques Médailles trouvées en Crimée // Revue Numismatique. Nouvelle série. – Paris, 1859. T. IV. P. 40–47.

Д.Е. АФИНОГЕНОВ
Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

**ПОГРЕБЕНИЕ ПАТРИАРХА ЕВФИМИЯ
В ПСАМАФИЙСКОМ МОНАСТЫРЕ:
ПОХОРОНЫ ИЛИ ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ?**

Л.Г. Вестеринк, издатель как переписки Николая Мистика [Nicholas 1973], так и малых произведений Арефы [Arethae 1968], полагал, что, когда 5 августа 917 г. умер бывший патриарх Евфимий, «николаитская партия, скорее, чем сам Николай» отказала ему в погребении в Псамафийском монастыре, и останки были перенесены туда позже, вероятно в 918 г. [Nicholas 1973: XXIV]. Именно по поводу перенесения мощей Арефа, по мысли Вестеринка, и произнес свой энкомий [см. лемму к 8 трактату Арефы: Arethas 1968: 82]. Однако более пристальное рассмотрение этого сочинения показывает, что это именно надгробное слово.

Евфимий умер в Агафовом монастыре, а похоронен был, согласно завещанию, в Псамафийском, что требовало перевозки по морю, которое и описано у Арефы. В то же время его текст не дает оснований считать, что тело святого было сначала извлечено из какой-то другой могилы, а потом доставлено в новое место упокоения. Печаль и уныние, упоминаемые в начале произведения, никак не подходят к перенесению мощей, но вполне уместны при похоронах только что умершего человека (полный русский перевод энкомия доступен в: [Афиногенов 2017]).

Впечатление, что Арефа говорит о перенесении останков, возникает из-за того, что он сознательно моделирует свою речь по образцу известнейшего события такого плана в недавней истории Византии, описанного в «Повести о перенесении мощей патриарха Никифора» [Theophanis 1884]. Однако важно учитывать существенные отличия между ними: в произведении Феофана ни о каком унынии и печали нет и речи, зато там есть молитва патриарха Мефодия перед гробом Никифора, где он просит покойного позволить перенести свои останки. Похороны Евфимия в Псамафийском монастыре действительно были посмертным возвращением из ссылки, как и в случае с Никифором,

поскольку он умер в том самом месте, куда его сослали в 912 г. (хотя после 913 г. он оставался там по своей воле), причем главную роль в том, что его тело доставили в Псамафию, по словам Арефы, сыграли христолюбивые императоры, то есть Константин VII и его мать Зоя Карвонопсина. Николай же по состоянию на 5 августа 917 г. не располагал таким влиянием, чтобы воспрепятствовать исполнению завещания Евфимия против воли вдовствующей императрицы Зои. Позиции патриарха укрепились лишь после сокрушительного поражения византийцев от болгар при Ахелое 20 августа, и если он хотел предотвратить похороны Евфимия в Псамафии, то это было гораздо легче сделать именно в 918 г., а не до 20 августа предыдущего года.

Библиография

АФИНОГЕНОВ Д.Е. Памфлет Арефы Кесарийского против Николая Мистика и императора Александра // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2017. Т. 22. № 5. С. 6–15.

Arethae Scripta Minora / Ed. L. G. Westerink. 2 Vol. – Lipsiae, 1968.

Nicholas I patriarch of Constantinople. Letters // Greek Text and English Translation by R.J.H. Jenkins and L.G. Westerink. – Washington, 1973. 2 vol. (Dumbarton Oaks Texts. 2).

Theophanis Presbyteri Narratio de translatione Nicephori // Μνημεῖα ἀγιολογικά / ἐκδ. ὑπὸ Θ. Ἰωάννη, – Βενετία, 1884. Σ. 115–128.

Н.Д. БАРАБАНОВ
Волгоградский государственный университет
(Волгоград)

**ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО
НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ ЕВРОПЫ В VI–VIII ВВ.
ВИЗАНТИЙСКО-МЕРОВИНГСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

Проблема. Много лет занимаясь изучением проблем, конкретных проявлений или нюансов народных верований в Византии, автор этих строк старался не терять из виду достижения современной медиевистики в осмыслении той же темы на материалах Западной Европы, что привело в свое время к созданию небольшого историографического обзора [Барабанов 2005]. Постепенно накопление фактографической и историографической информации достигло уровня, который позволяет не только использовать элементы мыслительного инструментария и наблюдения медиевистов для анализа сходных реалий византийской религиозной жизни, но и рассмотреть процесс христианизации и компоненты «народного христианства» в рамках компаративного исследования. Речь идет о сравнительно-историческом анализе некоторых сопоставимых параметров, характеризующих состояние религиозной ситуации в обществе и государстве на двух, условно говоря, «полюсах» прежней Римской империи – в восточном Средиземноморье и в Галлии в период (VI–VIII вв.), который интересен тем, что христианство как таковое еще находилось в стадии развития, распространения и острого взаимодействия с языческим наследием. Следует напомнить, что христианизация только на поверхности выглядит как процесс постепенного вытеснения, замены архаических верований новой господствующей конфессией. В действительности – это самый сложный процесс ритуально-догматического синтеза, происходящего на всех уровнях, составляющих поток религиозного бытия.

Результат процесса не сводится только к наполнению старых форм новым содержанием. Его следует рассматривать как комплекс, состоящий из структурных элементов, возникших на основе синтетического творчества, и обладающих оригинальным содержанием. В данном случае предполагается компаративный анализ стержневых компонентов данного комплекса, о которых будет сказано далее в аспекте постановки проблемы.

Источники. Специфика изучения данной темы состоит в том, что необходимая информация по крупницам извлекается из большого массива текстов, что характерно как для западных, так и для восточно-средиземноморских сюжетов. По этой причине отмечу только наиболее ценные для предполагаемого сравнения источники. Религиозная жизнь меровингской Галлии отражена в совокупности нарративов, среди которых выделяется «История франков» Григория Турского, в проповедях и трактатах Цезария Арелатского, Мартина из Бракары, Элигия, Пирмина из Райхенау. Кроме того, важны многочисленные агиографические источники, эпистолярные тексты, отражающие специфику миссионерской работы, пенитенциалии, памятники канонического и светского права, и, в особенности, *Indiculus superstitionum et paganiarum* (Перечень суеверий и языческих обрядов). Среди византийских источников как наиболее значимые отмечу каноны V–VI Трулльского Вселенского собора (691–692 гг.), сочинения Прокопия Кесарийского и Иоанна Эфесского, жития св. Николая Сионского и св. Феодора Сикеота.

Историография. Поскольку тема в широком диапазоне и в научном ракурсе интересовала исследователей со времен Я. Гримма, сочетаясь с изучением кельтских, германских и скандинавских верований, к настоящему времени ее историография насчитывает огромное количество трудов. Выделяя работы обобщающего характера и наиболее заслуживающие внимания, отмечу исследования Н. Готье, Е. Эвига, А. Хаука, Дж.-М. Уоллес-Хедрилла, Р. Манселли, А. Воше, Ж. Ле Гоффа, П.-А. Феврие. Среди отечественных исследователей – А.Я. Гуревича, Ю.Е. Арнаутовой, Н.Ф. Ускова, В.Н. Дряхлова. Византийская историография также значительна в разных аспектах темы, начиная с работ Ф. Кукулеса и переходя к трудам Ж. Дагрона, М. Каплана, О. Мейнарду, П. Маравалы и других исследователей.

Параллели. Под параллелями подразумевается совокупность сопоставимых компонентов структуры религиозной жизни. Их анализ изначально предполагает выявление уровня христианизации, состояния церковной инфраструктуры в контексте региональных особенностей Галлии и византийских провинций в изучаемый период. Учитывая невозможность освещения всех аспектов темы в одном докладе, для компаративного анализа избраны четыре сюжета. В первом из них рассмотрена специфика миссионерской деятельности церкви и способы ее борьбы с язычеством в конкретных регионах меровингского государства и в Византии. Во втором речь идет о жертвоприношениях различных видов, в особенности публичных и кровавых, об их роли в жизни социума. В третьем сюжете изучаются особенности развития календаря под углом зрения соотношения в нем языческих и христианских элементов. Наконец, уделено внимание гадательным и магическим практикам, глубоко укорененным как в повседневности, так и в праздничной обрядности. Сравнительный анализ этих компонентов на данном этапе исследования показывает ощутимую специфику христианизации архаического наследия именно в пределах Византии.

Библиография

БАРАБАНОВ Н.Д. Проблема народной религиозности в современной историографии: уроки медиевистики // Вестник ВолГУ. Серия 4. – Волгоград, 2005. Вып. 10. С.154–161.

Рис. 1. Средневековые миниатюры
со сценой крещения Хлодвиг.

М.В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ДОГОВОРЫ X В. В КОНТЕКСТЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ЭТИКЕТА ЭПОХИ

Русско-византийские договоры X в., будучи древнейшими дипломатическими актами древней Руси, в этом отношении, конечно, не являются в строгом смысле «византийскими источниками» по истории Руси. Однако детальный текстологический, дипломатический и правовой анализ показал, что тексты дипломатического протокола, актовых и юридических формул, сохраненные в древнерусских версиях трех договоров – 911, 944 и 971 гг. (в 907 г. не было, по всей видимости, выработано реального документа с необходимым набором дипломатических атрибутов, но было заключено лишь общее соглашение), являются либо переводами классических византийских канцелярских стереотипов, известных по сохранившимся греческим подлинным актам, либо парафразой памятников византийского права.

Все три текстуально известных договора дошли до нас в древнерусской версии, отмеченной некоторыми русизмами, однако все они имеют византийские дипломатические прототипы. Сохранившиеся тексты являются переводами, сделанными с аутентичных (т.е. обладавших силой оригинала) копий актов из специальных копийных книг.

Договоры с Византией следует считать древнейшими письменными источниками русской государственности. Вместе с тем, будучи международными договорными актами, они зафиксировали нормы международного права, а также правовые нормы договаривающихся сторон, что означает вовлечение каждой из них в орбиту другой культурно-юридической традиции.

К нормам международного права можно отнести те статьи русско-византийских договоров, аналоги которым обнаруживаются в текстах ряда других договоров Византии.

Это относится к ограничению срока пребывания иноземцев в Константинополе, отмеченному соглашениями 907 и 944 гг., к нормам берегового права, отраженным в договоре 911 г. Аналогом положений того же текста о беглых рабах могут быть пункты византийско-болгарских соглашений. Ограничение на вывоз шелка, зафиксированное в договоре 944 г., также было характерно для юридических документов того времени, причем не только Византии. Византийские дипломатические соглашения включали в себя пункты о термах (банях), сходные с соответствующими условиями договора 907 г. Наконец, международной нормой являются отмеченные текстом 944 г. протокольные требования наличия печатей у послов и купцов.

Дипломатическое оформление русско-византийских договоров во многом обязано византийскому канцелярскому протоколу. Поэтому важно обобщить отраженные в текстах греческие протокольные и юридические нормы, канцелярские и дипломатические стереотипы, нормативные акты и институты. К ним относится обычное для византийских актов упоминание соправителей наряду с правящим монархом: Льва, Александра и Константина в договоре 911 г., Романа, Константина и Стефана в договоре 944 г., Иоанна Цимисхия, Василия и Константина в договоре 971 г. Эта особенность была чужда как летописным текстам, так и кратким византийским хроникам, являясь элементом формуляра официальных документов.

Определяющее влияние византийских норм сказалось в использовании византийских весовых и денежных мер (литр) в тексте 911 г., а также византийской системы летосчисления и датировки акта в договорах 911 и 944 гг., индиктовой датировки договора 971 г. Цена раба в договоре как 911 г., так и 944 г. (вдвое меньшая) близка к вилке средней цены невольника в Византии. Выявляемое по договору Игоря превосходство ранга послов над рангом купцов соответствует данным трактата Константина Багрянородного «О церемониях», где выплаты в столице послам вдвое превосходят купеческие. Требование третьего пункта того же договора о необходимости специальной регистрации иноземных торговцев, прибывающих в Константинополь, находит свое подтверждение в «Книге эпарха», а в следующем параграфе этого документа отражен византийский обычай выкупа пленнных за шелковые ткани. Некоторые определения рассматриваемых договоров сопоставимы с положениями юридических памятников.

Можно указать и славянские кальки с греческих, типичных для византийской дипломатии, формул. В договорах выражение «цесарство наше» передает общераспространенный греческий термин – эпоним императорской персоны, а «цесарев муж» передает наименование византийской придворной должности василика. Формула договора 911 г. — «равно другаго свещания» отражает греческое обозначение аутентичного экземпляра, дубликата официального актового текста. «По первому убо слову» — обычное греческое вступление документов; «суть яко понеже» сопоставимо с аналогичной фразой известного византино-персидского мира 562 г., текст которого сохранен во фрагментах «Истории» Менандра Протектора.

Но наряду с этим, характерны зафиксированные в текстах договоров термины и понятия, *противоречащие византийскому* социально-политическому и конфессиональному этикету. Это категория «цесари», обозначающая в договоре 907 г. отнюдь не титул кесаря (стоящего в иерархии, разумеется, ниже императора), а самого василевса. То же можно сказать и об употреблении общеславянского этнонима «греки», в известной степени уничижительного для «ромеев»-византийцев. «Боярьство» в том же договоре 907 г. — тоже категория не из византийского понятийно-культурного круга. Отражением древнерусских реалий является и клятва на оружии в договоре 911 г., а также, разумеется, и клятва Перуном. Предусмотренная договором Олега передача имущества убийцы в случае его побега ближайшему родственнику убитого не находит аналогий в византийском праве. Исследователями отмечалась и неприменимость эпитета «боговдохновенный» к византийскому императору, как это сделано в договоре 971 г.

Обнаруживаемые параллели как юридических норм русско-византийских договоров с нормами византийских юридических текстов, прежде всего X в., так и протокольных форм являются важным датирующим моментом, противоречащим гипотезе о позднем происхождении текстов договоров, синхронном времени написания «Повести временных лет», в составе которой договоры дошли до нас.

Учет византийской концепции политической иерархии в мире и дипломатической практики империи в отношениях с другими государствами помогает оценить русско-византийские договоры и взаимоотношения обоих государств.

Принципы и методы византийской дипломатии во взаимоотношениях с «варварскими» государствами включали в себя, прежде всего, установление межгосударственных договорных отношений, введивших международную политику в правовое русло, теоретически препятствовавшее совершению неожиданных набегов, разгрому городов, оказанию военного давления.

Международно-политическая концепция Византии, ее отношения с другими странами и народами, в том числе и с Русью, была обусловлена традиционализмом идеологических установок. Они заключались в римском имперском универсализме, в эллинистическом противопоставлении греков и «варваров», в христианском экуменизме с идеей общей церкви и в библейском представлении об избранном народе, сочетавшемся с византийской идеей самодержавия. Одновременно нельзя не отметить удивительную пластичность и гибкость византийской дипломатии в балансировке между традиционной теорией и учетом политических реалий современности.

Важным фактором распределения своего влияния на окружающий мир Византия считала христианство. Причем, вера и церковь являлись не только фактором духовного, культурного взаимодействия, но и мерой разрешения политических конфликтов. Так, активность константинопольского патриарха Николая Мистика, тонкость политической игры в византийско-болгарских отношениях начала X в. побудили остановить намерения Симеона сесть на византийский престол в Константинополе с помощью военной силы, но, вместе с тем, снискать почетнейший в мировой «табели о рангах» восточноевропейских государств Средневековья титул василевса болгар, став как бы равным с василевсом ромеев — византийским императором. В мировой христианской ойкумене центром оставалась столица на Босфоре, а главой православного мира воспринимался император ромеев. В этой связи характерно, что вновь христианизированные Византией народы становились в положение как бы духовных детей; именно как к духовному сыну обращается в официальной переписке к болгарскому царю Симеону его византийский корреспондент. Однако церковная дипломатия Византии, как показал Д. Оболенский, была чрезвычайно гибкой: ученый пишет о русско-византийском соглашении, специально регулировавшем назначение главы русской церкви.

Д. Закитинос вообще склонен считать, что православная церковь изначально никогда не была делом национальным, однако и он признает важную роль «церковной дипломатии» в Византии.

Другим средством дипломатического разрешения проблем, постоянно и активно используемым Византией, были денежные выплаты контрагентам, — в виде подарков, дани, единовременных пожалований. Византийцы были уверены в том, что все на земле, — в том числе и в государственной и международной сферах, не говоря уже о человеческом индивидууме, будь он ремесленник или эмир, или вождь соседней страны, — имеет свою цену. С другой стороны, лояльность по отношению к Империи, — такая же вещь, тоже стоящая определенных, и немалых, расходов. В соответствии с этим, даже очевидные выплаты, вырванные у Византии оружием в виде дани, рассматривались как благодетельные дарения василевса, одаривающего партнера в обмен на его определенные обязанности.

Использование символики ритуала и большого престижного значения византийской титулатуры — также один из методов византийской дипломатии, отраженный и в русско-византийских договорах. Впервые Карл Великий в 812 г. был назван в Византии императором. О принятии Симеоном Болгарским в 913 г. титула василевса Болгарии уже говорилось; Стефан Душан также обретёт титул василевса и автократора Сербии и Рومании. Д. Оболенский предполагал, что это коснулось и киевского князя Владимира в 989 г. Иностранные принцы, князья, наследники престола, просто видные политики и военачальники также получали, вступив в контакт с Империей, соответствующие византийские придворные титулы: они становились кесарями, патрикиями, севастократорами, эксусиастами, магистрами, протоспафариями и т.д.

Включение государства в византийскую «экуменическую» культурно-историческую общность сохраняло политический и правовой суверенитет и независимость государств-союзников. Но и здесь византийской дипломатией была выработана тонкая градация категорий для обозначения политических союзов, включающая как идею обязательности в выполнении пунктов договора, так и отношения вассальной зависимости от императора, даже если она была чисто номинальной.

Наряду с символикой титулатуры и дипломатического этикета, очень важное место в отношениях с чужеземцами уделялось церемониям приемов, торжественных обедов, официальных и неофициальных бесед. Ритуал подобных целых представлений был строго дифференцирован в зависимости от ранга гостя, последовательность «мизансцен» досконально расписывалась в руководствах по приемам послов и режиссировалась. Прекрасным образцом такого памятника, особенно для изучаемого периода, является трактат «О церемониях византийского двора» — обрядник, авторство которого относили до последнего времени к императору Константину VII Багрянородному. В книге приводятся примеры организации приемов различных иноземных послов; именно благодаря этому произведению мы столь подробно знаем обстоятельства посольства княгини Ольги. Обращалось внимание на эстетическое, эмоциональное воздействие на гостей от увиденного в византийской столице. С этой целью демонстрировались императорские и церковные сокровища, памятники искусства, драгоценности. Этой же цели служили и богатые, часто ошеломляющие подарки визитёрам, поднесение которых сопровождалось особым ритуалом.

Сакральная важность церемоний, внимание к каждому слову и даже жесту, движению, местонахождению во время приёмов в византийской дипломатической практике сказалась в том, что центральными фигурами императорского ведомства международных отношений были должностные лица высокого ранга: наряду с логофетом дрома — магистр оффикиев и магистр церемоний. Правда, не совсем ясны функции определенных чиновников, чьё наименование, однако, указывает на их непосредственное участие в византийской политике по отношению к иноземцам. Имеется в виду прежде всего «начальник ведомства варваров» и «хартуларий варваров»: не в его ли архивах могли храниться и изучаемые русско-византийские договоры?

То, что именно для Византии данные договоры имели прежде всего реальное юридическое значение, уже отмечалось в литературе. Напротив, изучение С. Франклином функции письменных актов в ещё только складывавшейся канцелярской системе Древней Руси показало первостепенное значение именно символического ритуала соблюдения верности достигнутому договору.

Аналогом этому явлению могут служить грекоязычные печати Древней Руси, основная часть которых датируется начиная с XI в. В то же время отметим, что Д. Шепард обосновал датировку одной из них серединой X в., связав её находку с функционированием статей русско-византийского договора 944 г., обуславливающих необходимость использования печатей в двусторонних посольских и купеческих отношениях. Однако для Древней Руси на начальном этапе ее дипломатической практики большое значение имели ритуальные церемонии (типа известного позже «крестного целования»), закрепляющие – часто устные – договоры с партнерами. Канцелярско-юридическое оформление акта было делом византийской стороны.

Однако не следует упрощать понимание принципов и методов византийской дипломатии. Д. Оболенский подчеркивает её характерный дуализм: это всегда было сочетание консерватизма мышления и чуткой гибкости в практике, надменной гордости и широты гостеприимства, агрессивного империализма и политического благородства. Особое значение учёта соотношения между политико-идеологической фикцией, использовавшейся Византией, и реальностью военно-политических планов, стоящих перед правителями Древнерусского государства, выдвигается на первый план при анализе русско-византийских взаимоотношений.

Вся история русско-византийских отношений после первого крупного военного конфликта в 860 г. и, вероятно, первых шагов к христианизации Руси – это история войн и перемирий, конфликтов и союзов, заключения брачных контрактов и ведение скрытых войн без оружия, выражавшихся в организации дипломатической изоляции, протокольных унижениях, в проведении политики «разделяй и властвуй».

Библиография

Договоры Древней Руси с Восточной Римской империей / Ст. П. Каталано, А.Н. Сахаров, Я.Н. Шапов, А. Кариле / Комм. М.В. Бибикив, А.А. Горский. / Пер. А. Альберти. (*I Trattati dell'antica Russia con l'Impero romano d'Oriente.* / Test. P. Catalano, A.N. Sacharov, Ja.N. Scapov, A. Carile. Comm. M.V. Bibikov, A.A. Gorskij. Trad. A. Alberti). – Roma, 2011.

КАШТАНОВ С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. – М., 1996.

MALINGOUDI J. Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhs. aus diplomatischer Sicht. – Thessalonike, 1994.

SORLIN I. Les traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. – Paris, 1961. Vol. 2. № 3–4. P. 447–475.

М.Н. БУТЫРСКИЙ
Государственный музей Востока
(Москва)

БОЖЕСТВЕННЫЙ ГЛАВА ЗЕМНОГО ЦАРСТВА
(ещё раз о нумизматической иконографии Юстиниана II)

Радикальное обновление нумизматической иконографии в царствование Юстиниана II впервые на широчайшую аудиторию раскрывало тему взаимоотношений между императором и Богом. Бюст Христа на аверсах солида и гексаграммы в сопровождении эпитета ЦАРЬ ЦАРСТВУЮЩИХ и аббревиатуры D[ominus] N[oster] являл собою образ высшей безусловной власти, стоящей над земными правителями. Перенос фигуры императора с эпитетом СЛУГА ХРИСТА на реверс монет знаменовал признание такого порядка вещей и узаконивание их [Breckenridge 1959].

Концептуальным обоснованием христианского образа власти для византийской изобразительной культуры служили сочинения отцов Церкви начиная с Евсевия Памфила. Однако в нумизматической сфере ему может быть подобран буквальный предшественник языческой поры.

Тематика и иконография бронзовых монет Сердики (АЕ «ассы»), выпущенных в правление Аврелиана (270–275) (Рис. 1), представляют точные смысловые параллели образу власти на монетах Юстиниана II [Mattingly, Sydenham 1968: 301, nr. 319, 320].

Рис. 1. Медные «ассы» Сердики императора Аврелиана (270–275).

На аверсе монет Сердики изображён Соль в необычной иконографии, без традиционной лучевой короны. Легенда SOL DOMINUS IMPERI ROMANI (варианты: SOL DOM IMP ROMANI, SOL DOM IMP ROM) титулует бога Властителем Римской державы.

На реверсе – изображение фигуры императора Аврелиана, в тоге, наброшенной на голову, у алтаря в сопровождении надписи: AVRELIANUS AVG CONS.

Насколько можно судить, впервые на римской монете властителем государства официально был объявлен бог – Соль, чей культ необычайно развился на рубеже III–IV столетий. Он титулуется доминусом, подобно императорам позднеримской империи начиная с Аврелиана.

Точно таким же правителем при Юстиниане II будет провозглашён Христос, названный *Нашим Господином* – Dominus Noster (Рис. 2).

Рис. 2. Солиды Юстиниана II.

Благочестивое смирение венчанного монарха подчёркивается его изображением, в первом случае, во время принесения жертв, во втором, держащим Голгофский крест, символ Христовой жертвенной победы над смертью и важнейшей реликвии христианства.

Таким образом, можно утверждать, что византийская нумизматическая иконография на рубеже VII–VIII вв. имела точный визуальный пример для выстраивания обновлённого образа власти христианского царства.

Библиография

- BRECKENRIDGE J.D. The Numismatic Iconography of Justinian II (685–695, 705–711). – New York, 1959.
- MATTINGLY H., SYDENHAM E.A. The Roman Imperial Coins. – London, 1968. Vol. V. Part 1.

А.Ю. ВИНОГРАДОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва)

КОГДА ЖЕ ПАНТИКАПЕЙ СТАЛ ВОСПОРОМ?

In memoriam Sergii Tochtas'jev

Хорошо известно, что многие города Римской империи в позднеантичный/ранневизантийский период изменили свое имя. Классический пример – таврический Херсонес (Χερσόνησος), который стал именоваться Херсоном (Χερσῶν). Аналогичная судьба постигла и его главного конкурента в Крыму – Пантикапей, получивший новое название – Воспор (Βόσπορος), по тому имени, которое обозначало прежде территорию Боспорского царства, чьей столицей и был Пантикапей¹.

Однако в науке не прояснен вопрос, когда же именно произошла эта смена имени города и – параллельно – объекта, обозначаемого именем Βόσπορος. Некоторые исследователи фиксируют их в VI в., т.е. после перехода Боспора под власть империи, другие вообще предполагают континуитет такого названия города от аттических ораторов IV в. до н.э. Для решения этого сложного вопроса необходим, очевидно, просмотр всех литературных (по базе Thesaurus linguae graecae) и эпиграфических (по базе РНП7) упоминаний имен Пантикапей и Βόσπορος (в папирусах они не встречаются). Проведенный нами анализ этих упоминаний дал следующие результаты.

1. Имя Пантикапей выходит из употребления, по всей видимости, уже к V в. н.э. Если оставить в стороне его позднейшие упоминания у авторов антикварного направления (Стефан Византийский, Суда, Константин Багрянородный, «Перипл» Псевдо-Арриана), то последнее

¹ В дальнейшем мы будем использовать античное произношение Боспор для пролива и территории Боспорского царства, а византийское Воспор – для города.

упоминание Пантикапея как существующего города встречается у Евтропия (*Breviarium ab urbe condita* 7, 9) в 364–378 гг. (см. также ниже).

2. Аттические ораторы IV в. до н.э. нигде не используют имя Βόσπορος для обозначения именно города – в часто приводимом примере из речи Демосфена (*Contra Leptinum* 33) говорится лишь об ἑμπόριον... τοῦ Βοσπόρου «боспорском торговом порту», т.е. старом торговом порту боспорских царей в Пантикапее, противопоставляемом новой торговой гавани в Феодосии. Не помогает здесь и ссылка и на титул Левкона «архонт Боспора и Феодосии» в его надписях (КБН 6, ба, 8, 1111), так как в нем скорее точно так же противопоставляются старые (Боспор) и новые (Феодосия) владения боспорских царей. Более того, аттическим ораторам было хорошо известно имя Пантикапей (Демосфен (?). *Contra Lacritum* 31, 32, 34). Наконец, между этими авторами и позднеантичными примерами применения имени Βόσπορος к городу не прослеживается никаких следов преемственности.

3. Еще в конце IV в. н.э. писатели используют имя Βόσπορος для обозначения территории или пролива. Например, Астерий Амасийский (ок. 350 – ок. 410) говорит о «скифах: и тех, которые владеют сушей по ту сторону Эвксинского Понта, живя близ Меотидского озера и реки Танаис, и тех, которые населяют Боспор и тянутся до реки Фасис» (*Nomiliae* 9, 12; ср. 14, 11).

4. Первый, кто прямо говорит о πόλις Βόσπορος «городе Воспоре» – уже упоминавшийся выше Евтропий, который в 364–378 гг. включает в перечисление земель «Понтийское побережье и его крупнейшие города: Воспор и Пантикапей» (*Breviarium ab urbe condita* 7, 9). Очевидно, что Евтропий был не очень хорошо информирован о географии Северного Причерноморья, и потому не совсем ясно, откуда именно у него появился «город Воспор»: из смешения города с территорией Боспорского царства или из реального существования нового имени Пантикапея.

5. Последнее, впрочем, вполне возможно, так как уже однозначно называет город именем Βόσπορος младший современник Евтропия и современник Астерия Епифаний Кипрский (около 320–403), упоминающий некоего «Воспора, которому соименен город, называющийся Воспор, на Эвксинском Понте» (*Panarion* I, 182). Примечательно, что мы встречаем здесь не только имя Βόσπορος как название города, но и уже сложившуюся эпонимическую легенду о его основателе.

6. Первым случаем официального именованя города именем Βόσπορος следует считать, по всей видимости, титул епископа Евдоксия в деяниях IV Вселенского Собора в Халкидоне (451 г.). И если в протоколах Собора он назван просто Εὐδόκιος Βοσπόρων/Βοσπόρου

(АСО II.1.1, 81, 122), аналогично актам I и II Вселенских Соборов 325 и 381 гг., что может быть именованием как по территории, так и по городу, то его подписи в 451 г. однозначны: Εὐδόκιος ἐπίσκοπος πόλεως Βοσπόρου «Евдоксий, епископ города Веспора» (АСО II.1.1, 146) и Εὐδοξίου τοῦ εὐλαβεστάτου ἐπισκόπου τῆς Βοσπορηνῶν πόλεως «Евдоксия, благоговейнейшего епископа города веспорян» (АСО II.1.1, 148, 150), где «город веспорян» – типичная для античности парафраза имени города (ср. в соседней подписи τῆς Δοκιμηνῶν πόλεως, т.е. города Докимия).

7. Закрепление за именем Βόσπορος обозначения города, а не территории Боспорского царства, стало окончательным в VI в., после исчезновения последнего, и выразилось, в том числе, в образовании формы женского рода (ἡ Βόσπορος), которая была типична именно для обозначения городов (так как ἡ πόλις – женского рода). Именно такая форма встречается у Прокопия (De bellis 1, 12, 7; De aedificiis 3, 7, 12), Иоанна Малалы (Chronographia 431, 433), Менандра Протиктора (De legationibus Romanorum ad gentes 14; второе упоминание в конце этого фрагмента, где стоит ἡ πόλις ὁ Βόσπορος, явно испорчено – лучшей конъектурой представляется не ἡ πόλις <καὶ> ὁ Βόσπορος, как у Нибура и Де Бора, а ἡ πόλις [ὁ] Βόσπορος).

Данные результаты позволяют реконструировать, пусть и приблизительно, общую картину смены имени города с Пантикапея на Веспор и параллельной трансформации имени Βόσπορος из обозначения пролива и территории Боспорского царства в имя его столицы. Во 2 половине IV в. имя Βόσπορος еще применяется к территории Боспорского царства (Астерий), а его столица продолжает называется Пантикапеем (Евтропий). Но в это же время намечается тенденция именовать ее и Веспором (Евтропий, Епифаний Кипрский), так что титул епископа Βοσπόρου на I и II Вселенских Соборах 325 и 381 гг. может относиться и к городу, как это уже точно имело место в 451 г. в Халкидоне. Следовательно, город начал именоваться Веспором задолго до конца Боспорского царства, а во 2 половине IV в. и, возможно, в V в. назывался двумя именами (Пантикапей и Веспор). Фиксируемая в 451 г. форма πόλις Βοσπορηνῶν (а такая форма этника зафиксирована и для жителей Боспорского царства, см., например, Страбон. Geographica 16, 2, 39) может указывать на механизм такого перехода: «город боспорян» (= столица Веспора) превращается в «город Веспор» по модели, обратной вышеописанному образованию парафрастических наименований городов. После конца Боспорского царства в начале VI в. имя Веспор окончательно закрепляется за городом и переходит в женский род, обычный для имен городов.

Такая реконструкция истории имени Βόσπορος заставляет нас взглянуть по-новому еще на два важных свидетельства позднеантичной истории Боспора. Первое относится к самому началу V в. Это письмо Иоанна Златоуста (Epistulae ad Olympiada 9), где он говорит о новом епископе для готов, который из-за зимних бурь не может отплыть к своей пастве: οὐδὲ... εἰς τὸν Βόσπορον νῦν, οὐδὲ εἰς τὰ μέρη ἐκεῖνα «ни на Боспор/в Воспор, ни в те края». Мужской род при имени Βόσπορος и однородный член «ни в те края» говорят скорее в пользу того, что Златоуст имеет здесь в виду территорию Боспора, а не город Воспор. В таком случае, территория обитания готов-христиан должна была находиться за пределами Боспорского царства, причем, вероятно, там, куда нельзя было доплыть из Константинополя, минуя Боспор.

Второе свидетельство принадлежит концу VI в. Это строительная надпись Евпатерия, стратилата и дуки Херсона, 589–590 гг. (IOSPE³ V 330), выполненная на древнем рельефе и найденная в 1803 г. в Суворовской крепости Тамани. Ее текст сообщает, что император Маврикий возобновил, очевидно, после тюркского разгрома Воспора 576 г., «этот вот славный кесарий» (τόδε τὸ <δ> λαμπρὸν Κεσάριον), находившийся ἐν Βοοσπόρῳ. Тот факт, что с начала VI в. имя Βόσπορος применяется только для обозначения города, заставляет отнести данную надпись все же к Воспору-Керчи, а не к Гермонассе-Тамани, куда она была привезена, вероятно, для строительства Суворовской крепости. Кроме того, это обстоятельство заставляет нас отказаться от прежней попытки истолковать Κεσάριον как имя города (Гермонассы?) и вернуться к его традиционному пониманию как здания, но не гипотетического гермонасского храма Цезаря, а некой постройки в Воспоре.

Хорошо известен Кесарий – храм Цезаря, в египетской Александрии, превращенный в середине IV в. в кафедральный собор города, – такая судьба вполне могла бы постичь и здание пантикапейского храма императорского культа. Однако смущает отсутствие в надписи 589–590 гг. упоминания клириков и указания на христианский характер постройки и, напротив, факт выполнения работ высокопоставленным военным. Действительно, все ранневизантийские строительные надписи *стратилатов* и *дук* говорят о постройке оборонительных или, реже, общественных сооружений (SEG 7, 1061; 32, 1496; Philai II, 216; Gerasa 278; PPUAES III, A, 21, 224, 237; Le Bas and Waddington VI, 2194; IGLS 348, 9115; MAMA III, 73), но не церквей (в надписи PPUAES III, A, 670 (392 г.) слово ἐκκλησία может обозначать городское собрание). Поэтому вероятней, что пантикапейский Кесарий, расположенный, возможно, на возвышенном месте, был превращен в крепость или общественное здание.

**А.Г. ГЕРЦЕН
В.Е. НАУМЕНКО**

Таврическая Академия
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

А.А. ДУШЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

**КНЯЖЕСКИЙ ДВОРЕЦ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА.
СТРАТИГРАФИЯ УЧАСТКА ИССЛЕДОВАНИЙ 2006-2017 ГГ.
(предварительное сообщение)¹**

На протяжении практически всей истории археологического изучения Мангупского городища одним из важнейших объектов исследований остается дворец правителей княжества Феодоро в центральной части Мангупского плато (Рис. 1). В отличие от других архитектурно-топографических доминант городища, он не упоминается в письменных источниках. Фактически его открытие произошло только в 1912 г., когда на Мангупе проводил раскопки Р.Х. Лепер. В течение 1912–1913 гг. ему удалось открыть контуры крупных архитектурных объектов, составляющих ныне центральную часть дворцового комплекса (помещение А, В, С, Д, Е, F, G, Н и I). Обнаруженная в слое разрушения оборонительной башни (помещение А) строительная надпись с датой 1425 г. позволила установить время сооружения дворца [Лепер 1913а; 1913б]. В дальнейшем открытые архитектурные компоненты памятника доследовались в 1938 г. [Якобсон 1953], в 1968 г. [Суров 1972] и в 1974 г. [Веймарн, Иванов 1975].

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ ««Историко-археологические исследования княжеского дворца Мангупского городища в 2018 г.: восточный участок дворцового комплекса» (проект №17-49-92019).

Подводя общие итоги раскопок дворца в эти годы, нужно сказать, что все первые исследователи памятника рассматривали его, главным образом, как резиденцию правителей княжества Феодоро, функционировавшую в относительно небольшой промежуток времени (1425–1475 гг.). Соответственно, этим же временем датировался накопившийся на площади дворца культурный слой, а все сохранившиеся строительные остатки интерпретировались как отдельные архитектурные компоненты дворцового комплекса. Пожалуй, лишь А.Л. Якобсон обратил внимание на более сложную периодизацию памятника, предположив, что он был возведен еще в XIV в., сильно перестроен после пожара конца XIV – начала XV вв. и функционировал до 1475 г., когда вновь сгорел в пожаре. Также необходимо отметить наблюдения Е.В. Веймарна об использовании данного участка Мангупского плато в раннесредневековое и «турецкое» время [об истории изучения дворца см.: Герцен, Науменко 2010].

В 2006 г. раскопки памятника были возобновлены экспедицией Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. В течение 2006–2017 гг. окончательно были доследованы все известные прежде помещения дворца, подтверждена общая дата его функционирования в пределах 1425–1475 гг., выявлены несколько строительных периодов в истории комплекса, а также открыт ряд новых объектов на южном и западном участках его исследований – «южная дворцовая улица» с помещениями К, L, M, фрагмент «южной дворцовой площади», помещение J и «западная дворцовая улица». Однако, как нам представляется, принципиально важным результатом новейшего этапа изучения памятника является заключение об использовании данного участка Мангупского городища на протяжении всей его истории. В настоящей публикации представлен предварительный анализ стратиграфической ситуации на площади раскопа 2006–2017 гг. и общий обзор выявленных здесь археологических комплексов, определяющих время функционирования застройки додворцового, дворцового и постдворцового времени.

Наиболее ранние сооружения на месте Мангупского княжеского дворца относятся к **ранневизантийскому периоду** в истории городища, начало которого совпадает со строительством на Мангупском плато сильной крепости в правление императора Юстиниана I (527–565) [о периодизации Мангупского городища см.: Герцен, Науменко 2015].

Культурный слой этого времени лучше всего сохранился в южной части участка исследований, особенно за границами дворцового комплекса. Его характеризуют фрагменты амфор (типа V по ХК-71, типов LRA 1, 2 и 4, классов 1 и 2 по ХК-95, типов 95 и 100 по Зеест) и

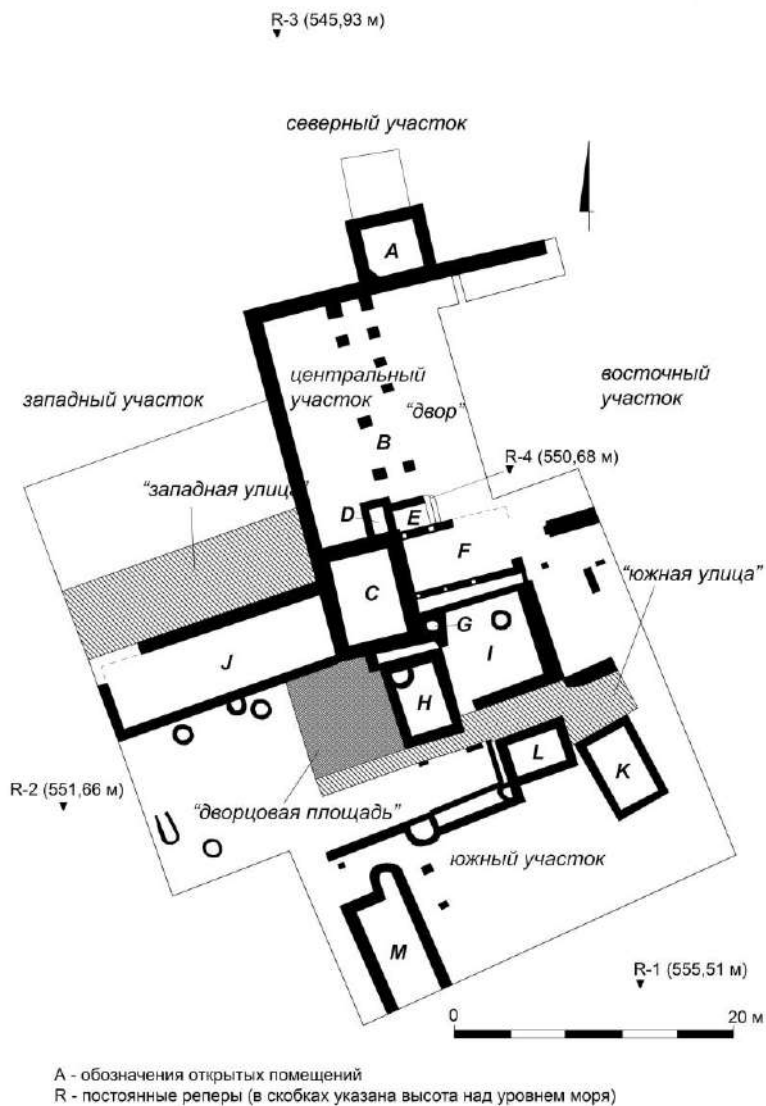

Рис. 1. Княжеский дворец Мангупского городища.
Общий план архитектурно-археологических комплексов памятника,
открытых в ходе исследований 1912–1913, 1938, 1968, 1974 и 2006–2017 гг.

лепной керамики, а также происходящие из слоя монеты Юстиниана I (527–565) и Юстина II (565–578). На остальной площади раскопа ранневизантийский горизонт был, очевидно, уничтожен более поздней застройкой. Тем не менее, на различных участках исследований дворца изучены шесть закрытых археологических комплексов этого времени – заполнения ям №№ 1, 2 (2006 г.), № 4 (2007 г., с монетами Юстиниана I), № 51 (2015 г.), засыпь скальной лакуны под кладкой № 24 (2009 г.) и амфорный развал из шестого слоя в квадрате № 18 (2015 г.).

Новый строительный ярус на месте будущей резиденции правителей княжества Феодоро формируется в **«фемный» период** истории Мангупа. Он представлен засыпью пяти наземных и скальных сооружений, сильно разобранных при последующем строительстве – в северо-западной части помещения В (2007 г., 7-й слой; от постройки сохранились отдельные кладки №№ 31, 58, 59), под помещением L (2008 г.), к юго-востоку от помещения F (2009 г., квадрат № 10/14, 9-й слой), под западной стеной помещения Н (2015 г., комплекс опубликован [Науменко, Душенко 2017]) и к северу от помещения J (2017 г., квадрат № 30/31, 8-й и 9-й слой). Из заполнения построек происходит стандартных набор датирующего материала – «причерноморские» амфоры классов 24 и 36 по ХК-95, высокогорлые кувшины с плоскими ручками, фляги, кувшины «скалистинского» типа, лепные горшки с подработкой на гончарном круге. Хронологию яруса уточняют монеты – от Василия I (867–886) до Романа IV Диогена (1067–1071).

Застройка следующего строительного горизонта на участке исследований соотносится с **золотоордынским периодом** в истории Мангупа. Пока она выявлена только в западной части раскопа, где зафиксированы три закрытых археологических комплекса этого времени – заполнения ям № 34 (2008 г.) и № 46 (2015 г.), а также фрагмент плитовой вымостки в квадрате № 34 (2017 г., 7-й слой). Культурный слой XIV в., к сожалению, сильно пострадал в процессе строительства дворца, однако, связанные с ним находки, как «переотложенные» артефакты, составляют достаточно цельную группу вещественных материалов в напластованиях и в заполнении объектов 1425–1475 гг. Датирующий характер среди них имеют глазурованная красноглиняная керамика византийского (группа «Elaborate Incised Ware») и золотоордынского (группы «Monochrome (Polichrome) Sgraffito Ware» и «Slip-Painted Ware») круга, кашинная посуда, золотоордынские бронзовые зеркала и монеты, начиная от хана Токты (1289–1313) до хана Токтамыша (1376–1395).

В стратиграфии участка исследований, безусловно, наиболее выразительны культурные напластования и строительные остатки собственно **периода функционирования дворцового ансамбля правителей княжества Феодоро (1425–1475 гг.)**. Обилие закрытых археологических комплексов (всего около 30) позволяют уже сейчас выделить среди них комплексы времени сооружения памятника (около 1400–1425 гг.), а также первого (около 1425–1450 гг.) и второго (около 1450–1475 гг.) строительных периодов в его истории. При этом важно отметить, что основанием для датировки комплексов 1400–1425 и 1425–1450 гг. пока остаются, в большей степени, стратиграфические наблюдения. Они содержат все указанные выше датирующие группы керамического материала, характерные для комплексов золотоордынского времени, дополненные стандартным набором бытовых глазурованных и неглазурованных изделий группы «Юго-Западный Крым» (ЮЗК), которые использовались в течение всего периода 1425–1475 гг.

Более определена хронология комплексов последнего периода в истории дворца, сформировавшихся в процессе серьезной перестройки памятника в 50-е – 60-е гг. XV в. и в результате его гибели в 1475 г. Из 18 комплексов, датированных этим промежуток времени, восемь являются, по сути, слоем «пожара» 1475 г., который выявлен во время раскопок помещений В (2007 г.), L (2007–2008 гг.), К (2007 г.), террас «южной дворцовой улицы» (2008 г.), помещения Н (2009 г.; комплекс опубликован: [Науменко, Душенко 2017]), F (2009 г.) и J (2014 г.). Датирующий характер в этих комплексах носят находки красноглиняной глазурованной керамики группы ЮЗК с монограммами «TX» и «ISAAC», импортных поливных сосудов групп «Miletus Ware», «Lustre Ware», «Slip-Painted Ware», «Monochrome (Blue) Ware», «селадон» и «псевдо-селадон», монеты Мехмеда II Фатиха (1451–1481), Хаджи Гирея (1441–1466) выпуска 1462–1463 гг., генуэзско-татарский аспр выпуска 1442–1475 гг. Кроме того, слои «пожара» сопровождают характерные следы штурма 1475 г. – фрагменты гранитных ядер, железные наконечники стрел, свинцовые пули, находившиеся в это время на вооружении османской армии.

Наконец, наиболее поздний строительный горизонт на участке исследований дворца относится к **османскому периоду** в истории Мангупа. Отдельные жилые и хозяйственные комплексы этого времени открыты только в западной части раскопа – «тандыр» в квадрате № 5 (2006 г.), помещение М (2010 г.), руины здания, от которого сохранились кладки №№ 76, 77, 84–86 (2015 г.). Синхронный им культурный слой характеризуют типичная строительная и бытовая неглазурованная керамика, различные виды поливных изделий XVI–XVIII вв. (красноглиняных «Monochrome

Glazed Ware» и «Monochrome Sgraffito Ware», фаянс «Iznik Ware» и «Kütahya Ware»), курительные трубки, монеты Крымского ханства, от Менгли Гирея I (1478–1515) до Шагин Гирея (1777–1783).

Безусловно, содержащийся в публикации обзор разновременных археологических комплексов, выявленных в последние годы на участке исследований Мангупского княжеского дворца, носит предварительный характер. Тем не менее, установленная стратиграфическая колонка памятника позволяет уже сейчас уверенно отнести его, наряду с раскопанным в 2001–2005 гг. жилым кварталом к северо-западу от церкви Св. Константина, к числу немногих археологических объектов Мангупа, стратиграфия которых сохранила материальные свидетельства о всех основных периодах в истории городища.

Библиография

ВЕЙМАРН Е.В., ИВАНОВ Л.И. Раскопки на Мангупе // АО 1974 г. – М., 1975. С. 263–264.

ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. – СПб., 2010. С. 387–419.

ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». – Керчь, 2015. С. 88–100.

ЛЕПЕР Р.Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. – СПб., 1913а. Вып. 47. С. 73–79, 146–154.

ЛЕПЕР Р.Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. // ИТУАК. – Симферополь, 1913б. № 49. С. 266–269.

НАУМЕНКО В.Е., ДУШЕНКО А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 187–238.

СУРОВ Е.Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму // КСИА. – М., 1972. Вып. 129. С. 96–99.

ЯКОБСОН А.Л. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Дворец // МИА. – М., 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 390–418.

Н.В. ГИНЬКУТ

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

**ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ПОЗДНЕ- И
ПОСТВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ
КОНСУЛЬСТВА ЧЕМБАЛО**

Гончарным импортам, поступающих на территорию Таврики со второй половины XIII до начала XVI вв., в современной историографии посвящено множество работ. Выделены керамические материалы византийских центров, Испании, импорты Золотой Орды, продукция Изника. В этом богатом ассортименте импортов скромное место занимает итальянской поливной керамика. Её находки единичны и отражены лишь в немногочисленных публикациях [Тесленко 2008 и др.].

Несколько фрагментов керамики итальянских центров, из светлой глины с розоватым оттенком обжига происходят из раскопок Чембало и балки Бермана. [Гинькут, Яшаева 2014: 41; Ушаков, Адаксина, Мыц 2012: 119, 121; Адаксина, Мыц, Ушаков 2014: 65, 70, 87].

К периоду активного присутствия итальянских купцов в регионе относятся фрагменты кувшинов группы «Proto-Maiolica», с росписью красками (Рис. 1,1-2), а также фрагмент чаши либо тарелки полихромной группы типа «RMR». К типу «Maioliche Arcaiche» относятся фрагменты кувшина и чаши с несколькими ручками (Рис. 1,1, 3). Эта керамика датируется в пределах конца XIII – XIV вв. и относится к производству керамических мастерских юга Италии и Пизы. К пизанским мастерским XV в. принадлежит и чаша с орнаментом в технике «sgraffito» с изображением растительных побегов и «тюльпанов?» под желтой глазурью.

К начальному периоду османского владения Крымом относятся несколько фрагментов кувшина, чаши и блюда, декорированных в голубом стиле и полихромной росписи (синего, зеленого и желтого цветов). Данная керамика производилась в Эмилии Романи, на севере Италии, и датируется от конца XV до середины XVI столетия.

Небольшое количество итальянской керамики свидетельствует не только о традиционных связях двух регионов в этот период, но и о том, что предметом торговых операций данная керамика не являлась, а, вероятнее всего, была частью бытовой культуры итальянских колонистов и их потомков.

Библиография

АДАКСИНА С.Б., МЫЦ В.Л. УШАКОВ С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012–2013 гг. – СПб.; Севастополь, 2014.

ГИНЬКУТ Н.В., ЯШАЕВА Т.Ю. Некоторые группы поздневизантийской поливной керамики из раскопок К.Э. Гриневича в балке Бермана // Поливная керамика Причерноморья–Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации. – Севастополь, 2014. С. 40–45.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Итальянская майолика в Крыму периода турецкого владычества // Российская археология. – М., 2008. № 2. С. 116–122.

УШАКОВ С.В. АДАКСИНА С.Б., МЫЦ В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. – СПб.; Симферополь, 2012.

Рис. 1. Итальянская керамика из Чембало:
1, 2 – кувшины; 3 – чаша с ручками.

Л.А. ГОЛОФАСТ
А.В. МАСТЫКОВА
Институт археологии РАН
(Москва)

А.С. МАКАРОВА
Государственный научно-исследовательский институт реставрации
(Москва)

ПОЛИВНАЯ ЧАША ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХРАМА В ГОРЗУВИТАХ

Весной 2017 г. Институт археологии РАН начал спасательные работы на участке, отводимом под строительство лагеря «Солнечный», на территории международного детского центра «Артек» (пгт. Гурзуф, Ялтинский округ). Данный участок расположен на южном склоне Лысый Бугор (Хазары), между горой Аю-Даг и скалой Дженевет-Кая, а также между урочищами Бал-Гота и Суук-Су, на территории которых были открыты в конце XIX – начале XX в. известные могильники крымских готов.

Археологический контекст.

Первым исследователем территории, отводимой под строительство лагеря «Солнечный», был А.Л. Якобсон. В 1951 г. он провёл здесь археологические раскопки, носившие ограниченный и преимущественно разведочный характер [Якобсон 1951; Якобсон 1954: 109–120]. Им были выявлены руины христианского храма – прямоугольного в плане с полукруглой апсидой, ориентированного на северо-восток, который перекрывался более поздней церковью, также прямоугольной в плане с полукруглой абсидой. Первоначальный, ранний, храм по керамическому материалу А.Л. Якобсон предварительно датировал VI–VII вв., возможно отчасти VIII в., верхний храм – IX–X вв. [Якобсон 1954: 111, 112].

В 2017 году месторасположение храмовой постройки, раскопанной А.Л. Якобсоном, было локализовано, на основании архивных фотографий, в юго-восточной части исследуемой площадки, на краю террасы с крутым склоном, обращенным на юг. На этом небольшом участке открыты остатки двух храмовых построек, исследованных в 1951 г. Более поздний храм повторяет форму раннего – прямоугольное в плане помещение с полукруглой апсидой, ориентированной на северо-восток. Хорошо сохранился фундамент южной стены верхнего и нижнего храмов. Северная стена как верхней, так и нижней храмовой постройки, а также апсидная часть сильно повреждены проложенным уже после 1951 г. кабелем. Выявлен вход верхнего и нижнего храмов в западной стене. Фундамент нижнего, раннего, храма сложен из крупного неотесанного камня. Стены же верхнего, позднего, храма представляют собой кладку, сложенную на известковом растворе из двух рядов не очень крупного камня с подтеской лицевой поверхности, местами для выравнивания кладки использованы фрагменты черепицы.

При разборке пола в западной половине храмовой постройки обнаружена гробница, перекрытая четырьмя крупными плитами, на одной из которых с внутренней стороны прочерчено изображение. Гробница представляет собой грунтовую яму ладьевидной в плане формы, стены которой внутри выложены пилеными блоками ракушечника. В гробнице обнаружено более 20 захоронений, лежавших послойно. Верхний погребенный лежал *in situ* в анатомическом порядке, головой на запад с вытянутыми ногами со сложенными на бедрах руками (Рис. 1).

Рядом с ним возле северной стены обнаружена фрагментированная керамическая чаша (Рис. 2), а ближе к восточному «краю» гробницы – керамический кувшинчик небольшого размера. Нижние захоронения были сдвинуты, при этом их анатомический порядок был нарушен. В целом погребальный инвентарь очень незначительный – два стеклянных браслета, несколько стеклянных и каменных бус, бронзовый бубенчик-пуговка. Соотнесение этих предметов с каким-либо погребенным не представляется возможным.

Анализ чаши.

Чаша с коническим туловом, небольшим вертикальным бортиком и коническим невысоким поддоном с вогнутой сферической в сечении нижней поверхностью. На нижней поверхности дна – граффити.

Рис. 1. Горзувиты-2017. Гробница, открытая в храме, вид с юго-востока.

Рис. 2. Керамическая чаша из гробницы до реставрации.

Внутренняя поверхность волнистая, результат небрежной формовки на гончарном круге. Полива с блеском, желтая с легким оливковым оттенком, наложена на слой плотного светлого ангоба, в значительной степени отслоилась, местами вместе со слоем ангоба. Внутренняя сторона украшена простым орнаментом, выполненным толстой врезной линией. Глина плотная, с редкими мелкими светлыми включениями и довольно большими пустотами неправильной формы, по-видимому, от выгоревшей органики.

Сосуд, несомненно, принадлежит, согласно общепринятой на сегодняшний день терминологии, к т.н. дериватам группы Зевкsipпa, которые производили в XIII в., преимущественно во второй его половине, и XIV в. в Константинополе, Сирии и Палестине, в частности в Иерусалиме, в государствах крестоносцев, Пергаме [Waksman, Spieser 1997: 111], Северной Италии, Коринфе, в нескольких центрах на Кипре и даже в османский период на Балканах [Pringle 1984: 104; Vroom 1998: 521, 522]. Они известны под разными названиями: *Imitation Zeuxippus*, *Zeuxippus Derivatives*, *Glossy Ware*, *Spirale cerchio*, *Zeuxippus Ware Subtypes*. Наиболее удачным представляется предложенный Г. Сандерсом

более общий термин «Late Sgraffito Ware» [Sanders 1993: 257], не содержащий слова Зевксипп. Уже высказывалось мнение о том, что простой орнамент на большей части дериватов Зевксипповой керамики не требовал специального копирования каких-либо образцов, и производившие такую керамику мастера могли и не видеть настоящей зевксипповой керамики. Широкое распространение таких сосудов по всему Средиземноморско-Причерноморскому региону объясняется, по всей видимости, их дешевизной, т.к. их производство не требовало особых вкуса и навыков, как другая, более сложная в производстве посуда, распространенная в то же время и на тех же территориях [Голофаст, Рыжов 2003: 200]. Таким образом, сходство Зевксипповых дериватов по каким-то признакам, прежде всего, по орнаментике, с настоящей зевксипповой керамикой не является безусловным свидетельством прямого византийского влияния [Wartburg 1997: 338].

Вызывает интерес и сам по себе факт находки чаши в погребении. В XIII–XV вв. в византийском погребальном обряде появляется новая традиция – помещать в могилы открытые сосуды, в отличие от более ранних погребений, в которых находят закрытые сосуды, керамические или стеклянные кувшины и флаконы, которые использовали при соборованиях. Новая традиция прослеживается во многих регионах и центрах византийского мира: в Фессалониках, Коринфе, на Крите, Кипре и т.д. Какую роль выполняли открытые сосуды в погребальном обряде непонятно, но ясно, что их помещали на дно могилы рядом с погребенным, часто вверх дном; некоторые сосуды находят в разбитом виде, что означает, что в конце погребальной церемонии их разбивали [Poulou-Papadimitriou, Tzavella, Ott 2012: 413]. Ряд исследователей связывает появление новых черт в византийском погребальном обряде с влиянием крестоносцев [Iverson 2000; Thompson 2007].

Реставрация керамической чаши.

На момент поступления в реставрацию чаша была разбита на пять разновеликих фрагментов (Рис. 2). Значительная часть объема (более половины) не сохранилась. На всех фрагментах наблюдались почвенные наслоения, кроме того, на сколах были заметны плотные корковые загрязнения. На тыльной стороне помимо загрязнений имелись следы пребывания в огне. Однако наибольшие опасения вызывали не поверхностные загрязнения, а состояние сохранности глазури. Наблюдались значительные утраты, шелушение и отслоение частиц. На нескольких участках осыпи фрагментов глазури продолжались. Поэтому в процессе реставрации необходимо было предотвратить дальнейшее осыпание глазури, выполнив при этом бережную расчистку

всей поверхности. Расчистка выполнялась при помощи смоченных в воде ватных тампонов, а также с большой осторожностью механически при помощи глазных медицинских скальпелей. Механическое удаление плотных загрязнений выполнялось только на тех участках, где не было вероятности осыпей или утраты глазури. Локально пятна загрязнений также размягчались органическими растворителями. В результате расчистки удалось выявить граффити на доньшке чашки. Все фрагменты были укреплены и склеены при помощи широко используемого в реставрации керамики клея БМК-5 (сополимер бутилметакрилата с метакриловой кислотой). Данный материал обратим, растворяется в органических растворителях. Для укрепления использовался 5% раствор БМК-5 в изопропиловом спирте. Склейка выполнялась 20% раствором этого же клея. Догипсовку утрат было решено не выполнять так как форма предмета легко восстанавливается и без восполнений (Рис. 3). К тому же при догипсовке восполнения составили бы большую часть изделия, визуальнo «спорят» с авторским материалом.

Рис. 3. Керамическая чаша из гробницы после реставрации.

Заключение

Подведём итоги. Учитывая тот факт, что западная стена верхнего храма перекрывала край могилы, то несомненно гробница относится к нижнему, раннему, храму. Открытие гробницы в корне меняет наши представления о хронологии этих церквей, ранее относившихся, как уже говорилось, соответственно к VI–VII и IX–X вв. По всей видимости, небольшая по размерам нижняя церковь функционировала еще в XIII в., и вряд ли дата ее постройки может приходиться на VI–VII вв. и соответствовать времени юстиниановского строительства в стране готов. Верхняя церковь, перекрывавшая коллективную гробницу, вероятно, была построена не ранее XIII в., а может быть и еще позже, о чем свидетельствует найденная в 1951 г. при расчистке ее западной стены монета золотоордынского хана Узбека (1313–1341 гг.) [Якобсон 1954: 112].

Библиография

- ГОЛОФАСТ Л.А., РЫЖОВ С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. – Симферополь, 2003. Вып. X. P. 182–260.
- ЯКОБСОН А.Л. Отчет об археологической разведке средневекового поселения и могильника Горзувит (бл. Гурзуфа) в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р–1. 1951. № 654.
- ЯКОБСОН А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзубиты // КСИИМК. – М., 1954. Вып. 53. С. 109–120.
- IVISON E.A. ‘Supplied for the Journey to Heaven’: a Moment of West-East Cultural Exchange: Ceramic Chalice from Byzantine Graves // *Byzantine and Modern Greek Studies*. – Birmingham, 2000. Vol. 24. P. 147–193.
- POULOU-PAPADIMITRIOU N., TZAVELLA E., OTT J. Burial practices in Byzantine Greece: archaeological evidence and methodological problems for its interpretation // *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence*. Vol. 1 / Eds. M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin, P. Spehar. – Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa, 2012. P. 377–428.
- PRINGLE D. Thirteenth-century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel // *Levant*. – 1984. Vol. XVI. P. 91–111.
- SANDERS G.D.R. Excavations at Sparta: the Roman Stoa, 1988–1991 / Preliminary Report. Part 1. Medieval Pottery // *BSA*. – 1993. Vol. 88. P. 251–286.

THOMPSON J.A. Death and Burial in the Latin East. A Study of the Crusader Cemetery at 'Atlit, Israel. PhD Thesis. – Cardiff University, 2007.

Von WARTBURG M.-L. Lemba Ware reconsidered // RDAC. – Nicosia, 1997. P. 323–340.

VROOM J. Medieval and Post Medieval Pottery from a Site in Boeotia: a Case Study Example of Post-Classical Archaeology in Greece // BSA. – 1998. Vol. 93. P. 513–546.

WAKSMAN S.Y., SPIESER J.M. Byzantine Ceramics Excavated in Pergamon: Archaeological Classification and Characterization of the Local and Imported Productions by PIXE and INAA Elemental Analysis, Mineralogy, and Petrography // Materials Analysis of Byzantine Pottery / Ed. H. Maguire. – Washington, 1997. P. 105–133.

И.А. ДРУЖИНИНА
Институт археологии РАН
(Москва)

**НА КРАЮ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОЙКУМЕНИ:
ЗИХИ, КАСАХИ, ПАПАГИ В VIII–XII ВВ.**

В последние десятилетия существования Хазарского каганата сложилась уникальная ситуация, когда в поле зрения арабских, византийских и хазарских авторов одновременно попадают три племени или «народа» Северо-Восточного Причерноморья и Западного Закубанья – зихи, известные еще с античности, кашаки (касахи), впервые упомянутые ал-Масуди в 30-х гг. X в. [Минорский 1963: 206] и «папаги» (жители «страны Папагия»), о которых сообщает единственный источник – Константин VII Багрянородный в трактате «Об управлении империей» [1991]. Позднее середины X в. эта ситуация более не повторяется: на страницах средневековых текстов папаги уже не встречаются. При этом история касахов (касогов) может быть прослежена по источникам до 1223 г., зихов – до XV в.

В то время как не все этнонимы «переживают» крах Хазарии, материалы некрополей Северо-Западного Кавказа рубежа I–II тыс. показывают, что основные типы погребальных памятников, существовавшие в хазарское время – грунтовые ингумации в каменных ящиках, в простых ямах, урновые и безурновые кремации – сохраняются и в печенежско-половецкий период, но в значительно изменённом виде и в других территориальных границах.

Попытки сопоставления памятников Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья с зихами, касахами и папагами предпринимались с начала археологического изучения региона. Наиболее убедительное решение этой проблемы на сегодняшний день предложено в отношении зихов (основную проблематику вопроса и библиографию см.: [Виноградов 2009]). Результаты поисков археологических следов касахов и папагов пока дискуссионны.

Ключом к решению этой задачи является атрибуция носителей обряда кремации, появившихся на побережье и в степях Закубанья в

конце VII в. Широкую поддержку (А.В. Пьянков, Р.Б. Схатум, Е.А. Армарчук, О.Б. Бубенок) получила гипотеза, согласно которой практику трупосожжения в регион принесли кашаки (касахи, касоги), связанные с тюркским или угорским миром. Эта гипотеза восходит к сообщению ал-Масуди о том, что кашаки исповедуют религию маджус. Исследователи допускают, что *маджус* употреблено здесь в значении «огнепоклонники», а это косвенно указывает на связь с обрядом кремации [Пьянков 2001]. Однако словом маджус средневековые арабские авторы, прежде всего, обозначали *язычников*. Кроме того, под именем *кашаки* ал-Масуди описывал *все племена*, проживавшие *к западу от алан*, и в первую очередь, зихов. Поэтому если он и назвал кашаков огнепоклонниками, то это сообщение скорее относится к жителям побережья, где обряд выставления тел известен с античности [Скаков 2011], а «воздушные» погребения ещё в XIV в. фиксировал Иоанн Шилтбергер, чем к племенам, сжигавшим покойников и зарывавшим прах в землю, что совершенно недопустимо для традиций зороастрийцев. Иными словами, связь касахов с кремациями из сообщения ал-Масуди напрямую не следует.

Далее, в письме хазарского царя Иосифа к кордовскому вельможе Хасдаю ибн-Шапруту (пространная редакция) говорится о жителях «страны Каса», которые платят дань каганату [Коковцов 1932: 101]. Согласно наиболее обоснованной точке зрения, обряд трупосожжения не имеет местных корней [Пьянков 2001: 204–205] и привнесён на Северо-Западный Кавказ племенами, чьё появление в регионе санкционировано хазарскими властями [Дмитриев 1978; Тарабанов 1993; Гадло 1994]. Это утверждение подтверждает и облик погребального инвентаря, характерного для салтово-маяцкой культуры, и ареал кремаций. Носители этого обряда заняли ключевую в стратегическом отношении территорию, представляли собой чётко стратифицированное военное общество. По всей видимости, именно это население собирало дань для каганата с жителей «страны Каса» – касахов, населявших предгорья. В качестве косвенного свидетельства укажем на чёткое разделение кашаков и хазар, живших в Дамаске XII в., в труде «Тарих мадинат Димашк» Ибн Асакира [Кулешов 2017]. Очевидно, с Касахией можно связать упомянутую в «Мученичестве Або Тбилели» «страну язычников, которые не имели никакого представления о боге», находившуюся на северных склонах Кавказа и, очевидно, под хазарским протекторатом [Виноградов 2013: 166].

Как представляется, сведения трактата «Об управлении империей» позволяют связать кубано-черноморские кремации с жителями «страны Папагия» [Дружинина 2017]. Она занимала часть Закубанья между Зихией

и Касахией, на её территории в «одном дне пути от берега моря» располагались нефтяные источники. Этим условиям отвечает ареал кремаций конца VII – IX вв. Однако трактат создан в середине X в., когда носители обряда кремаций оказались практически вытесненными из Закубанья на целое столетие. Кажущееся противоречие объясняется тем, что трактат содержит два пласта информации о Папагии, соответствующих различным периодам её истории. Первый (не позднее IX в.) характеризуется известной политической самостоятельностью этой «страны». Возможно, к Папагии этого времени имеет отношение один из персонажей сюжета о попытке убийства бежавшего в Фанагорию императора Юстиниана II Ринотмета (685–695; 705–711) «людьми хаkana» Папацем и Валгицем. Так же, как Валгиц означает титул правителя *baligci*, *Bulsici*, предположительно связанный с праболгарами Прикубанья [см.: Чхаидзе 2005], Папац может рассматриваться не как имя собственное, а как титул¹ наместника подконтрольной каганату области Западного Кавказа, с которой сопоставима «страна Папагия» в Закубанье.

Во втором периоде (до середины X в.) Папагия переживает кризис: по сведениям трактата, часть её территории занимают зихи. Этому не противоречит археология: на рубеже IX–X вв. резко сокращается число могильников с кремациями, они исчезли с побережья и остались лишь на востоке прежнего ареала. Видимо, с этими событиями связано сообщение «Кембриджского анонима» о войне хазар с народом Зибус, в котором П.К. Коковцов видел зихов [Коковцов 1932: 123]. При этом появление зихов в низовьях Кубани стало возможным только в условиях ослабления позиций каганата в регионе, в частности в результате нападения в конце IX в. на прибрежные районы кочевников – печенегов или венгров. Последствием этих событий стал разгром Фанагории [Чхаидзе 2012: 271–281]. Этот набег, по-видимому, затронул и носителей обряда кремаций – папагов.

Но здесь следует обратить внимание на отсутствие в низовьях Кубани археологических памятников X–XII вв., которые достоверно можно было бы соотнести с зихами (ингумации в простых ямах и каменных ящиках). Отчасти эту ситуацию проясняет свидетельство Джуаншера Джуаншериани [Джуаншериани 1986: 66] о том, что уже в XI в. зихов потеснили половцы.

¹ Такую возможность допускал Питер Голден [Golden 1980: 204].

И все же требует дополнительного объяснения тот факт, что самые ранние погребения, выявленные севернее Геленджика и уверенно соотносимые с зихами, датируются только XIII в. (каменные ящики мог. Цемдолина, Лобанова щель и др.) и в большинстве случаев представляют собой *впускные* погребения в курганы с основными кремациями и кочевническими захоронениями.

Возвращаясь к событиям X в., ослаблением Папагии воспользовались и касахи. Именно с ними можно связать появление в конце этого столетия в степном Закубанье памятников (могильник Казазово II) с характерными для обряда позднесредневековых адыгов признаками [Каминский 1993: 75].

Только к концу X в. кремации вновь появляются в Северо-Восточном Причерноморье, впервые эти могильники оказываются в зоне предгорий. Преобладание среди трупосожжений XI–XIII вв. погребений в урнах, изготовленных в соответствии с местными гончарными традициями, появление кремаций в предгорьях указывают на то, что папаги влились в состав касогов и, видимо, восприняли их имя.

Археологические данные о населении Закубанья в «тмутараканский период» единичны. Восполняют этот пробел письменные источники. Летописи сообщают о победе князя Мстислава над касогами в 1022 г., о сборе дани с них в 1023 и 1066 гг.

Бесценную информацию о протекавших этнокультурных процессах в регионе содержит уникальное граффито рубежа XI–XII вв. на стене Софии Киевской, выполненное на древнерусском языке касогом-христианином, носящим славянское мирское имя: *«Дедилец-касog, тмутаракан[ец писал], идя от святых. Ибо я, господи, чаю прийти к тебе на воскресение. Ох, душа моя!»* [Чхаидзе, Дружинина 2005: 155–157].

Эти сведения, помимо прочего, ярко демонстрируют самое тесное взаимодействие, в котором находились племена Северо-Западного Кавказа, кочевники Прикубанья, городское население Матархи–Тмутаракани. Археологически эти контакты прослеживаются в материалах таких памятников, как Убинский могильник, в формировании которого, без сомнения, участвовало полиэтничное по составу население, в сложении в XI–XII вв. смешанных вариантов погребального обряда. Присутствие кочевников в Закубанье отражает распространение практики подкурганных захоронений. С XI в. в кремационных могильниках известны погребения с признаками христианского обряда (Сапун, Андреевская щель).

На этом фоне обращает внимание некоторая обособленность зихов от племён зоны степей и предгорий Закубанья, что обусловлено не только определённой исторической конъюнктурой (раннесредневековая

история зихов проходила под знаком религиозного, политического и культурного влияния Византии и особенно Абхазии, тогда как население Закубанья в большей степени было зависимо от Хазарии и испытывало заметное влияние Алании), но и особенностями этногенеза родственных племён побережья и внутренних районов Западного Кавказа, которые традиционно априорно рассматриваются в историографии как общие прямые предки современных адыгов. Как показало изучение этимологии этнонима зихов, нет полной уверенности в том, что греческие Ζυγοί или Ζικχοί исконно обозначали именно адыгов, ясно лишь, что речь идёт о носителях адыго-абхазских языков [Тохтасьев 2017]. Чёткое различие причерноморских и закубанских автохтонных племён, и прежде всего, на уровне самоидентификации, характерно для всех периодов их истории.

Поздние источники XVIII – начала XIX вв. относят причерноморские субэтноты шапсугов, натухайцев, абадзехов не к числу адыгских «племён», а к абхазо-абазинскому этническому массиву и, как правило, до первой четверти XIX в. эти «племена» обобщённо обозначались «абазы». Интересно, что черноморские субэтноты, в свою очередь, воспринимали себя обособленно от остальных адыгов [Лавров 1946]. Сравнительное этнографическое исследование черноморских и кубанских адыгов и абхазо-абазинских народов (абхазов, убыхов и садзов) привели исследователей к выводу о наличии общего культурного пространства в рамках Черноморского побережья Северного Кавказа. Субъекты этого пространства вполне осознавали своё единство, но не в рамках адыгской или абхазо-абазинской общности, а в рамках специфического объединения, известного по источникам как «Агучипс» [Сивер 2002: 43–62].

Библиография

- Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала / Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая // Памятники грузинской исторической литературы. – Тбилиси, 1986. Вып. VI.
- КОКОВЦОВ П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932.
- Константин Багрянородный. Об управлении империй. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. – М., 1991.
- МИНОРСКИЙ В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М., 1963.
- ВИНОГРАДОВ А.Ю. Зихия // Православная энциклопедия. – М., 2009. Т. 20. С. 186–192.

- ВИНОГРАДОВ А.Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. – Краснодар, 2013. Вып. I. С.156–176.
- ГАДЛО А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. – СПб., 1994.
- ДМИТРИЕВ А.В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – начала IX века в районе Новороссийска – Геленджика // VIII «Крупновские чтения». Тезисы докладов. – Нальчик, 1978. С. 48–49.
- ДРУЖИНИНА И.А. Папагия в трактате «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. – М., 2017. С. 76–81.
- КАМИНСКИЙ В.Н. Одно из сочинений Константина Багрянородного и этническая карта Северо-Западного Кавказа // Музейный вестник. – Краснодар, 1993. Вып. I. С. 70–83.
- КУЛЕШОВ В.С. Касожская и хазарская мечети в Дамаске XII века // <https://www.academia.edu/33785207> (дата обращения 01.03.2018).
- ЛАВРОВ Л.И. «Обезы» русских летописей // Советская этнография. – М., 1946. № 4. С. 161–170.
- СИВЕР А.В. Шапсуги. Этническая история и идентификация. – Нальчик, 2002.
- ПЬЯНКОВ А.В. Касоги–касахи–кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИА Кубани. – Краснодар, 2001. Вып. I. С. 198–213.
- СКАКОВ А.Ю. Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. – Грозный; М., 2011. С. 95–113.
- ТАРАБАНОВ В.А. Болгарские племена на территории Края. Хазарский каганат // По страницам истории Кубани. – Краснодар, 1993. С. 35–40.
- ТОХТАСЬЕВ С.Р. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора // SCRIPTA ANTIQUA. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – М., 2017. С. 135–279.
- ЧХАИДЗЕ В.Н. Бул-ш-ци Песах «Кембриджского документа» и вопрос о локализации Черной Булгарии сочинения Константина Багрянородного и «Повести временных лет» // Проблемы всеобщей истории. – Армавир, 2005. Вып. 10. С. 170–175.
- ЧХАИДЗЕ В.Н. Фанагория в VI–X веках. – М., 2012.
- ЧХАИДЗЕ В.Н. ДРУЖИНИНА И.А. Граффити из Софии Киевской – свидетельство христианизации касогов в конце XI – начале XII вв. // МИА Северного Кавказа. Армавир, 2005. Вып. 5. С. 155–158.
- GOLDEN P.B. An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars / Khazar studies. – Budapest, 1980. Vol. 1.

А.А. ДУШЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

ВИЗАНТИЙСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ЭКЗАГИИ ИЗ РАСКОПОК МАНГУПА¹

Культурные слои крупных средневековых поселений содержат большое количество мелких находок, не относящихся к массовым категориям археологического материала. В англоязычной литературе для их обозначения используется термин «small finds», в отечественной науке чаще всего используется формулировка «индивидуальные находки». За исключением наиболее ярких экземпляров, эти предметы редко становятся объектами специального изучения. При этом индивидуальные находки могут нести дополнительную информацию об истории памятников, где они были найдены.

Примером информативности индивидуальных находок может служить группа артефактов, выделенная в процессе работы с коллекцией археологического материала из раскопок Мангупского городища, находящихся на хранении в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника². Пять медных предметов, обладающих схожей формой и размерами, были определены как экзагии – разновесы, использовавшиеся для контроля веса монет.

Первый предмет (Рис. 1,1) представляет собой фрагмент бронзовой пластины квадратной формы (11 x 11 x 3 мм) с неровными краями и грубо зашлифованной поверхностью. Вес – 2,31 гр.

¹Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты», выполняемому в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ.

²Благодарю главного хранителя фондов ГБУ РК БИКАМЗ О.А. Алпашкину и хранителя коллекции Мангупа Г.А. Трещилю за помощь в работе с материалами.

Находка происходит из слоя с керамикой VI–X вв., сформировавшегося в процессе функционирования раннесредневековой застройки в верховьях Лагерной Балки.

На этом же участке Мангупского городища в слое отвала из раскопок прошлых лет был найден экзагий (Рис. 1,2) подпрямоугольной формы (18 x 15 x 3 мм) весом 4,69 гр. На его лицевой стороне прочерчена буква N.

Другая находка с аналогичным обозначением (Рис. 1,3) была сделана в дерновом слое в южной части дворца правителей Феодоро. Предмет имеет квадратную форму (14 x 14 x 3 мм) и весит 4,15 гр. На лицевую сторону нанесена буква N, дополнительно украшенная орнаментом из точек. Поверхность предмета сильно залощена, вероятно, от долговременного использования.

В том же слое был найден экзагий с прочерченной на лицевой стороне буквой N (Рис. 1,4). Размеры предмета – 9 x 9 x 3 мм, вес – 1,39 гр.

Последний из предметов рассматриваемой группы (Рис. 1,5) также был найден на территории дворца и относится к категории «случайных находок». Его размеры – 12 x 11 x 4 мм, вес – 4,69 гр. На лицевой стороне прочерчена буква N.

Зафиксированная на трех из пяти мангупских находках буква N является аббревиатурой слова «номисма» и обозначает вес экзагия. В 309 г. при Константине Великом номисма (солид) стала стандартом золотой монеты. Ее вес равнялся 1/72 литры (византийского фунта) и составлял 4,55 гр. [Entwistle 2002: 611]. Отклонения в весе мангупских экзагиев, вероятно, следует объяснять стертостью и наличием окиси.

Разновес без буквенных обозначений, судя по весу в 2,31 гр., является эталоном для 1/2 номисмы (семисис), а предмет с буквой N (1,39 гр.) – 1/3 номисмы (тремисис).

Ареал распространения находок квадратных бронзовых экзагиев с буквенными обозначениями веса охватывает значительную часть Византии. Они известны в Херсонесе [Васильев 1922: 237–240; Чуистова 1962: 95–118; Гурулева 1997: 11, 12], на территории Малой Азии [Acara Eser 2003: 33–48; Lightfoot 2012: 379–386; Tekin 2016: 860], Балкан [Паунов 2005: 97–112; Custurea 2009: 440; Davidson 1952: 206–217], Аппенинского полуострова [Serra 1989: 60; Tobias 2013: 587, 588]. Хронология бытования этого типа экзагиев обычно определяется в пределах IV–VII вв. [Entwistle 2002: 512; Tobias 2013: 587, 588].

Находки экзагиев на территории Мангупского городища позволяют предположить наличие в администрации Дороса (раннесредневековое название Мангупа) лиц, обладавших полномочиями проверки полновесности монет.

Библиография

- ВАСИЛЬЕВ А.А. Описание византийских гирь и эксагиев, хранящихся в Академии // ИРАИМК. – Петербург, 1922. Т. II. С. 237–240.
- ГУРУЛЕВА В.В. Византийские весовые знаки с изображением храма из Херсонеса // Византия: кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов IX научных Сюзюмовских чтений 24–27 августа 1997 г. – Екатеринбург, 1997. С. 11–12.
- ПАУНОВ Е. Римски и ранновизантийски мерки за тежест от земите по Горна Струма // Известия на исторически музей Кюстендил. – Кюстендил, 2005. Т. XII. С. 97–112.
- ЧУИСТОВА Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. – Керчь, 1962. Т. II.
- ACARA ESER M. Byzantine Period // Kürkman G. (Ed.) Anatolian Weights and Measures. – Istanbul, 2003.
- CUSTUREA G. Ponduri antice și medievale descoperite recent în Dobrogea // Pontica. – Constanta, 2009. No. 42.
- DAVIDSON G. The Minor Objects // Corinth. – Princeton; New Jersey, 1952. Vol. 12.
- ENTWISTLE C. Byzantine Weights // Laiou A.E. (Ed.) The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century. – Washington, 2002.
- LIGHTFOOT C.S. Byzantine Weights and Related Material // Ivison E.A., Lightfoot C.S. (Eds.) Amorium Reports 3: The Lower City Enclosure Finds Reports and Technical Studies. – Istanbul, 2013.
- SERRA P.B. «Exagia» e «Tesserulae Nominibus Virorum Laudabilium Inscriptae» di eta Bizantina dalla Sardegna // Archivio Storico Sardo. – Cagliari, 1989. Vol. XXXVI.
- TEKIN O. Early Byzantine Weights in the Silifke Museum // Vir Doctus Anatolicus. Studies in Memory of Sencer Şahin. – Istanbul, 2016.
- TOBIAS B. Il peso monetale. Note cronotipologiche e distributive // P.M. De Marchi (Hrsg.) Castelsepio e Torba: Partimonio dell'Umanità. – Mantova, 2013.

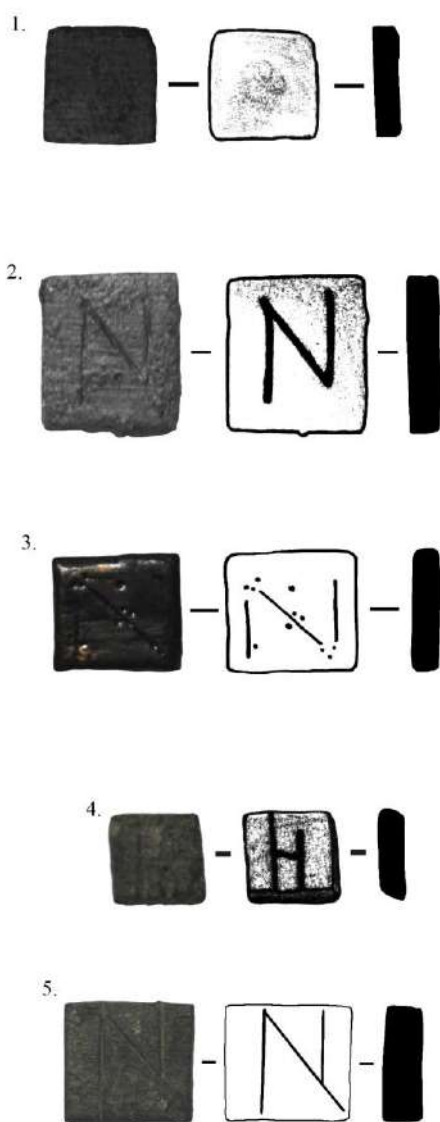

Рис. 1. Бронзовые экзагии из раскопок Мангула.

А.А. ЕВДОКИМОВА
Институт языкознания РАН
(Москва)

ВЛИЯЕТ ЛИ ФРЕСКОВЫЙ СЮЖЕТ НА ТЕКСТ ГРАФФИТО?

По обыкновению, текст граффити рассматривается в рамках фресковой росписи в комплексе с ней для определения нижней границы датировки этого текста. Дата же в самом граффито дает представление о верхней границе датировки фрески, если таковая не определяется по другим признакам. Иногда сам текст граффито используют для уточнения в тех случаях, когда на фреске изображен некий святой или святая, а относящаяся к фреске надпись утрачена. Как, например, в Софии Киевской в приделе Иоакима и Анны, в арочном проходе между вторым и третьим компартиментом, на южной грани северного пилона, на изображении монаха в богатом облачении, возможно, архимандрита находится граффито: «Ο ἁγιος | Σάβ(β)ᾶς» (№ 40)¹, что указывает на то, что на фреске изображен Преподобный Савва Освященный. В том же храме во втором от алтаря компарimente, на южной стене справа от арочного проема, на фреске с изображением св. Мины мы находим целых четыре граффити (№№ 19–22) с обращением к этому святому, что показывает, что данный святой был известен и почитался в этой местности. А в южной части центрального нефа на юго-западном крещатом подкупольном столбе, на западной грани южной лопатки с изображением святого Николая из шести молитвенных граффити (№№ 32–37), лишь одно обращено к святому на фреске (№ 36): «Ὁ ἁγιος² Νικόλαος | ἐλέησόν με» (Святой Николай, помилуй меня), остальные к Господу.

При этом нет единого понимания, есть ли какая-то взаимосвязь между граффити и выбранными для их написания местами в храме и, особенно, с фресковыми сюжетами в остальных случаях, когда граффити – не молитвенные надписи, обращенные к святому на фреске.

¹ Нумерация киевских граффити приводится по изданию [Евдокимова 2008: 465–519].

² Вместо звательного падежа употреблено в именительном.

Если мы посмотрим на распределение граффити в соборе Святой Софии в Киеве, то получится следующая картина: большая часть надписей приходится на южную часть собора, причём граффити в этой части носят более разнообразный характер, чем подобные же в северной. Среди просто молитв типа: «Господи, помоги рабу Божьему имярек» (самые распространенные надписи) встречаются и более пространные тексты, написанные минускулом. При подсчете в процентном соотношении оказалось, что на южную сторону приходится более 70% всех греческих граффити первого этажа. Подобное же распределение по количеству греческих надписей, только в большей степени проявленное, получается и в алтарной части храма: в южной части, в Михайловском приделе и в проходе из него в придел Иоакима и Анны находятся все греческие надписи, найденные в алтарной части, за исключением нескольких фрагментарных граффити в Георгиевском приделе. Можно, конечно, решить, что поклонение Богородице и сюжетам, связанным с ним, в большей степени располагало для написания граффити молитвенного содержания. В то же время при нахождении в приделе Иакима и Анны надписей музыкального характера, мы можем говорить о расположении певчих в храме, опираясь на эти памятники.

Наиболее исписанными в обеих половинах храма оказываются два параллельных друг другу подкупольных крещатых столба: юго-западный и северо-западный. При этом на северо-западном столбе среди мужских имен встречаются и женские, которых совсем нет в южной половине, что вероятно является косвенным свидетельством, в пользу разделения храма на мужскую и смешанную половины. Отчасти это может найти параллели и в расположении граффити на колоннах в Софии Константинопольской, в Парфеноне и в ряде храмов Каппадокии. В кипрских храмах в районе Троодоса наблюдается тенденция, что граффити часто оказываются в тех частях храма, которые предназначены для оглашенных, и поэтому их связь с традиционными для этих частей изображениями сцен Страшного суда оказывается условной.

Один из частотных мотивов выбора фресок для граффити обусловлен степенью свободного пространства на фоне. При прочих равных на фреске, где фон однотонный, больше вероятность появления граффити независимо от сюжета, чем на фреске с прорисованным сложным композиционно фоном. Так, удобным для обильных граффити оказывается, например, сюжет Крещения Господня, что мы можем увидеть в Каппадокии в церкви Гуллиудере-4 (по нумерации Т.А.

Бобровского, в ряде других источников Гуллиодере-3 [см.: <http://www.museovirtualecappadocia.it/>] или Chiesa di Santa Agatangelo).

Второй важный аспект при выборе, насколько пишущий хотел, чтобы его граффито было заметно или незаметно невооруженным взглядом со стороны. В первом случае, выбор падал на более темные участки фрески, во втором – на более светлые, где процарапанные буквы часто сливались с фоном издали. Встречаются и случаи, когда не только фон является местом для написания граффити, но и само изображение, включая нимб и одежду святого. Примером такого может служить храм, найденный в Ак-Тепе в окрестностях Ортахисара [подробнее см.: Евдокимова 2016: 42, 43] с единственной фреской Святого Арсения, сделанной на заказ, где граффити располагаются по всей поверхности фрески. Сам этот храм по содержанию граффити можно атрибутировать как монастырский.

Довольно любопытны те переклички сюжета, которые возникают при сопоставлении пространных надписей фресок с текстами граффити. Насколько они случайны или осмысленны не всегда можно сказать наверняка. Но приведем здесь некоторые из них. Например, на Кипре, в монастыре Панагии Хрисокурдальотисса в деревни Курдали, известна фреска с изображением лежащего Христа, не младенца, и сидящего его же в сосуде, а также смотрящего сверху, с редким сюжетом Мелисмос (Евхаристии). Этот сюжет появился в византийской иконографии в XII столетии и существовал в более позднее время (впервые встречается в росписи церкви святого Георгия из Курбинова (1191 г.), в XIII веке претерпевает изменения и конкретизируется, превращаясь в некоторых случаях в иллюстрацию отдельных моментов Литургии). При этом на указанной кипрской фреске представлены обе надписи, характерные для этого сюжета, у сидящего в кубке листок с «Πίεται ἐξ αὐτοῦ πάντες τοῦτο ἐστί το ἔμα μου» (Пейте отсюда все, это есть моя кровь), а у лежащего «Λάβετε, φάγετε τοῦτο μου ἐστί το σῶμα» (Возьмите и ешьте, это есть тело мое). Оба персонажа имеют подпись «ΙC ΧC», которая спровоцировала многочисленные граффити в разных вариациях «ΙC ΧC ΝΙΚΑ» в нижнем правом углу на зеленом фоне под фреской. На самой же фреске на черном фоне с правой стороны три граффити, все содержат формы глагола «κοιέω» и носят погребальный характер. Похожие фресковые надписи также найдены в Эмесе [Inscriptions 1959: nr. 2461A], в лидийской Филадельфии [Gregoire 1922: nr. 346] в Коринфе [Morgan 1942: nr. 121] (ок. 1100–1150 гг.) и ряде других мест. Однако эти памятники содержат лишь одну из двух фраз, и в рамках указанных публикаций неизвестно ничего о расположении на них граффити, как и о

содержании таковых. Другие переключки сюжетов фресок с содержанием граффити будут подробнее рассмотрены в самом докладе.

Таким образом, для корректного анализа степени влияния сюжетов фресок на тексты граффити необходимо учитывать контекст бытования этих текстов, как географическое расположение храмов, так и иконографическую программу памятников, включая ее текстовый источник, а также особенности и специфику самого храма. Некоторые возникающие переключки свидетельствуют о грамотности авторов, их знании священных текстов разного рода и желании придать своим надписям ряд дополнительных смыслов, другие носят случайный характер.

Библиография

ЕВДОКИМОВА А.А. «Корпус греческих граффити Софии Киевской» // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. – М., 2008. С. 465–519.

ЕВДОКИМОВА А.А. Греческие граффити из церкви на юго-восточном склоне Ак-Тепе в окрестностях Ортахисара в Каппадокии // VIII Международный Византийский семинар. «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис» (Севастополь, 30 мая – 4 июня 2016 г.). Материалы научной конференции. – Севастополь, 2016. С. 42, 43.

GREGOIRE H. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes de l'Asie Mineure. – Paris, 1922. Vol. I.

Inscriptions grecques et latines de la Syrie, V. Emesène / Ed. Louis Jalabert and René Mouterde. – Paris 1959.

MORGAN II C.H. The Byzantine Pottery. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens // Corinth. – Cambridge, 1942. Vol. XI.

А.В. ИВАНОВ
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

**НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ
ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ
ПРИ ХРАМЕ СВ. ПАРАСКЕВЫ**

Сохранившийся до настоящего храм Св. Вм. Параскевы и окружающий его, функционировавший длительное время, некрополь, некогда располагались в центральной части городского посада средневековой Сугдеи. Результаты современных архитектурно-археологических исследований позволяют отнести время строительства храма к середине XIII в., при этом некрополь уже некоторое время функционировал. По мнению исследователя памятника В.В. Майко, представленный антропологический материал связан с наиболее ранними погребениями при храме, хронологически не выходящими за рубеж XIII/XIV вв.

В процессе исследования был получен антропологический материал из 11 погребальных сооружений (могилы №№ 3, 16–19, 26–30, 32), определены останки, принадлежавшие 47 погребенным; из них: детей разных возрастных категорий – 24, женщин – 9, мужчин – 14. Сохранность материала посредственная; после реставрации для выполнения измерений было пригодно 12 мужских и 7 женских черепов.

Половой диморфизм выражен в серии не вполне четко, принадлежность отдельных черепов при отсутствии костей посткраниального скелета вызывала сомнения. Для рассматриваемой выборки характерны крупные размеры черепов, развитый рельеф; даже женские черепа довольно массивны. Лицевые отделы нескольких мужских черепов сочетали морфологические признаки свойственные как мужчинам, так и женщинам, в особенности, в строении глазниц.

Возрастной состав серии представлен следующим образом:

Дети: inf. I – 15; inf. II – 7; не определены – 2.

Женщины: juvenis – 0; adultus – 2; matures – 4; senilis – 3.

Мужчины: juvenis – 1; adultus – 3; matures – 5; senilis – 5.

Выявленные в серии патологии, в основном, представлены заболеваниями зубочелюстной системы.

Яркой особенностью серии следует признать широкое распространение практики искусственной деформации головы, наблюдавшейся у 19 индивидов: у мужчин – 2, у женщин – 4, на детских черепках – 13 (*более половины выборки!*). Во всех случаях наблюдалась деформация циркулярного типа.

В статистических расчетах использовались измерения черепов, представлявших физиологическую норму. По указателям черепной коробки серия смешанная. По продольно-поперечному указателю преобладают мезо-брахиокранные компоненты. По высотно-продольному указателю мужские черепа гипсикранные, по высотно-поперечному как мужские, так и женские средневысокие. Затылок как в мужской, так и в женской выборке умеренно-широкий.

Лоб у мужчин покатый, у женщин умеренно-покатый. Лицо, как у мужчин, так и у женщин ортогнатное. В серии наблюдается два случая альвеолярного прогнатизма (1 ♂ 1 ♀). О горизонтальной профилировке лицевого отдела мы можем судить только по измерениям трех мужских и двух женских черепов. По величине NM угла у мужчин встречаются индивиды как с хорошей, так и ослабленной профилировкой верхнего отдела лица. Для женщин на уровне FM точек характерна умеренная профилировка лица. На среднем уровне профилировка лица как у мужчин, так и у женщин на границе хорошей и умеренной. Глубина клыковой ямки в основном небольшая.

По верхней высоте лица в серии наблюдается вариабельность, при этом у мужчин преобладают высоколицые индивиды, средние значения признака лежат на границе средне- и высоколицых серий, для женской выборки преобладают среднее значения признака. Верхняя ширина лица у мужчин большая, у женщин – умеренная. Средняя ширина лица, как в мужской, так и в женской выборках умеренная. Значение верхнелицевого указателя для мужчин среднее, соответствующие рубрики мезен; для женщин – низкое (эурион).

Угол выступания носа измерен на одном мужском и одном женском черепе: в первом случае нос слабо-, во втором – средневыступающий. Среднее значение симотического указателя для мужчин в пределах средних величин; при этом присутствуют индивиды как с высокими, так и со средними и низкими значениями указателя. Величина дакриального указателя у мужчин средняя. Для женщин высокое значение симотического указателя сочетается со средним дакриального. Высота носа у мужчин на границе средней – большая, у женщин – большая. Ширина носа как у женщин, так и у мужчин средняя. По носовому указателю мужская и женская выборки мезоринные.

Ширина орбит (d) в мужской, и женской выборках на границе малых – средних величин, в сочетании с большой высотой орбит, что дает весьма высокие значения (гипсиконхия) орбитного указателя.

Сопоставление серии с некрополя при храме Св. Параскевы с близкими по времени антропологическими сериями, представляющими население Херсона, пещерных городов, сельских некрополей Юго-Западной Таврики в очередной раз указывает на своеобразный антропологический состав населения средневековой Сугдеи. Впрочем, следует отметить, что существенные отличия наблюдаются и с отдельными сериями, представляющими Юго-Восточный Крым (Тепсень).

Как уже отмечалось, при исследовании некрополя получена представительная выборка искусственно деформированных черепов. Данная практика, восходящая к традициям ираноязычных народов рубежа эр достаточно широко распространена на территории региона в позднеримское – раннесредневековое время. Однако примечательным является факт, что именно на некрополе при храме Св. Параскевы она наблюдается после значительного хронологического промежутка VIII (?) – конца XII (?) – XIII вв. Возможно, несколько старше единичный деформированный череп с некрополя Судак-IX. Эта находка связана с участком захоронений второй половины X – первой половины XIII вв. с подбоями и деревянными конструкциями, вероятно принадлежавших общине горожан пережиточно сохранявших некоторые кочевнические традиции.

Есть основания полагать, что «первый этап» бытования практики искусственной деформации головы завершается ближе к VIII в., возможно, вместе с изживанием традиций погребения в грунтовых склепах и распространением погребального обряда, связанного с использованием плитовых могил с одиночными или коллективными погребениями. Тем не менее, спустя значительный временной промежуток практика искусственной деформации головы появляется на полуострове вновь.

С осторожностью можно предположить её распространение на территорию полуострова из Северо-Кавказского региона в ходе миграционных процессов X–XI вв. (впрочем, не исключено, что она поддерживалась и более поздним культурным влиянием Малой Азии и Кавказа). Теперь она распространяется в среде неоднородного по своему происхождению и фактически утратившего этнокультурные особенности ромеизированного населения Византийской Таврики и в дальнейшем пережиточно сохраняется у различных конфессиональных групп населения Крыма вплоть до нового (если не новейшего!) времени.

И. ЙОРДАНОВ

Научен Център по византистика към Шуменски Университет
«Епископ Константин Преславски»
(Шумен, България)

ПЕЧАТИТЕ НА АРКАДИЙ СТРАТЕГ НА БОСПОРА (X–XI в.)

Известни са два екземпляра.

Единия намерен неизвестно къде и съхраняван в колекцията на Атинския нумизматичен музей (Обр. 1)¹.

Обр. 1. Печат на Аркадий стратег на Боспора X–XI вв. (Атина).

Размери: диаметър 22.09 мм, дебелина 3.54 мм, тегло 7.43 г. Пълен и добре центриран отпечатък. Аверса е с нарушена повърхност покрита с оловен окис и заличени букви от надписа. Реверса е по-добре съхранен Някои от периферните букви са изрязани, поради малкото ядро.

¹ Илюстрацията и метричните данни ми бяха предоставени от Йорка Николау, куратор в музея. Ползвам се от възможността да изкажа своята благодарност на нея и ръководството на музея.

Първо сведение за него намираме в каталога на печатите в атинския нумизматичен музей, изработен през 1868 г. [Ποστόλακας 1868]. Следваща публикация е в 1886 г. от Г. Шлюмберже, който прилага илюстрация (рисунка) и коментар. Той заявява, че досега не е срещал името на тази стратегия и предполага че тя ще се е намирала в тема Херсон [Schlumberger 1889: 251, nr. 13; 1895: 206, 207, nr. 16]. Публикацията на К. Константинопулос от 1917 г. добавя нова информация и метрични данни, но без илюстрация и без коментар, както при всички останали печати в неговия каталог [Κωνσταντοπούλος 1917: 6, nr. 15].

Ето неговото описание.

Лице. Бюст на Богородица с нимб, мафорий, хитон и химатион държаща пред гърдите си медальон с лика на Младенеца. От двете и страни сигла: Ρ – ΘΥ – [Μ(ήτη)]ρ Θ(εο)ῦ. Не мога да съм категоричен, но според мен се виждат следи от кръговия надпис с инвокацията².

Опако. Пет редов надпис : ΑΡΚΑΔΙ|ΑΣΠΑΘΙΣ|ΣΤΡΑΤΗΓ|ΡΟΟΣΠΟ|–Ρ .
[+Θ(εοτό)κε βοήθει τῷ σῷ δοῦλῳ]

Αρκάδι(φ) (πρωτο)πλαθ(αρίφ) (καὶ) στρατηγῷ Βοσπόρ(ον).

Вторият екземпляр е намерен при археологически разкопки във Велики Преслав (Обр. 2), втората средновековна столица на България и който за сфрагистите е повече известен като място, където отново при редовни археологически разкопки бе открит архива на местния византийски стратег от който архив до нас са достигнали вече над 1 000 моливдовула [Йорданов 1993].

Обр. 2. Печат на Аркадий стратег на Боспора X–XI вв.
(Велики Преслав).

² Обръщам внимание на този детайл, защото досегашните издатели допускат, че инвокацията се намира на първия ред от реверса.

Съхранява се в колекцията на Археологически музей Велики Преслав, п. инв. № 4. Намерен е при сондаж във Вътрешния град на юг от археологическата база през август 2011 г.³

Размери 24–26 мм, тегло 6,76 г. Непълен и зле съхранен отпечатък. Бил е пробит и е разкъсан по отвора. Разчитането и идентифицирането правим по горния по-добре съхранен екземпляр⁴.

Ето неговото описание

Лице. Неясно изображение на бюст на Богородица. Сигла: .. - YU – [M(ήτη)ρ] Θ(εο)ῦ. В полето следи от букви: от инвокацията или от препечатване.

Опако. От пет редовия надпис е съхранено:

..ΚΑΔΙ|..CΠΑΘς|....ΤΗΓ|..ΟC..|-. -
[+Θ(εοτό)κε βοήθ(ε)ι τῷ σῶ δούλῳ]

Αρ]κάδι(ῳ) [(πρωτο)]σπαθ(αρίῳ) [(καὶ) στρα]τηγ[ῶ Βο]ος[πόρ(ον)].

Въпросите които възникват са кой е този стратег и къде се е намирала неговата стратегия.

Името на стратегията Боспор срещахме за пръв път в Ескуриалската тактика (975), където се появяват много нови стратегии. Според Никос Икономидес [Oikonomidès 1972: 269¹⁷, 363] издателят на тактикона тази стратегия може да се локализира в Кимерия (Керч) на изток от Кримския полуостров⁵. Подобно е мнението на Шлюмберже, Мордтман и др. Б. Панченко потвърди това становище и направи опит за неговата по-ранна датировка – края на IX началото на X в. Основание за това му дава фрагментиран печат, от който той разчита името на стратегията Воспор. Липсва илюстрация на фрагмента, но от документираните няколко букви могат да се предложат много други разчитания.

.....ΔΑΤ.|...ΡΑΤ..|.ΟCΠ.

[.....κανδιδάτ[ῳ (καὶ) στ]ρατ[ηγῶ Β]ος[πόρ(ον)].

Причините за създаването на тази стратегия и събитията в Таврика са били предмет на редица изследователи. Последен преглед на мненията е направено от В.Е. Науменко [Науменко 2016: 67–80]. Аз ще се възползувам от него.

Според Науменко през последната третина на IX в. и първата половина на X в. Боспор безспорно е един от византийските центрове в Таврика и има

³ Ръководител на разкопките е д-р Мария Манолова от Варненския археологически музей. Ползувам се от възможността да и благодаря за предоставената находка и информация.

⁴ На близостта между двата екземпляра ми обърна внимание моя колега проф. В. Зайбт за което му благодаря.

⁵ Вж неговите аргументи против идентифицирането с Боспора в Тракия виж: [Oikonomidès 1972: 363, note 310].

статут на област в тема Херсон. Във връзка с руската експанзия и източния поход на Светослав през 965 г. Византия се принудила да отдели от тема Херсон самостоятелна тема Боспора. Това не е изключение, а част от административната и военна реорганизация на империята, когато на мястото на редица крупни теми идват по-малки, включващи много често определен град и неговите околности [Науменко 2016: 69, 70]. Това засяга най-вече ново завладените от империята територии. Към този период края на X – началото на XI в. се отнася и печата на Аркадий.

Кой е той ? Данните само от печата са недостатъчни, за да се отговори на този въпрос. Той не е упоменат в наративните източници. В Преслав са намерени голямо количество печати на друг Аркадий със сходни позиции. При 8 екз. Аркадий е протоспатарий и стратег без топоним [Йорданов 1993: 168, 169, №№ 347–351; Jordanov 2009: 499, nr. 1510–1516], а при други 18 екземпляра той е протоспатарий при хрисотриклиниума [Йорданов 1993: 61, 62, №№ 98–109; Jordanov 2009: 222, 223, nr. 573–591]. При тази група той има на лицевата страна бюст на Богородица, държаща пред себе си медальон. Би могло да се потърси връзка помежду им.

Може би има някаква връзка и фактът, че по това време в Преслав е писал стратега на Херсон – Леон [Йорданов 1993: 159, № 322]. Няма административна връзка между Преслав и Херсон, а сега и Боспора.

Библиография

- ЙОРДАНОВ И. Печатите от стратегията в Преслав (971–1092). – София, 1993.
- НАУМЕНКО В.Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XII веках // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2016. Т. 21. № 5. С. 67–80.
- JORDANOV I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. – Sofia, 2009. Vol. 3. Part 1-2.
- ΚΩΝΣΤΑΝΤΟΠΟΥΛΟΣ Κ.Μ. Βυζαντιακὰ μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθηναῖς Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου. – Αθήνα. 1917.
- OIKONOMIDÈS N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. – Paris. 1972.
- ΠΟΣΤΟΛΑΚΑΣ Α. Κατάλογος τῶν ἀρχαίων νομισμάτων Κερκύρας, Λευκάδος, Ἰθάκης, Κεφαλληνίας Ζακύνθου καὶ Κυθέρων. – Αθήνα, 1868.
- SCHLUMBERGER G. Sceaux byzantine inédits // REG. – Paris, 1889. P. 245–259.
- SCHLUMBERGER G. Melanges d'archeologie byzantine. Monnaies, medailles, mereaux, jetons, amulettes, bulles d'or et de plomb, poids de verre et de bronze, ivoires, objets d'orfèvrerie, bagues, reliquaires etc. – Paris, 1895.

М.М. КАЗАНСКИЙ
Centre national de la recherche scientifique (SNRS)
UMR 8167 «Orient et Méditerranée»
(Paris, France)

**РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ПРЯЖКИ
ИЗ ПОНТИЙСКИХ МАСТЕРСКИХ
(середина V - середина VI вв.)**

На территории Восточной Римской империи выделена серия ранневизантийских пряжек середины V – середины VI вв. [Kazanski 1994; Schulze-Dörrlamm 2002]. Их распространение за пределами Империи в той или иной степени маркирует связи с Византией. Для Северного Причерноморья особый интерес представляют пряжки, распространявшиеся в первую очередь в понтийском бассейне и, возможно, изготовленные в местных, понтийских ателье. Выделяется несколько серий подобных пряжек.

1. Пряжки с овальным кольцом и овальным щитком, с инкрустированным крестообразным декором (Рис. 1,1-5). В надежном погребальном контексте такие пряжки были найдены на Кавказе. Одна происходит из погребения № 121 аланского могильника Мокрая Балка в Пятигорье, вторая найдена в погребении № 14 абхазского могильника Шапка-Абгыздраху. Еще две пряжки известны в Болгарии, в Мартен и в Жълъд [Ангелова-Трайкова 2017: №№ 281, 282]. Также из Жълъд происходит овальная поясная накладка с таким же декором, составлявшая вместе с пряжкой единую гарнитуру [Ангелова-Трайкова 2017: № 1352, табл. 165,2]. Две пряжки этой серии происходят из Северного Причерноморья, причем одна из них, из коллекции А.Л. Бертье-Делагарда, видимо, крымского происхождения. Еще одна пряжка данной серии происходит из Малой Азии [Kazanski 1994: 155, 156; Schulze-Dörrlamm 2002: 95, 96, nr. 78, 79].

2. Пряжки с инкрустированным крестообразным декором, но с прямоугольным щитком (Рис. 1,6-8). Две такие пряжки происходят из Абхазии, из некрополя могильника Шапка, а также из мужского погребения Гагра-Цихерва. Еще одна пряжка с прямоугольным щитком

и крестом найдена на территории современной Болгарии, в Ветрен, в районе Силистры [Хараламбиева 1993: табл. 1,9]. Судя по типу меча из погребения в Гагре, эти пряжки должны датироваться V – ранним VI вв., а их очень локальное распространение свидетельствует в пользу их производства в понтийских мастерских, может быть тех, же самых, где изготавливались и пряжки с крестообразным декором на овальном щитке [Kazanski 1994: 156, 157].

3. Пряжки с овальным кольцом, прямоугольным щитком, украшенным вставками, перегородки между которыми образуют декор в форме креста (Рис. 1,9-14). М. Шульце-Дёрламм в своей типологии ранневизантийских пряжек их определяет как тип C13. Такие пряжки были найдены в погребении № 2 могильника Шапка-Юстинианов Холм-3 и в погребении № 20 могильника Байтал-Чапкан, на Верхней Кубани. Кроме того, они известны в Западном Причерноморье, в Големаново Кале, в Каллатисе, Ибиде, Абрите, Калето, Дебелте и Генерал Кантарджиево [для территории Болгарии см.: Ангелова-Трайкова 2017: №№ 109–112]. Одна пряжка известна в Малой Азии. Вне причерноморского региона три пряжки встречены в Западном Иллирикуме (Salona) и на Среднем Дунае (Hemmalberg, Szentes-Berekhát) [Kazanski 1994: 151; Schulze-Dörrlamm 2002: 115–119, Abb. 43].

4. Пряжки с овальным кольцом и D-образным щитком, украшенным инкрустированным декором (Рис. 1,15-16). Такие пряжки составляют тип C7 по М. Шульце-Дёрламм, довольно широко распространенный в Средиземноморье (Сирия, Причерноморье) в ранневизантийское время [Schulze-Dörrlamm 2002: 101–103]. Однако, две пряжки, найденные в Абхазии (Шапка-Юстинианов Холм-3, погребение № 2, Шапка-Верин Холм, погребение 1981 г.), отличаются зигзагообразным декором, который не представлен на других изделиях этого типа [Kazanski 1994: 143, 144].

5. Пряжки с овальным кольцом и прямоугольным щитком с гравированным декором или надписями (Рис. 1,17-21). Эти изделия относятся к довольно распространенной группе пряжек B11, согласно типологии М. Шульце-Дёрламм, представленной как в причерноморском бассейне, так и в Южной Италии, Северной Африке и на Среднем Дунае [Schulze-Dörrlamm 2002: 60–63, Abb. 22]. Однако большинство таких пряжек имеет овальный щиток. Пряжки с прямоугольным щитком известны в первую очередь в Западном Причерноморье, в частности, в некрополе Варны, но более всего вне контекста [Ангелова-Трайкова 2017: №№ 71, 72, 76–78]. Реже они встречаются в Херсонесе (погребение № 2126 1905 г.; погребение № 62 1909 г.), на территории Абхазии (Лар, погребение № 1), а также в Малой

Азии (вне контекста). Такая география распространения позволяет предполагать их понтийское происхождение [Kazanski 1994: 161, 162].

6. Пряжки с овальным кольцом и прямоугольным щитком, украшенным рифлением (Рис. 2,1-13). Три такие пряжки происходят с Кавказа. Две были найдены в готском могильнике Дюрсо, под Новориссийском, в погребениях №№ 291 и 479, и одна в погребении Бароновка, на территории Абхазии. Целая серия таких пряжек происходит из Юго-Западного Крыма [Айбабин 1990: 36]. Они найдены в некрополе Херсонеса, в могильниках Сахарная Головка, Скалистое, Черная Речка, Алмалык-Дере, Карши-Баир. В Западном Причерноморье такие пряжки есть в Каллатисе и в Пловдиве [Ангелова-Трайкова 2017: № 79]. За пределами черноморского бассейна одна находка отмечена в западном Илирикуме, в могильнике Раковчани (Rakovčani), одна далеко на севере, в могильнике Марвеле (Marvelè), на территории Средней Литвы, и одна далеко на юге, на территории Иордании в Вади-Файнан (Wadi Faynan) [Eger 2003: fig. 2,2]. Однако в целом привязанность этих пряжек к черноморскому бассейну очевидна [Kazanski 1994: 163, 164; Казанский 2013; Айбабин, Хайрединова 2017: рис. 105,6; 108,5, 8-9].

7. Пряжки с овальным кольцом и овальным щитком, украшенным рифлением (Рис. 2,14-19). Они явно родственны предшествующей серии пряжек и, возможно, производились в тех же ателье. Мне они известны в Западном Причерноморье и в Юго-Западном Крыму. На территории Болгарии таких находок больше всего, хотя основная часть их депаспортизирована [Ангелова-Трайкова 2017: № 263–268, 270, 271]. Одна такая пряжка имеется в Херсонесе, контекст находки неизвестен, еще три обнаружены на могильнике Скалистое, в погребениях №№ 445, 449 и 495. Одна пряжка этой серии представлена в Карши-Баире. Наконец, одна пряжка из «Южной России» имела в частных германских коллекциях [Айбабин 1990: 36; Kazanski 1994: 162, 163; Айбабин, Хайрединова 2017: рис. 108,4, 6-7; 109,10; 111,1-2; 112,5].

Итак, в Черноморском бассейне фиксируется серия разнообразных средиземноморских пряжек второй половины V – первой половины VI вв., география распространения которых указывает на возможность существования местных понтийских ателье, связанных с ранневизантийской традицией. Разумеется, совсем не исключено, что сегодняшняя картография пряжек отражает не столько реальную картину их распространения, сколько состояние наших знаний в области ранневизантийской археологии. Действительно, Черноморский

регион с точки зрения истории материальной культуры в V–VI вв. изучен гораздо лучше, чем другие территории, некогда входившие в состав Восточно-Римской империи. Этому немало способствует тот факт, что в Средиземноморье, в отличие от Черноморья, в ранневизантийское время господствовал обряд безинвентарных погребений. Поэтому дальнейшие исследования могут опровергнуть или же, наоборот, усилить понтийскую атрибуцию представленных здесь пряжек.

Библиография

- АЙБАБИН А.И. Хронология могильников Кыма позднеимперского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – Симферополь, 1990. Т. I. С. 3–86, 175–241.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.). – Симферополь, 2017.
- АНГЕЛОВА-ТРАЙКОВА Л. Коланът южно от Долен Дунав – края на III – началото на VII в. – София, 2017.
- КАЗАНСКИЙ М.М. Ранневизантийская пряжка из могильника Марвеле в Средней Литве // *Stratum plus*. – 2013. № 5. С. 163–174.
- ХАРАЛАМБИЕВА А. Коланни токи от IV–VII в. от Добричкия музей // Добруджа. – Варна, 1993. Т. 10. С. 32–46.
- EGER C. Dress Accessories of Late Antiquity in Jordan // *Levant*. – 2003. Vol. 25. P. 163–178.
- KAZANSKI M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve – VIe siècles // *Archéologie Médiévale*. – 1994. Vol. XXII. P. 137–198.
- SCHULZE-DÖRRLAMM M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil 1: Die Schnallen ohne Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. – Mainz, 2002.

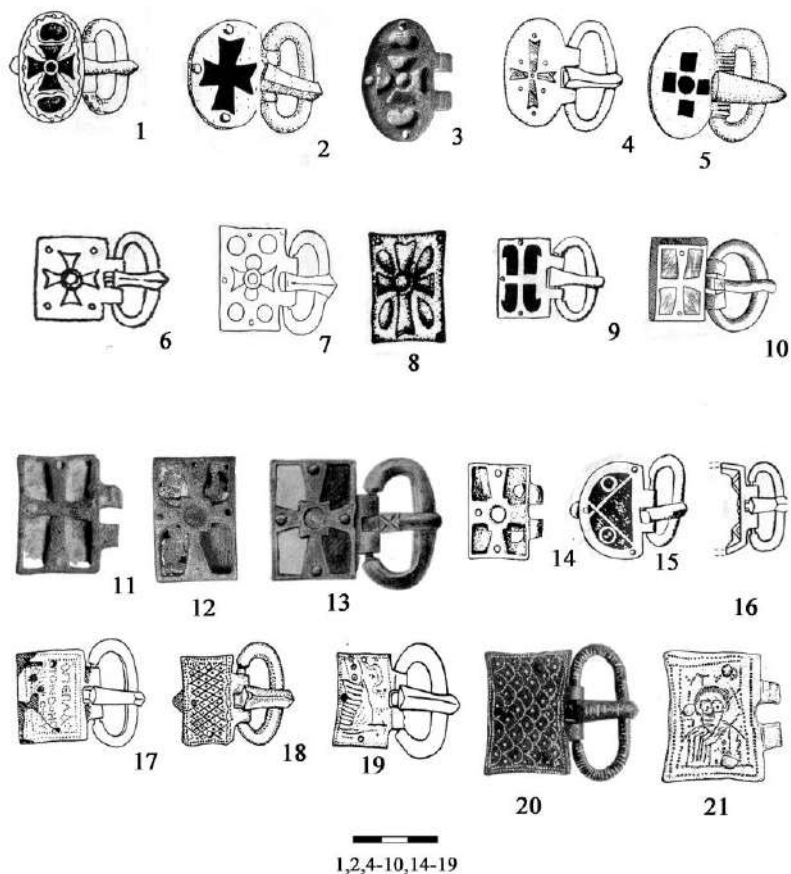

Рис. 1. Ранневизантийские пряжки

с инкрустированным и гравированным декором.

- 1: Мокрая Балка (погребение 121); 2: Шапка-Абгыздраху (погребение 14); 3, 11, 20, 21: Малая Азия; 4: Крым; 5: «Южная Россия»; 6: Гагра-Цихерва; 7: Шапка; 8: Ветрен; 9, 15: Шапка-Юстинианов Холм-3, (погребение 2); 10: Байтал-Чапкан (погребение 20); 12: Големаново Кале; 13: Каллатис (погребение 47); 14: Ибида; 16: Шапка-Верин Холм, (погребение 1981 г.); 17: Лар (погребение 1); 18: Херсонес (погребение № 2126 1905 г.); 19: Херсонес (погребение № 62 1909 г.) (1, 2, 4–7, 9, 10, 14–19: по Kazanski 1994, там же библиография; 8: по Хараламбиева 1993; 3–11, 13, 20, 21: по Schulze-Dörlamm 2002).

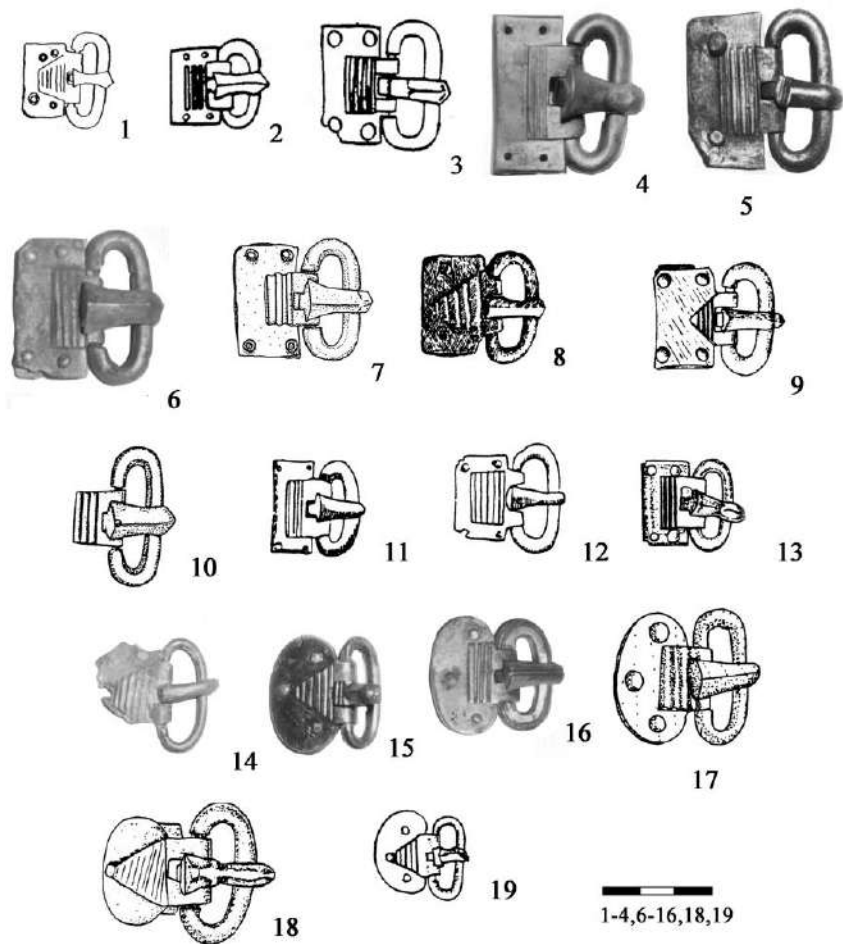

Рис. 2. Ранневизантийские пряжки с рифлением.

- 1: Бароновка; 2: Дюрсо (погребение 479); 3: Дюрсо (погребение 291);
 4: Херсонес (погребение № 14 1914 г.); 5: Сахарная Головка (погребение
 № 3/13); 6, 13, 16, 19: Скалистое (погребение 495); 7: Алмалык-Дере;
 8: Скалистое (погребение 430); 9: Каллатис (погребение 351);
 10–12, 15: Херсонес; 14: Скалистое (погребение 449);
 17: «Южная Россия»; 18: Скалистое (погребение 445)
 (по Казанский 2013, там же библиография).

Т.М. КАЛИНИНА
Институт Всеобщей истории РАН
(Москва)

АЛ-МАС‘УДИ О ПОСТРОЙКЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ «НА МОРЕ МЕОТИС, НАЗЫВАЕМОМ МОРЕМ АЛ-ХАЗАР»

Сообщения о Византии, письменные и устные, имеются в сохранившихся трудах «Золотые копи и россыпи самоцветов» и «Книге предупреждения и пересмотра» (есть и другие переводы названий) Абу-л-Хасана ал-Мас‘уди (ок. 896–956), арабского путешественника и писателя [Крачковский 1957: 171–172; Shboul 1979: 1–29].

Ал-Мас‘уди рассказал о постройке новой византийской столицы Константином Великим (272–337). «На четвертом году своего царствования *Кустантин* построил город *ал-Кустантинийу* на проливе, ведущем из моря *Майтас*, известному в это время под названием моря *ал-Хазар*, в море *ар-Рума*, *аш-Ша‘ма* и *Мисра*, в местности, называемой *Таб.ла* в области *Бузантийа*. Он старался сверх меры укрепить *ал-Кустантинийу*, построить прочными ее здания и сделал ее столицей, назвав своим именем. Цари *ар-Рума* проживают здесь до этого времени, хотя византийцы (*ар-рум*) в наше время, которым датируется наша книга, именуют этот [город] *Булин*, и если хотят сказать, что это величественная столица царства, то говорят *Истан Булин*, не называя её *ал-Кустантинийа*, однако арабы обозначают этот город так» [Kitâb at-tanbîh 1894: 138–139].

В 324 г. Константин выбрал новую столицу на месте старого города Византий (Βυζάντιον) на европейском берегу Босфора. В 330 г. новая столица была официально открыта и стала называться Константинополем [Васильев 1998: 111–112]. Не ясно, почему ал-Мас‘уди считал, что это произошло на «четвертом году царствования Константина»: полноправным владыкой он стал именно в 324 г.

Прежде, чем перейти к пояснению того, что подразумевалось под «морем *Майтас* – морем *ал-Хазар*», рассмотрим прочие названия.

Море *ар-Рума*, *аш-Ша'ма* и *Мисра*, т.е. Византии, Сирии и Египта – Средиземное море.

Булун – арабская передача греческого слова ἡ πόλις, т.е. «город».

Истан Булин – εἰς τὴν ἡόλιν, т.е. «первый город».

В тексте имеется явный архаизм, поскольку хазары не могли быть известны во времена царствования Константина Великого и строительства столицы.

Исследователи давно обращали внимание на противоречивую информацию ал-Мас'уди о море *ал-Хазар*. Ряд данных о нем как о Каспийском достаточно точны: морем Хазар назывался бассейн, омывающий *Баб-ва-л-Абваб* (Дербент), *Мукан*, *ал-Джилъ*, *Дайлам*, *Абаскун*, побережье *Джурджана* и *ал-Хумма*, побережье *Амула* – столицы *Табаристана* (т.е. области и города вокруг Каспия – *Т.К.*) [Ма'судî 1861: 262–263]. В другой книге этому морю посвящена глава о третьем море *ал-Хазари* (т.е. Хазарском – *Т.К.*). «Это море *хазар*, *ал-Баб ва-л-Абваба*, *Арминийи*, *Азербайджана*, *Мукана*, *ал-Джила*, *ад-Дайлама*, *Абаскуна*, а это побережье *Джурджана*, *Табаристана*, *Хорезма* и прочих [земель] из поселений '*аджамов* (т.е. неарабов – *Т.К.*) и мест их обитания, расположенных вокруг него... [Море] имеет форму кишки, [вытянуто] в длину. Есть люди, называющие его морем *ал-Хурасани* из-за его соседства со страной *Хорезма* земли *Хорасана*. Множество кочевников-гузов из числа тюрок живет в степях [вокруг него]» [Kitab at-tanbih 1894: 60].

Ал-Мас'уди писал также о морях Понтос (*Бунтус*) и Меотис (*Майтас*), т.е. о Черном и Азовском морях, утверждая, что эти названия равнозначны: «Название того из этих морей, что широко и многоводно, – *Майтас*, а того, что узко и мелководно, – *Бунтус*, не возбраняется соединять их под [одним] именем *Майтас* или *Бунтус*... Море *Бунтус* и море *Майтас* должны быть [не чем иным, как] одним и тем же морем, хотя в некоторых местах их стесняет суша, придавая форму пролива между водами обоих морей (имеется в виду Керченский пролив – *Т.К.*)» [Ма'судî 1861: 272–273]. Однако позднее, получив другую информацию, он писал: «...Море *Бунтус*... простирается от севера до окрестностей города, именуемого *Лазика* – это позади *ал-Кустантинийи*... Оно соединяется с озером *Майтас*... Оно (озеро – *Т.К.*) находится на краю обитаемой земли со стороны севера и часть его – у Северного полюса. Близ этого озера – город, за которым нет обитаемых мест, он называется Сулийа (Туле – *Т.К.*). Отсюда (из моря Понт – *Т.К.*) выходит пролив *ал-Кустантинийи*, впадающий в море *ар-Рум*». Соединяла же моря Майтас и Понт река *Танаис*, текущая из озера на севере ([Kitab at-tanbih 1894: 66–67].

Не исключено, что путаница Меотиса и Понта у ал-Мас'уди могла возникнуть под влиянием неверно понятого нашим автором пассажа из труда ал-Баттани (852–929): «Море Понт тянется от Лазики до великого Константинополя, длина его 1060 миль. В него впадает река, которая называется Танаис, течение его со стороны севера от озера, которое называется Майотис. Это большое море, хотя и называется озером... У Константинополя отделяется от него залив, который течет точно река и впадает в море Мисра (Египта, т.е. Средиземное). Ширина его у Константинополя величиной 3 мили, и Константинополь – на нем» [Крачковский 1957: 103]. Хотя Крачковский переводит слово *халидж*, которое имеет два значения: «залив» и «пролив», первым значением, однако по контексту ясно, что речь идет о проливе Босфор. Босфор, Мраморное море и Дарданеллы, соединявшие Черное море со Средиземным, назывались арабскими авторами Константинопольским проливом. Ал-Мас'уди же, по-видимому, воспринял информацию о выходе пролива близ Константинополя не из Понта, а из Меотиса, поскольку данные о последнем вклиниваются в тексте ал-Баттани между известиями о Понте и материалами о Константинопольском проливе [Бейлис 1962: 24].

О нем ал-Мас'уди писал: «Пролив берет начало от моря *Маймас*, называемого морем *ал-Хазари*, проходит по трем его сторонам и впадает в море *ар-Руми*. Говорят, что пролив обходит море с двух сторон: с востока и севера, а западный и южный его берега – это суша [Kitab at-tanbih 1894: 169].

Наш автор утверждал в одних случаях, что эти моря не имеют соединения с морем *ал-Хазар* (т.е. Каспийским), вопреки утверждениям некоторых, что такая связь между ними имеется [Maçoudi 1863: 24], в других случаях он сам признавал такую связь: «Это море одной своей стороной сообщается с морем *ал-Баб-ва-л-Аббаба* через пролив и протекающие здесь великие реки; это ввело в заблуждение некоторых составителей книг о морях и обитаемой земле, и они утверждают, что море *Бунтус*, озеро *Маймас* и море *ал-Хазар* – это одно море» [Maçoudi 1863: 67]. О рукаве, выходящем из Понта и соединяющемся с морем *ал-Хазар*, ал-Мас'уди говорил в рассказе о набеге русов, которые прошли на Каспий [Maçoudi 1863: 18–24].

Ал-Мас'уди имел дело с разной информацией. Описывая округи Византии, он упоминал, что граница области *Букаллар* – «море *ал-Хазар*, т.е. *Маймас*» [Kitab at-tanbih 1894: 178]. Граница же округа *ал-Арманийак* – «море *Маймас*, которое многие люди называют морем *ал-Хазар*. Однако оно (лишь) связано с ним (подчеркнуто мной – Т.К.), потому что море *ал-Хазар* – это то, на котором находятся места обитания 'аджамов, такие, как *Баб-ва-л-Аббаб*, *Мукан*, *ал-Джил*,

Дайлам, Абаскун, побережье Джурджана и ал-Хумма, побережье Амула – столицы Табаристана» [Kitab at-tanbih 1894: 178–179]. Ал-Мас‘уди писал об Абидосе, стоявшим в «устье пролива, впадающего в море Мисра и аш-Ша‘ма (Средиземного), а его начало – из моря *Маймас*, называемого морем *ал-Хазар*» [Kitab at-tanbih 1894: 140–141].

Сведения об округах Византии впервые встречаются в «Книге путей и стран» Ибн Хордадбеха и восходят к несохранившемуся сочинению выкупившегося в 845 г. из византийского плена Муслима ал-Джарми [Kitab al-masalik 1889: 105; Ибн Хордадбех 1986: 98], о чем упоминал и ал-Мас‘уди [Kitab at-tanbih 1894: 190–191]. Ряд провинций, по Ибн Хордадбеку, граничили с морем *ал-Хазар*, т.е. Черным [Kitab al-masalik 1889: 105; Ибн Хордадбех 1986: 98]. Среди них византийская область *Таб.ла* (искаженное имя Фракии у Ибн Хордадбеха и других) граничила с морем *ал-Хазар* (у Мас‘уди – см. выше).

Таким образом, информация о Меотисе (Понте), как море ал-Хазар, имеет основой византийские источники, в то время как данные о Каспии как море ал-Хазар, основаны на собственных впечатлениях автора. Под именем «моря *Маймас*», известного в те времена, как «море *ал-Хазар*», здесь подразумевалось Черное море.

Библиография

- БЕЙЛИС В.М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв. // Ближний и Средний Восток. – М., 1962.
- ВАСИЛЬЕВ А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов. – СПб., 1998.
- Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., комментарии, исследования, указатели и карты Наили Велихановой. – Баку, 1986
- КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Арабская географическая литература // Избранные сочинения. М.; Л., 1957.
- Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordâdhbeh... / De Goeje M.J. – Lugduni Batavorum, 1889.
- Kitâb at-tanbih wa'l-ischrâf auctore al-Masûdî / Ed. De Goeje M.J. – Lugduni Batavorum, 1894.
- Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863. T. II.
- SHBOUL A.M.H. Al-Masudi and his World. A Muslim Humanist and his Interest in non-Muslims. London, 1979.

**Н. КЪНЕВ
С. АНТОНОВ**

Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий»
(Велико Търново, България)

**ОЛОВЕН ПЕЧАТ НА ЕВФИМИЙ, ПРОТОСПАТАРИЙ
ОТ РЕГИОНАЛНИЯ ИСТОРИЧЕСКИ МУЗЕЙ В СИЛИСТРА¹**

Статията има за цел да вкара в научно обращение нов непубликуван византийски оловен печат от Силистренско. Разглежданият в нея моливдовул е новопостъпило дарение в Регионалния исторически музей – Силистра, което още дори не е преминало инвентаризация и все още няма инвентарен номер (Обр. 1). Външните му параметри са много сходни с тези на вече известния му и публикуван паралелен екземпляр – 23–23 (12–18) 2.5 мм. [Jordanov 2009: по. 546]. Представлява случайна находка от района на град Силистра (средновековния Дръстър/Доростол), близо до десния бряг на река Дунав.

Паралел: [Jordanov 2009: 214, по. 546].

Аверс. Кръстообразен инвокативен монограм. В четирите полета, образувани от рамената на монограма, е изписано: $\tau\omega-\varsigma\omega|\Delta\theta-\wedge\omega$.

Реверс. Четириредов надпис: $+\epsilon\nu\phi\eta|\mu\theta\rho\cdot\alpha|\varsigma\pi\alpha\theta\alpha|\rho\eta\omega$

В разгърнат вид: $+\text{Κύριε βοήθει τῷ σῷ δοῦλῳ Εὐφημῷ β(ασιλικῷ)}$
(прωτο)σπαθαρῇ.

Краищата и на двете страни на печата са обрамчени от околоръстен орнамент от точки, оградени от двете страни от плътно разположени по-дребни точки.

В легендата са допуснати две правописни грешки, които са плод на ширещия се през средновизантийския период итацизъм. Първата от тях е в името на собственика на печата, което фигурира в легендата като Εὐφημῷ (неправилен датив на Εὐφῆμιος).

¹ Авторите се ползват от случая да благодарят на ръководството на Регионалния исторически музей в Силистра и на колегата Калоян Димов – уредник в музея – за любезно предоставения им за разчитане и публикуване печат.

Другата идентична грешка е в титлата *протоспатарий*, където на предпоследно място е изписана буквата *eta/uta* вместо правилната *iota*. Освен това, дативната форма на името Εὐφύμιος би следвало да завършва не на омикрон, както е изписано, а на φ. Този образец се отличава от посочения паралел със своята по-висока степен на запазеност. Това позволява със сигурност да се коригира разчитането на монограма на аверса, който представя в съкратен вид инвокацията Κύριε βοήθει τῷ σῷ δοῦλῳ, а не както е посочено при публикувания от И. Йорданов не толкова добре запазен паралелен екземпляр – Θεοτόκε βοήθει τῷ σῷ δοῦλῳ.

Тук трябва да се кажат и няколко думи за датировката. В третия том на корпуса с византийските печати от България [Jordanov 2009: 214] е посочено, че моливдовулът на Евфимий, *протоспатарий* се отнася към X–XI в. Тази датировка, която по-същество е коректна, може да се прецизира във основа както на палеографските особености на печата, така и на историческия контекст, в който той се намира.

Най-специфичният датиращ елемент е околоръстният орнамент, състоящ се от двоен кръг от по-малки точки, затварящ окръжност от по-големи точки. В изследването на Николаос Икономидис, посветено на датираните печати от колекцията на Дъмбартън Оукс, например, този характерен орнамент се среща два пъти: върху печат на Зоитос, *императорски протоспатарий и епи тон икеакон*, скрепяващ документ от август 943 г. [Oikonomides 1986: 72–73, пг. 67], както и върху моливдовул на *Василий, проедър на синклита и паракимомен* (с датировка 963–976 г.) [Oikonomides 1986: 73–74, пг. 69], като във втория случай става въпрос за печат на небезизвестният евнух Василий Лакапин, незаконен син на император Роман I Лакапин (920–944) и «първ министър» при царуванията на цели четирима ромейски василевси. Една такава датировка – около и след средата на X в. – също не противоречи и на ортографията на буквените знаци. В същото време, монограмът на аверса прави малко вероятна датировка след първите няколко десетилетия на XI в.

Не е без значение за датирането и историческият контекст. На кого и при какви обстоятелства би могъл да пише протоспатарият Евфимий в района на Дръстър в един хронологически период, който не може да е по-ранен от средата на десети век, но определено е по-ранен от средата на единадесетото столетие? Изглежда най-логично, независимо от конкретния адресат, който няма как да бъде разкрит, кореспонденцията на Евфимий да бъде отнесена към началния етап на византийската власт в източните български предели. Възможно е тя да е била свързана с периода от 970/971 г. до ок. 986 г., когато източната половина на

Българското царство, вкл. Дръстър и Велики Преслав, е завладяна от ромеите – един византийски успех, настъпил вследствие на кампанията, насочена срещу настанилия се там киевски княз Святослав Игоревич. Изкушаващо би било да свържем печата с военните действия край Дръстър, в които е възможно да е участвал въпросният протоспатарий, но и цялото първото десетилетие и половина на византийска власт в североизточните български предели (преди те да бъдат освободени от Комитопулите след състоялата се през август 986 г. битка при прохода Траянови врата) е също така подходящо като период, в който да е изпратена кореспонденцията, скрепена с публикувания тук печат на протоспатария Евфимий.

Ако се разсъждава по посока, че печатът е индикация за съществуваща в региона византийска власт, достатъчно вероятна е и датировка в периода от ок. 1000 г. до ок. 1025/28 г., който период отговаря на повторното завладяване на териториите между р. Дунав и Стара планина от ромеите, както и на следващите десетилетия до края на управлението на Василий II и Константин VIII. В никакъв случай, обаче, категорично не може да бъде изключен и междинният хронологически интервал между 986 г. и 1000 г., тъй като възстановената през този период българска власт не изключва принципно възможността за получаването на кореспонденция от византийски подател – в случая протоспатария Евфимий – например във връзка с откупуване на попаднал в български плен негов близък.

Несъмнено е, че е много по-вероятно въпросната кореспонденция да е свързана с времето, в което в района на местонамирането на печата се е налагало или вече е било установено и функционирало византийско управление, но в същото време е допустимо, макар и с по-малка степен на вероятност, тя да се отнася и към време, в което Дръстър и региона са в рамките на българската държава (дори включително и преди 971 г.).

От всичко казано дотук получаваме едни относително по-прецизни граници на периода, в който с най-висока степен на вероятност е осъществена кореспонденцията на Евфимий – между началото на 70-те години на X в. и края на първата четвърт на XI в., но може би все пак би било по-оправдано и коректно датировката на печата да бъде разтеглена малко повече – от средата на X в. докъм 30-те години на XI в. Липсата на указана длъжност в легендата на моливдовула подсказва, че на него трябва да се гледа по-скоро като на печат на частно лице, а наличната информация като цяло не позволява да се разбере конкретния повод, по който Евфимий е писал, нито пък начина, по който неговият печат се е озовал край дунавския бряг. Почетната титла, с която Евфимий е засвидетелстван – *протоспатарий* (πρωτοσπαθῆριος), която, макар и

типологично да спада към групата на второразредните отличия във византийската титулна йерархия [Кънев 2006: 83–85 и бел. 165; Кънев 2017: 272, бел. 29], все пак е най-високата от тази група и по времето, към което се отнася датировката на печата, все още има достатъчно висок йерархичен и социален статус, като до края на управлението на Василий II е продължавало да бъде считано за съвсем нормално дори една част от темните стратегии и от висшите административни лица в империята да са носители на титлата *протоспатарий*. Следователно, съдейки по притежавания от него почетен титулен ранг, Евфимий очевидно е бил относително високопоставено лице, принадлежащо по всяка вероятност към средните ешелони на византийския елит.

В заключение може да бъде изтъкнато, че въпреки че вече един оловен печат на Евфимий, *протоспатарий* е известен и съответно – издаден, публикуването на този нов, втори екземпляр от същия вид се осмисля от значително по-добрата степен на запазеност на последния, както и от възможностите, които той дава за по-точното му разчитане и относително по-прецизно датиране.

Библиография

- JORDANOV I. Corpus of Byzantine Seals.– Sofia, 2009. Vol. III. Part 1.
КЪНЕВ Н. Титли и рангова йерархия във Византия през IX–XI век (по данните на сфрагистиката). Докторска дисертация. – София, 2006.
КЪНЕВ Н. Император Василий II и удостоверяването на българи с византийски почетни титли в хода на завладяването на България (976–1018). // Изследвания в памет на проф. д-р Георги Бакалов (1943–2012) / Съставител акад. Васил Гюзелев. – София, 2017. С. 258–278.
OIKONOMIDES N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. – Washington, 1986.

Т.В. КУЩ
Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

**СИЛА И БЕССИЛИЕ ВЛАСТИ:
ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЯ ФЕССАЛОНИКИ
В УСЛОВИЯХ ТУРЕЦКОЙ ОСАДЫ 1383-1387 ГГ.¹**

К осени 1383 г. почти вся Македония оказалась под контролем турок. После падения г. Серры в сентябре 1383 г. османские отряды Хайреддина Паши подошли к Фессалонике, последнему оплоту византийцев, и потребовали у жителей сдаться. Длившаяся на протяжении четырех с половиной лет осада города завершилась его падением в апреле 1387 г. Меры светских властей по организации обороны, а также причины их неудачи и станут предметом нашего рассмотрения. Скучная информация о положении дел в осажденной Фессалонике рассеяна по эпистолярным и риторическим сочинениям того времени, но ее анализ все же позволяет оценить действия местной власти в экстремальной ситуации турецкой осады одного из крупнейших греческих городов.

Защищать Фессалонику выпало на долю Мануила II Палеолога, который, лишившись статуса наследника императора Иоанна V, незадолго до этих событий самовольно взял на себя бразды власти в этом городе и стал вести себя как независимый правитель. Оказавшись перед лицом турецкой угрозы и не имея поддержки столицы, он мог рассчитывать только на внутренние ресурсы города. С самого начала осады он проявил себя деятельным и здравомыслящим политиком, о чем свидетельствует его «Увещательная речь к фессалоникийцам»,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации межцивилизационного конфликта».

произнесенная вскоре после того, как турки обложили город с суши. Она дает представление о стратегическом видении Мануилом II ситуации и о тактических шагах, которые он считал необходимым предпринять в первую очередь.

В столь критической ситуации Мануил II обратился к городским элитам, чтобы разделить с ними ответственность за принятие судьбоносного для Фессалоники решения об оказании сопротивления туркам. По его инициативе для рассмотрения условий ультиматума был создан совет из представителей городской верхушки. Этот шаг свидетельствует, с одной стороны, о понимании Мануилом необходимости взаимодействия с институтами местного самоуправления, с другой – о недостаточной устойчивости его положения в городе. На совете Мануил II произнес вышеупомянутую речь, заявив о неприятии выдвинутых турками условий и готовности защищать город. Он также обрушился с обвинениями на тех граждан, кто не заботился об общем деле и преследовал лишь свои частные интересы. Цель выступления очевидна: правитель желал консолидировать своих подданных.

В своей речи Мануил II сообщил также о своей готовности вступить в переговоры с турками. Понимая, впрочем, малую вероятность того, что его мирная инициатива будет принята, он предложил одновременно готовиться к вооруженному сопротивлению врагу. Действительно, переговоры не имели результата, но попытка замирился с противником показала стремление Мануила II использовать все возможные способы разрешения проблемы.

Для организации обороны правителю пришлось прибегнуть к непопулярным мерам: он возложил на горожан бремя расходов на содержание военного гарнизона и произвел частичную конфискацию церковного имущества, о чем прозрачно намекает в своих проповедях архиепископ Фессалоники Исидор Глава. Эти действия, хотя и были продиктованы экстремальной ситуацией, вызвали резкое недовольство духовенства и широких слоев населения.

Понимая ограниченность внутренних резервов Фессалоники, Мануил II искал поддержки извне. Рассчитывать на помощь императора, в оппозиции к которому он пребывал в последние годы, не приходилось. Кроме того, политика поисков компромисса с султаном, которой всегда следовал Иоанн V, противоречила откровенно антитурецкой позиции Мануила II. К тому же при дворе было сильно влияние партии, враждебно настроенной к нему.

Не теряя время на переговоры с отцом, Мануил II начал поиск союзников, готовых оказать военную помощь в борьбе с султаном, для чего отправил дипломатические миссии сразу в нескольких направлениях. Однако попытка создать антитурецкий альянс с Феодором, деспотом Морей, и Нерио Аччайуоли, правителем Коринфа и герцогом Афинским, потерпела неудачу. Венецианцы, имевшие торговые интересы в регионе, дистанцировались от византийских проблем. Дипломатические контакты с папским престолом вызвали лишь противодействие столичного духовенства и настроили против Мануила II влиятельные круги в самой Фессалонике, о чем упоминает в своих письмах Димитрий Кидонис. Очень быстро Мануиль II осознал, что он, по его собственному выражению, лишь «сеет камни и бросает наудачу семена в песок». Меры по привлечению внешней помощи, политически абсолютно оправданные, в конечном итоге не принесли результата, но отнюдь не по вине правителя города.

К началу 1387 г. положение осажденных стало отчаянным. Внутренние ресурсы были исчерпаны, надежд на помощь извне не осталось. Недовольство населения правителем готово было вылиться в открытый бунт. Не дожидаясь этого, Мануил II предпочел покинуть город, оставив его милость победителя.

В целом политический курс Мануила в Фессалонике был вполне последовательным и продуманным. В своих действиях правитель города исходил из политической целесообразности и насущных задач текущего момента. Сильной стороной будущего василевса, проявившейся в первой (но, к сожалению, не последней) в его жизни осаде, было умение мыслить стратегически, стремление комплексно подходить к решению сложных задач, готовность искать разные пути выхода из критической ситуации. Однако ему не хватало гибкости в отношениях с отцом-императором, конфронтацию с которым он упорно продолжал, с элитами, как столичными, так и провинциальными, и с местным населением. Он оказался бессилён перед противоречиями внутри городского социума, так и не сумев сплотить его. Более того, своими действиями он еще больше усугубил раскол в обществе, тянувшийся еще со времен зилотского восстания. Отсутствие социальной поддержки внутри города и привело к падению власти Мануила II и вынужденному его бегству из Фессалоники. Сильный по своим политическим интенциям правитель не смог преодолеть сопротивление тех, кого он пытался защитить от «порабощения варварами».

Безрезультатность внешнеполитических шагов также была следствием обстоятельств, не зависевших от Мануила II, но делавших бесперспективными все его попытки создать союзы или получить военную помощь извне. Мануил II оказался заложником ситуации, переломить которую оказалось не под силу даже такому умному политику, каким он, бесспорно, являлся.

В.В. МАЙКО
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

Э.Н. КАРНАУШЕНКО
Независимый исследователь
(Севастополь)

ВАРИАНТ РЕКОНСТРУКЦИИ ХРАМА У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ КИЛИСА-КАЯ БЛИЗ ГОРОДА СУДАКА¹

В 2016 г. у подножия горы Килиса-Кая в Судакском регионе Республики Крым был открыт и исследован трехапсидный крестовокупольный храм. Основные итоги работ 2016 и 2017 гг. уже были коротко опубликованы [Майко 2017: 44–46], что избавляет от повторений. Уникальная сохранность культового сооружения позволяет произвести попытку его реконструкции.

Напомним основные архитектурные особенности сооружения. Храм представляет собой трехапсидное, почти квадратное в плане сооружение с большим притвором, ширина которого меньше ширины храма. Общая длина по оси запад-восток составляет 19,5 м, по оси север-юг 12,5 м. Храм имеет крестово-купольную конструкцию, о чем свидетельствуют четыре полностью сохранившиеся квадратные подпорные столбы. С внешней стороны боковые апсиды – трехгранные, с одним окном по центру, центральная – пятигранная, с тремя окнами. С внутренней стороны центральной апсиды зафиксирован одноступенчатый синтрон и основание квадратного престола. Полностью сохранилась алтарная преграда высотой в один ряд кладки. В заполнении притвора была обнаружена колонна, изготовленная из песчаника, обрамлявшая, вероятно, царские врата. Пол храма был вымощен крупными известняковыми плитами на известковом растворе.

В храм вели четыре входа. Два из них располагались по центру западных

¹ Авторы статьи выражают благодарность А.Д. Карнаушенко за техническую консультацию при создании 3D реконструкции храма.

стен притвора и наоса. Третий находился по центру южной, а четвертый – в западной части северной стены. На сегодняшний день можно предположить, что храм был сооружен во второй половине XII – первой половине XIII вв. и в качестве православного культового сооружения использовался до 1475 г.

Притвор реконструирован на основании двух подпружных арок, высота которых рассчитывается совершенно точно, расположенных по оси запад-восток по бокам от основного входа и делящих нартекс на три части. При этом ширина центральной части, равная ширине входа, была несколько меньше боковых. Высота сводов центральной части притвора, скорее всего, была выше. На указанных арках возвышались стены именно центральной части, имевшей цилиндрические своды. Черепичная крыша являлась двускатной. Высота центральной части притвора рассчитывалась исходя из высоты рукавов креста храма. По общей композиции получается, что контур притвора как бы вписан в контур западной стены и повторяет его в меньшем масштабе (Рис. 1,1).

Исходя из того, что длина арок по оси запад-восток в два раза превышает расстояние от них до ближайших параллельных стен, своды крыш боковых пространств нартекса были так же цилиндрические. Ввиду отсутствия оснований подпружных арок на сохранившейся высоте северной и южной стен притвора, основания боковых сводов опирались на одну из арок и на одну из параллельных стен выше максимальной сохранившейся высоты. Это обстоятельство дает нам возможность легко рассчитать высоту боковых пространств притвора. Зная ширину арок, мы также можем узнать их высоту, так как на стенах четко читаются основания арок: диаметр арки 1,97 – 2,00 м, высота подарочного пространства – 3,85 м. Прибавив толщину арочного камня, увидим, что основания цилиндрических сводов боковых пространств притвора начинались на высоте более 4 м (4,05–4,15м). Прибавив к этой высоте радиус цилиндрического свода получим, его общую высоту: $4,05 + 82 = 4,87$ (5,00) м. Соответственно прямые скаты боковых крыш были направлены от центра к северной и южной стенам притвора.

Не исключено, исходя из слабой освещенности здания, что в каждом из трех пространств притвора, на высоте не менее 3,50 м, могло располагаться по одному окну. Закономерности в количестве окон центрального пространства притвора не существовало.

Традиционно в храмах было предусмотрено либо три окна, разделенных между собой колонами в один ряд камня, либо двойное или даже одинарное окно. Исходя из частоты встречаемости [Полевой 1984: т. 1: 240–258; т. 2: 147–168], был выбран «трехконный» вариант.

1

2

Рис. 1. Реконструкция общего вида храма.

1 – общий вид храма с юго-запада; 2 – общий вид храма с востока.

Западные двери в притвор и храм. Сохранившиеся архитектурные элементы позволяют их реконструировать с большой долей вероятности. На выступающих вытесанных камнях сохранились камни, формирующие дугообразную арку над входом. С внутренней стороны дверей, по нашей реконструкции, исходя из многочисленных аналогий, находились полукруглые ниши.

Наос. Расчет высоты. На северной стене храма, сохранившейся на высоту до 4,60 м, основания арок боковых нефов отсутствуют. Исходя из этого, арки сводов находились выше, однако не настолько высоко, чтобы цилиндрические своды боковых нефов были намного выше боковых апсид. Надо отметить, что основание и нижняя часть конхи северной апсиды сохранились, поэтому мы точно знаем внутреннюю высоту боковых апсид (3,15-3,20 м). Исходя из этого рассчитывается высота боковых нефов и, соответственно, определяется и высота арок рукавов креста. Их основания лежат на арочных сводах боковых приделов. Столбы наоса определяют диаметр подкупольных арок. Расстояние между столбами, составляющее в среднем 3,8 м, задает и радиус арок – 1,9 м.

При реконструкции **подкупольного пространства**, было использовано классическое для крестово-купольной архитектуры решение: на арках центральных столбов возвышается барабан с куполом. Переход от квадратного основания к окружности цилиндра осуществляется с помощью парусов. Для реконструкции выбрана восьмигранная форма барабана снаружи и круглая внутри. Это логично, так как центральная апсида в горизонтальном сечении это, по сути дела, половина восьмигранного барабана, которые, наверняка, были сделаны в одном стиле. Высота барабана определялась исходя из общих пропорций храма. В барабане предложено 8 окон, то есть посредине каждой грани. Однако окон могло быть четыре (по сторонам света) и меньше. Вместо некоторых окон могли быть ниши. В реконструкции именно 8 окон, так как, по нашему мнению, отсутствие окон в нижней части этого довольно большого храма должно было бы компенсироваться их максимальным количеством в барабане. Переход от парусов к барабану осуществляется с помощью архитектурного пояса, который создает ступеньку при разности толщин стен. Если толщина стен и столбов 0,90-1,10 м, то толщина стен барабана – 0,50–0,90 м.

Купол. Изнутри купол представляет собой полусферу, снаружи — полусферу с плавным скатом. Для реконструкции выбран именно такой вариант из четырех возможных: полусфера, полусфера со скатом, пирамида и конус. Этот вариант основан на том, что, во-первых, мы имеем довольно большой диаметр купола (более 4 м), во-вторых, в проектировании храма принимали участие, вероятно, византийские столичные строители. Примеры подобного завершения купола в византийской архитектуре многочисленны (Кафоликон монастыря Осиас-Лукас, Дафни, собор Введения во храм Богородицы монастыря Кесариани близ Афин, церковь Успения Богоматери в Мербаке, Церковь Евангелистрия и др.) [Шуази 2016: 8–16; Полевой 1960: Полевой 1984: т. 1: 240–258; т. 2: 147–168; Оустерхаут 2005: 19–51].

Алтарное пространство. В основном рассчитывалось от алтарной апсиды, высота которой напрямую зависела от высоты пространства рукавов креста, которое составляет, согласно реконструкции, 6,8 м. Отсюда высота алтарной апсиды – 6,6 м, которая вписывается в восточную стену между восточными столбами. По сохранившейся части центральной апсиды известно, что ее прорезали 3 окна, располагавшиеся посередине трех граней пятигранной апсиды. Точно известна ширина окон (0,60 м). Внутренние оконные проемы во всех окнах на нашей реконструкции (кроме окон в боковых апсидах) имеют трапециевидную форму (Рис. 1,2). Этот характерный прием для средневековых храмов обеспечивал лучшее освещение помещения.

Алтарная преграда. Сохранилась ее основа и солея. Высота алтарной преграды определялась согласно пропорциям. При раскопках в притворе был найден столбик алтарной преграды и часть колонны. По фото сохранившихся архитектурных деталей были сделаны текстуры, которые были помещены на столбы и колоны алтарной преграды. Возможно центральная ее часть была перекрыта аркой или плитой с арочным проемом, однако для реконструкции выбран простейший вариант – горизонтальный архитрав (Рис. 2,1). Были ли архитрав и алтарные плиты, расположенные между столбами, мраморными — не известно, но, как вариант, на реконструкции они представлены мраморными.

Престол. Сохранилось его каменное основание. Интересно, что середина восточной грани престола совпадает с центром алтарной апсиды, другими словами, если из самой высокой точки алтарной апсиды опустить вертикаль, она совпадет с серединой восточной грани престола. Синтрон сохранился, он состоял из одной ступени и имел одинаковую высоту по всему периметру. На реконструкции синтрон облицован мрамором, что нередко встречается в византийских храмах.

Текстуры. Кроме материалов, использованных для алтарных столбов и колонн, были сделаны мозаичные текстуры для стен и пола, основанные на снимках сохранившейся архитектуры. Также были подобраны текстуры арок и окон (Рис. 2,2). Рисунок кладки алтарных апсид отличается от рисунка других стен храма. Это сделано намеренно, так как камень кладки апсид более ровный.

Библиография

МАЙКО В.В. Христианский храм у подножия горы Килиса-Кая возле Судака (предварительное сообщение) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма». – Севастополь, 2017. С. 44–46.

ОУСТЕРХАУТ Р. Византийские строители / Перевод Л.А. Беляев; Редакция и комментарии Л.А. Беляев, Г.Ю. Ивакин. – Киев; Москва, 2005.

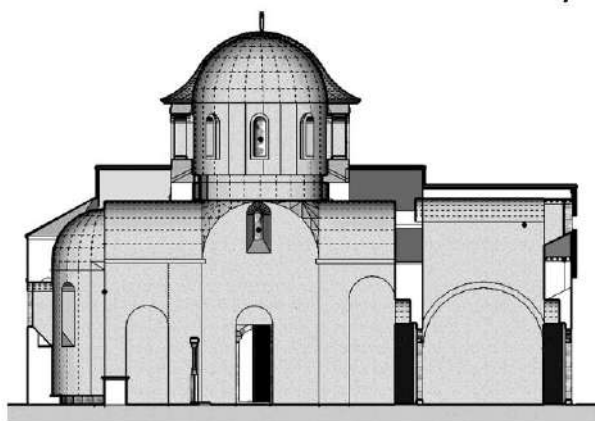
ПОЛЕВОЙ В.М. Византийское искусство середины XI – начала XIII века // Всеобщая история искусств. Том 2, книга первая / Ред. Б.В. Веймарна и Ю.Д. Колпинского. – М., 1960.

ПОЛЕВОЙ В.М. Искусство Греции: Древний мир. Средние века. Новое время (в 2-х т.). – М., 1984. Т. 1. С. 240–258. Т. 2. С. 147–168.

ШУАЗИ О. История архитектуры (в 2-х т.). / Пер. с фр. Н.С. Курдюкова: Репринтное издание 1906–1907 гг. – СПб., 2016. Т. II.

1

2

Рис. 2. Реконструкция алтарного пространства и разреза храма.

1 – реконструкция алтарного пространства храма;

2 – реконструкция разреза по оси запад-восток с видом на южную часть.

О.В. ОШАРИНА
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

САСАНИДСКИЕ МОТИВЫ НА ЕГИПЕТСКИХ ТКАНЯХ ВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ

На формирование сюжетов и образов, представленных на позднеантичных египетских тканях, оказало влияние сразу несколько художественных традиций. Наиболее заметный след, несомненно, оставило богатое наследие эллинистического искусства. Однако определение роли сасанидских элементов в сложении композиций и орнаментов тканей, происходящих из Египта, только в последнее десятилетие стало предметом пристального научного изучения. В первую очередь, это связано с активной деятельностью сотрудников Лувра. Ведь именно в этом музее хранятся материалы раскопок египетской Антиной, предпринятые французским археологом А. Гайе на рубеже XIX/XX вв., наглядно показывающие использование сасанидских мотивов. Вопрос о месте изготовления и датировке антинойских шелков с самого начала был предметом разногласий исследователей. Действительно, это могли быть как изделия местных ткачей, так и ткани, выполненные в сасанидском стиле. Наконец, это могла быть продукция самих персидских ремесленников, учитывая то обстоятельство, что шелкоткачество в Иране сделало его едва ли не главным мировым поставщиком шёлка уже в середине III века. К тому же персы правили Египтом в течение одиннадцати лет, и, естественно, в этот период местные мастера должны были учитывать их вкусы и предпочтения. Неслучайно сохранилась легенда о великолепном ковре, затканном золотом и украшенном драгоценными камнями, из парадной резиденции Хосрова II в Ктесифоне. Архитектура величественных дворцов и зороастрийских храмов, облицованных грандиозными рельефами из стюка (искусственного мрамора), золотые и серебряные

блюда и чаши с изображениями царской охоты, пиршеств, сцен инвеституры, наконец, роскошные шелковые ткани – все это не могло не вызывать желание копировать и подражать персидским образцам. Отсутствие достоверных критериев для более дробной атрибуции антинойских шелков привело к приписыванию последних восточно-средиземноморскому кругу памятников.

В 2004 г. для изучения тканей из Антиной была сформирована исследовательская группа «Ткани из долины Нила». Новых аргументов в пользу сасанидской атрибуции этих шелков найдено не было: в композициях, мотивах и технике исполнения прослеживается удивительная близость средиземноморским образцам. Однако публикация всех материалов раскопок бывшего римского города дает важные данные для выявления сасанидских элементов на египетских тканях византийского времени. Находки из так называемых «погребений всадников» обнаружили появление в этом регионе костюма персидского наездника. Именно в этот период композиции и орнамента византийских и ближневосточных шелков становится предметом подражания.

Происхождение того или иного мотива иногда бывает сложно выявить, особенно если он был заимствован несколькими культурными традициями из одного источника. К тому же в IV–V вв. в Иране наблюдается рост интереса к искусству и культуре эпохи эллинизма. Так, погрудные изображения и головы встречаются как в эллинистическом, так и сасанидском искусстве. Подобные композиции часто появляются и на тканях, происходящих из египетской Антиной, в частности, на фрагменте шелка с «сасанидскими божествами» из Лувра и Эрмитажа (раскопки М. Ковалевского в Хасауте).

По мнению большинства исследователей, приверженность к композициям, где изображения помещались в медальоны, обрамленные разнообразными бордюрами, представляет собой характерный признак иранского искусства. Фигура животного, бегущего влево или вправо в медальоне, также восходит к сасанидским образцам. Это влияние прослеживается и на композициях с изображением всадников. Достаточно сравнить текстильные медальоны с сасанидскими серебряными блюдами, на которых всадники стреляют «по-парфянски», обернувшись назад.

В VI–VII вв. особое распространение получает геральдическая композиция с деревом жизни и фигурами птиц или животных по сторонам. Часто шею птицы или животного украшает развевающаяся лента, так называемый патиф, характерный признак искусства сасанидов, атрибут божественной власти.

В VII–IX вв. большую известность получают рисунки с орнаментом в виде ромбовидной сетки, заполненной стилизованными изображениями древа жизни, птиц, цветов и животных (Рис. 1). В основе этих композиций лежит эсхатологическая символика, связанная с картиной райского сада. Выбор определенных сасанидских мотивов, представленных на египетских тканях византийского времени, не был случаен, а отражал потребности общества в поиске новых форм и идей.

Рис. 1. Медальон с геральдической композицией с изображением птиц.
VII–VIII вв. (Государственный Эрмитаж. ДВ 11564).

А.А. РОМЕНСКИЙ
Государственный музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

**НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВАСИЛЕВС И ЕГО КИЕВСКИЕ
РОДСТВЕННИКИ: АВАНТЮРА ЛЖЕ-ЛЬВА ДИОГЕНА
В ПОДУНАВЬЕ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА XII В.**

День «внезапной беды ромеев» 26 августа 1071 г. изменил ход византийской истории, повлияв на международные отношения в регионе Средиземноморья и Ближнего Востока [Attaliates 2011: 125]. Преемники Романа IV – и Михаил VII, и сменивший его Никифор III Вотаниат – оказались не в состоянии разрешить проблемы, приведшие к внутреннему кризису и катастрофическому внешнему положению Византии. Вступив на престол в 1081 г., Алексей I Комнин был вынужден отражать удары врагов с трех сторон одновременно: тюрок-сельджуков с востока, печенегов и торков с севера, нормандцев Роберта Гвискара с Запада [Chalandon 1900: 71–136]. В таких условиях неудивительно появление многочисленных претендентов на порфиру, некоторые из которых представлялись сыновьями погибшего императора.

Северные соседи империи ромеев, Русь и Половецкая Степь, также оказались вовлечены во внутривизантийские политические события. Среди специалистов до сих пор нет консенсуса по вопросу о причинах последнего зафиксированного в источниках русско-византийского конфликта, формальным поводом для которого стала поддержка киевским князем Владимиром Мономахом одного из претендентов на престол, Лже-Льва Диогена, в 1116 г.

Каким образом события в Подунавье связаны с предшествующими межгосударственными отношениями двух стран? Целесообразно вновь проанализировать источники, чтобы уточнить ответ на этот вопрос.

Исследователи насчитывают как минимум троих самозванцев, выдвигавших претензии на власть в связи с родством с василевсом Романом IV. О первом из них подробно рассказывает Анна Комнина. По

словам источника, это был незнатный человек, воин в прошлом. Анна сообщает, что он отождествлял себя со Львом Диогеном, погибшим под Антиохией, отсылая при этом к труду Никифора Вриенния [Anna Comnena 2001: 284]. Последний пишет о гибели старшего из сыновей Диогена, Константина (сына императора от первого брака) [Bryennios 1975: 206–207]. На основании этого несовпадения обычно заключают, что писательница ошиблась и перепутала двух узурпаторов, первый из которых именовал себя Константином [Mathieu 1952: 134–135]. Между тем, Константин не был порфирородным, и это существенно снижало его легитимность. Представляется, что и первый, и второй самозванцы (Леон Девгениевич русских летописей) приняли имя Льва (настоящий Лев Диоген погиб в битве с печенегнами в 1087 г.) [Cheynet 2008: 579]; ошибка Анны состоит не в имени претендента на порфиру, а в деталях его биографии. Отосланный под стражу в Херсон, лже-Лев I сумел бежать, сговорившись с половцами, приходившими в город в торговых целях [Anna Comnena 2001: 285]. В дальнейшем с их помощью он вторгся в пределы Византии [Ипатьевская летопись 1908: 217; Anna Comnena 2001: 289]. После неудачи под Адрианополем, в крепости Пуца неудавшийся правитель и его окружение попали в ловушку; он был ослеплен по распоряжению матери императора Алексея, и следы его теряются [Anna Comnena 2001: 292–293].

О втором претенденте на власть, выдававшем себя за сына Диогена, свидетельствует Ордерик Виталий; он якобы сопровождал Бозмунда I Тарентского в атаке на Диррахий в 1106/1107 гг. [Vitalis 1852: 212]. «Деяния Роберта Гвискара» также сообщают о некоем сыне Диогена, «персов (тюрок) с армянами взявшего в союзники» с целью мести за отца [Mathieu 1952: 147]. Персонаж поэмы Гильома Апулийского мог быть как одним из самозванцев, так и действительным сыном Диогена (известно, что младший из порфирородных сыновей Евдокии и Романа, Никифор, поднял апостасию против Алексея Комнина около 1093–1094 гг.). Упоминание о союзе лже-Диогена с сельджуками представляется неслучайным. После поражения и пленения под Манцикертом Роман IV заключил союз с султаном Альп-Арсланом, намереваясь скрепить его браком своего отпрыска и дочери недавнего врага. «Дети» Диогена (вне зависимости от их действительного происхождения) могли воспользоваться помощью сельджуков для достижения своих политических целей.

Последний из мнимых сыновей императора появился на исторической арене в 1116 г., как зять киевского князя Владимира Мономаха. Мономах выдал за него свою дочь Марию (Марицу) и оказал политическую поддержку. Самозванец выступил в Подунавье, где ему удалось занять несколько городов, но 15 августа он был убит в Дристре двумя

подосланными Комниным арабами. Князь Владимир послал воеводу Ивана Войтишича и «посажа посадники по Дунаю»; примечательно, что источник прямо не соединяет установление на Дунае русской администрации с авантюрой лже-Льва II, давая понять, что это могло быть самостоятельной целью. Впоследствии на Дунай отправляется сын Мономаха, Вячеслав, с Фомой Ратиборичем, которые подошли к Дристре, но не смогли взять город [Ипатьевская летопись 1908: 283–284].

Г.Г. Литаврин предположил связь дунайской кампании Мономаха с недавно случившейся аннексией Тмутаракани византийцами, и эта версия получила популярность среди специалистов [Литаврин 2000: 280–292]. Гипотезу ослабляет то, что утрата Тмутаракани вообще не упоминается в древнерусских источниках; с другой стороны, непонятно, почему мстителями за эту акцию василевса выступили не черниговские князья, отчиной которых был таманский город, а их давний оппонент Владимир Всеволодович. Ослабление черниговского княжеского рода после потери причерноморского владения было скорее выгодно Мономаху и его потомкам, а его вмешательство выглядит нарушением ключевого принципа политического порядка, утвержденного на Любечском съезде 1097 г. Другое предположение интерпретирует дунайский поход как намерение киевского князя передать власть в Византии своему родственнику или, после его убийства, внуку Васильку Маричичу, а в случае неудачи закрепиться в Болгарии, создав зависимое от Руси государство под властью лже-Диогена [Горский 1987: 309–310; Коновалова, Перхавко 2000: 44–45]. Как представляется, мы не имеем оснований считать, что Владимир Всеволодович с помощью зятя реально собирался захватить Константинополь или возродить Болгарское царство. Цели военной акции, вероятно, были более скромными — аннексия пограничной территории северо-восточного Подунавья — фемы Паристрион [Степаненко 2008: 130–131], что и следует из краткого сообщения Киевской летописи, и силовое давление на империю.

Неслучайным представляется совпадение похода на Дунай с очередным осложнением в отношениях Византии с сельджуками. В 1116 г. главные силы Алексея Комнина были заняты на востоке, что теоретически давало самозванцу шанс на успех. Нельзя исключить и координацию действий лже-Диогена с султаном Малик-шахом. В 1117 г. сельджуки терпят поражение при Филомелионе, что позволило василевсу укрепить позиции Романии [Chalandon 1900: 269–271]. Но и силовое давление Владимира Мономаха не было безрезультатным, что показал мир, заключенный уже после смерти Алексея, в 1123 г. Внучка киевского князя стала женой сына нового василевса Иоанна, а на Русь была отправлена одна из христианских святынь — перст Иоанна

Крестителя [Ипатьевская летопись 1908: 286; Лосева 2009: 340, 341]. Десница Предтечи использовалась для коронации византийских императоров, поэтому обладание частицей его мощей существенно повышало престиж Руси. Непосредственные задачи дунайской кампании не были реализованы, но в целом киевскому князю, в отличие от его ромейского родственника, удалось достичь успеха.

Библиография

- ГОРСКИЙ А.А. Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // Исторические записки. – М., 1987. Т. 115. С. 308–324.
- Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – СПб., 1908. Т. 2.
- КОНОВАЛОВА И.Г., ПЕРХАВКО В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. – М., 2000.
- ЛИТАВРИН Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). – СПб., 2000.
- ЛОСЕВА О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV вв. – М., 2009.
- СТЕПАНЕНКО В.П. «Города на Дунае» в контексте русско-византийских отношений X–XII вв. // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византистов. – М., 2008. С. 129–133.
- Anna Comnena. Alexias / Ed. D.R. Reinsch, A. Kambylis // CFHB. – Berolini; Novi Eboraci, 2001. Vol. 40/1.
- CHALANDON F. Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081–1118). – Paris, 1900.
- Cheyne J.-Cl. La société byzantine: l'apport des sceaux. – Paris, 2008. Vol. 1–2.
- MATHIEU M. Les faux Diogènes // Byzantion. – Bruxelles, 1952. T. 22. P. 133–148.
- Michaelis Attaliothae Historia / Recens. Eu. Th. Tsolakakis // CFHB. – Athenis, 2011. Vol. 50.
- Nicéphore Bryennios. Histoire / Introduction, texte et notes par P. Gautier // CFHB. – Bruxelles, 1975.
- Orderici Vitalis Historiae Ecclesiasticae libri tredecem / Ed. A. Le Prevost. – Paris, 1852. T. 4.

Э.И. СЕЙДАЛИЕВ

Крымский инженерно-педагогический университет
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

«ПОТЕРЯННОЕ СТОЛЕТИЕ» ДЛЯ ИНДЖИБЕК-ХАТУН: О НЕКОТОРЫХ ВНОВЬ ОБРЕТЕННЫХ МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОНАТАХ

Вторая половина 20-х гг. XX в. во многом стала прорывом для археологических исследований в Крыму в том числе и для исследований золотоордынских древностей полуострова. В 1925 г. стартовали археологические исследования в столице Крымского Юрта Улуса Джучи – г. Крым/Солхат (совр. Старый Крым). Для этого была снаряжена Научная экспедиция, один из отрядов которой и начал археологические раскопки на территории г. Старый Крым. Руководил экспедицией проф. И.Н. Бороздин, в состав экспедиции входили также профессора А.С. Башкиров и П.И. Голландский, востоковед О. Акчокраклы и директор Бахчисарайского музея У. Боданинский [Боданинский 1926: 7]. Эти и последующие археологические изыскания (1925–1928 гг.) неоднократно рассматривались в работах историографического характера (Непомнящий, Мусаева, Ломакин). Предварительное сообщение о находке утерянных музейных предметов также было опубликовано [Крамаровский, Сейдалиев, 2016: 240–243; Абдульвапов, 2013: 7, 8]. Согласно предварительным отчетам и публикациям о результатах работ, исследователями в 20-х гг. было обнаружено значительное количество археологических артефактов. К сожалению, полные результаты исследований и часть находок не сохранились, то же, что введено в научный оборот, составляет лишь малую их толику. Причиной этому стали репрессии 30-х гг. и негласный запрет на исследования тюрко-татарской культуры после принятия постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. [Измайлов 2009: 29].

Тем не менее, по результатам раскопок был предпринят ряд публикаций участников экспедиций. В первую очередь следует отметить основательную статью И.Н. Бороздина «Солхат» – предварительный отчет о работах археологической экспедиции КрымСовнаркома, КрымЦИКа и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году. В ней приводятся практически детальные описания обстоятельств выявления дюрбе Инджибек-хатун – основательницы солхатского медресе и сопровождающего погребение материала. Заложив в направлении восток-запад через всю площадь медресе траншею шириной 2 м, исследователи обнаружили, что одна из худжр была превращена в дюрбе. Были выявлены груды кирпичей с остатками раствора (размеры кирпичей 0,32х0,32 м и 0,32х0,16 м, толщиной 0,05 м). Под этими кирпичами были обнаружены глазурованные бирюзовой поливой плитки, которые оказались декоративными частями деревянных пьедесталов, на которых были установлены два мраморных надгробия. Одно из них принадлежало основательнице медресе Инджибек-хатун; датировано 1371 г., а второе, видимо, жившей чуть позже – её родственнице Ир-султан; датируется 1428 г. Под полом дюрбе был обнаружен склеп, содержащий 8 захоронений, и еще 2 погребения были выявлены у входа в мавзолей. Захоронения были безинвентарные, сохранились лишь остатки тканей и кожи, а также фрагменты деревянных гробов, медные и железные гвозди и скрепы. В дальнейшем археологические материалы из этих раскопок были переданы в Бахчисарайский дворец-музей, но после репрессий 30-х гг., в которых пострадали практически все участники экспедиции, след этих находок был утерян. В 2013 г. Н. Абдульваповым во внутреннем двореке Зынджирлы-медресе в Бахчисарае была случайно обнаружена мраморная плита, происходившая из дюрбе, устроенного в одной из худжр в медресе Инджибек-хатун. Судя по надписи на плите, под ней была похоронена Ир-Султан, дата на плите – 1428 г.¹ [Абдульвапов 2013: 8]. В 2014 г., по сообщению И.В. Зайцева, в лапидарном хранилище музея-заповедника им была обнаружена вторая надмогильная плита, с датой 1371 г. и именем Инджибек-хатун, устроительницы медресе в Старом Крыму.

¹ Н. Абдульвапов дает дату 1429 г.

Обе эти находки в данный момент поставлены на фондовый учет в Бахчисарайском заповеднике (инв. №№ КП12436 ЛП28, КП12437 ЛП29), а также экспонировались на выставке «Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи» и опубликованы в каталоге [Крым в Золотоордынский период 2016: 15, 129]. Кроме прочего, в фондовых коллекциях Бахчисарайского заповедника хранятся и другие предметы, вероятно, поступившие сюда после раскопок 1925–26 гг. Среди прочих следует назвать глазурованные изразцы, украшавшие деревянный постамент, на котором располагались упомянутые выше мраморные надмогильные плиты. И.Н. Бороздин так же приводит описание этих плиток, они бирюзовые, украшены орнаментом в виде звезд и арабесок, выполненных золотой краской. Пол вокруг также был выложен бирюзовыми майоликовыми изразцами без орнаментов. А.С. Башкиров отмечает художественную целостность ансамбля [Башкиров 1927: 137]. Оба описанных вида плитки присутствуют среди предметов в фондах БИКАМЗ (инв. №№ КП1702 Ф78, КП1741 Ф84, КП1742 Ф85, КП1743 Ф86). В предварительном отчете И.Н. Бороздина приводится фотография, отображающая находку плиток и мраморной плиты *in situ*, а также продольный разрез большой траншеи, в котором прорисованы и мавзолей, и склеп под ним. Согласно инвентарным книгам Государственного Бахчисарайского дворца-музея 20-х – 30-х гг. XX в., часть этих предметов поступила из Центрального музея Тавриды. Вероятно, после исследований в Старом Крыму именно туда сдавалась часть коллекции, полученная в процессе раскопок. Проблемы сохранения мавзолея Инджибек-хатун уже тогда озаботили исследователей. После раскопок 1926 г. территория медресе и мечети была обнесена проволочным заграждением, а над западными худжрами и дюрбе был сооружен навес.

В контексте данных исследований, остается открытым вопрос о судьбе указанных экспонатов в период с момента их обнаружения в результате раскопок 20-х гг XX в. и до выявления вновь в хранилищах БИКАМЗ. Возможно ответ на этот вопрос будет найден после выявления и публикации дневниковых записей участников экспедиции, инвентарных книг Бахчисарайского музея тюрко-татарской культуры и т.д.

В то же время значительный интерес у исследователей вызывает мраморная плита с именем основательницы медресе Инджибек-хатун. Осман Акчокраклы предлагает следующее прочтение надписи на плите: «Покойная и прощенная Ильчи Хатун. Во время 775 г.» (1371 г.). В то же время очевидец Эвлия Челеби приводит нам надпись с портала медресе, до наших дней, к сожалению, не сохранившегося или не обнаруженного: «Приказала построить это благословенное медресе во время султана справедливого Мухаммед Герай-хана, да продлится его счастливое правление, о Благой, Повелитель мира здешнего и Податель благополучия, Инджи-бей-хатун, дочь бея Кылбуруна, эмира эмиров, покойного, да освятит Бог его могилу, в году 733 (1332/1333 г. – Э.С.)» [Челеби 2008: 167]. Исследователи не высказывают сомнений, что мраморный блок с надписью был воздвигнут над погребением основательницы медресе. Следует остановиться на описании мраморного надгробия, которое приводит И.Н. Бороздин: «Этот деревянный ящик с вкрапленными майоликовыми изразцами являлся как бы пьедесталом для великолепного орнаментированного золотом мраморного надгробия в виде блока, которое было обнаружено под слоем кирпича и поливных изразцов. Этот мраморный блок прекрасной сохранности...». Как видим, поливные изразцы и мраморный блок в фондах БИКАМЗ сохранились, но орнаментации золотом на надгробии мы уже не наблюдаем. В настоящий момент затруднительно сказать, с чем это было связано – с условиями хранения – когда позолота с мрамора сошла сама, либо была снята специально. В пользу второго варианта может свидетельствовать следующий факт: резьба на надмогильной плите Инджибек-хатун нанесена неравномерно – в некоторых случаях она достаточно глубокая, в других – напоминает лишь предварительную разметку, нанесенную мастером. Возможно, орнамент был стесан вместе с позолотой в результате позднейшего физического воздействия, либо мастер действительно не успел закончить свою работу. Для объяснения таких особенностей орнаментальной резьбы, а также определения судьбы позолоты, необходимы дополнительные, возможно, трассологические исследования.

В заключение отметим, что вновь выявленные музейные экспонаты во многом могут дополнить современные исследования золотоордынской культуры Крыма, оставляя, впрочем, гораздо больше вопросов, нежели ответов.

Библиография

АБДУЛЬВАПОВ Н. О некоторых крымских эпиграфических находках последнего времени, касающихся периодов Золотой Орды и Крымского ханства // V научные чтения памяти У. Боданинского: тезисы докладов и сообщений международной научной конференции (Бахчисарай, 23–27 октября 2013 г.) – Симферополь, 2013. С. 7–8.

АКЧОКРАКЛЫ О.Н. Старокрымские надписи по раскопкам 1928 года // ИТОИАиЭ. – 1929. Т 3. С. 170–187.

БАШКИРОВ А.С. Художественные памятники Солхата // Крым, №1(3). – 1927. С. 122–144.

БОДАНИНСКИЙ У. Новые материалы по этнографии татар в Крыму: Экспедиция Кр. ЦИКа и СНК по изучению татарской культуры в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – Керчь, 1926. № 3. С. 6–7.

БОРОЗДИН И.Н. Солхат. (Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году) // Новый Восток. – 1926. № 13-14. С. 271–301

ИЗМАЙЛОВ И.Л. История изучения Улуса Джучи в отечественной и зарубежной науке // История татар с древнейших времен в 7 т. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. Том III. С. 19–32.

КРАМАРОВСКИЙ М.Г., СЕЙДАЛИЕВ Э.И. Дюрбе Инджи-бек Хатун в Солхате. Вопросы изучения и сохранения // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Ред.-сост. Зинько В.Н., Зинько Е.А. – Керчь, 2016. С. 240–243.

Крым в Золотоордынский период. Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. – Симферополь, 2016.

ЛОМАКИН Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения и современное состояние. – Симферополь, 2015.

МУСАЕВА У.К. Народный учитель: документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского. – Симферополь, 2007.

НЕПОМНЯЩИЙ А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – Киев, 2012.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). – Симферополь, 2008.

В.А. СИДОРЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

О МЕСТЕ ПРОИЗВОДСТВА НАХОДИМЫХ В ХЕРСОНЕ И ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ БРОНЗОВЫХ ИЛИ МЕДНЫХ МОНЕТ ФЕОДОСИЯ (II-?), ВАЛЕНТИНИАНА (III-?), ЛЬВА I (457-474), ВЕРИНЫ (457-484) И ЗЕНОНА (474-491)

В 1862 г. Дж. Сабатье опубликовал рисунок оборотной стороны медной монеты с изображениями двух фигур в воинском одеянии, с копьями, стоящих по сторонам удерживаемого ими длинного креста, и легендой CONCORDIA AGV [Sabatier 1862: 117, nr. 23, pl. V,11]. На лицевой стороне экземпляра из собрания Эрмитажа он читал имя Феодосия, относя монету к правлению Феодосия II (408–450), на оборотной – усматривал в обресе буквы монетного двора Фессалоник – TES, что не соответствовало действительному написанию в обресе на всех известных в настоящее время подобных монетах – СОИС, подражающему обозначению монетного двора Константинополя – CONS. И.И. Толстой, публикуя ту же монету, отнес ее к правлению Феодосия I (379–395) [Толстой 1912: 81], но в сводном каталоге Р. Кэрсон и Дж. Кент заимствуют датировку Дж. Сабатье, включив в него монету, относимую по его изданию к Фессалоникам [Carson, Kent 1965: 82, nr. 1878], но также и подобную с чтением в обресе названия монетного двора Константинополя, дополнив его под знаком вопроса чеканкой от имени Валентиниана [Carson, Kent 1965: 90, nr. 2231].

Включения атрибутированной Дж. Сабатье монеты в каталог Кэрсона-Кента не заметил А.Н. Коршенко [Коршенко 1994: 223; Алексеенко, Коршенко 1996: 20, 21], как, впрочем, и В.А. Анохин, подвергший критике его выводы [Анохин 2016: 238, прим. 4]. На метаморфозу преобразования фессалоникийской атрибуции в константинопольскую не обращал внимания никто из исследователей монет с фигурами императоров по сторонам креста [Grierson, Mays 1992: 148, 149; Korshenko, Gorshkov, Holmes 1995: 271], но она, по существу, является единственным обоснованием для отнесения этих

монет к чеканке Константинополя и их датировки временем соправительства Феодосия II и Валентиниана III. Логике Күрсона и Кента можно понять. В находках монет из раскопок Херсонеса эти так называемые «двухфигурники» встречались неоднократно с именами и Феодосия, и Валентиниана, что нашло отражение в публиковавшихся описях Л.Н. Беловой и А.М. Гилевич, которые рассматривали чтение букв в обрезах как CONS, не придавая значения зеркальному отображению N [Белова 1926; 1931; 1936; 1941; Гилевич 1959; 1961]. После включения в каталог «Late Roman Bronze Coinage» монет с ошибочно читавшимся Дж. Сабатте местом их производства в Фессалониках, появление однотипных монет с намеком на столичную чеканку становится логичным, как и подразумеваемая синхронность этих выпусков. Но исключив само обоснование такой логики, а именно – наличие среди «двухфигурников» монет с TES в обрезах, мы обязаны пересмотреть и ничем не мотивированную датировку, данную им Дж. Сабатте, собственно же – атрибуцию монет с COIS номинала *майорина* (AE 2). Если отнести их к правлениям Феодосия II и Валентиниана III не противоречит монетный тип аверса, то основания, по которым И.И. Толстой относил подобную монету к правлению Феодосия I (19.01.379–17.01.395) [Толстой 1912: 81], возможно, также заслуживают внимания, подкрепляемые наличием сопрягаемых штемпелей оборотных сторон на монетах его соправителя Валентиниана II (22.11.375–15.05.392).

В 1992 г. Ф. Грирсон и М. Мэйс, не внося ничего нового в ставшую традиционной датировку монет с двухфигурной по сторонам креста композицией временем Феодосия II, выдвинули оригинальную концепцию организации предназначенной исключительно для Херсона чеканки на монетном дворе Константинополя монет Феодосия и Валентиниана, а также Льва I (457–474), Верины (457–484) и Зенона (474–491) [Grierson, Mays 1992: 148, 149, no.435]. В целом эту версию поддержал в опубликованной в 1994 г. работе и Дж. Кент [Kent 1994: 92]. В рецензии на его работу В. Хан и Б. Войтек предложили более решительный компромисс – чеканку монет в Константинополе, выпуск которых отправлялся в Херсон по той причине, что они оказывались непригодными для монетного обращения столицы [Hahn, Wojtek 1996: 388]. Как видно, изучение монетных выпусков, обращавшихся в Херсоне во второй половине V в., изобилует домыслами и догадками, число которых возрастает с новыми исследователями. Одним из аргументов А.Н. Коршенко в пользу херсонской чеканки этих монет, рассматриваемым В.А. Анохиным на полном серьёзе, стала некая особая «холодная чеканка», которая, якобы, не использовалась в Константинополе. Вероятно, он предполагает существование какой-то другой, «горячей», но едва ли – принудительное охлаждение то ли штемпелей, то ли монетных кружков, разогревающихся при ударе. Причиной измышления невероятных

и технически бессмысленных методик нанесения оттисков штемпелей на монетный кружок является незнание с единственной и обычной в отношении температурных режимов техникой монетной чеканки. Другие аргументы, например, визуальное определение сплава на содержание, как известно, не вступающего в сплав с медью свинца, также не дают достаточно твердых обоснований для выводов.

В настоящее время научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского приступает к проведению спектрального анализа металла монет Константинополя второй половины V в., Феодосия, Валентиниана, Льва I, Верины и Зенона, обращавшихся в Херсоне, а также относительно надежно датированных бронзовых изделий местного производства. Без сравнения показателей такого анализа представляется невозможным окончательно и обоснованно решить вопрос места производства спорных монетных выпусков.

Библиография

- АЛЕКСЕЕНКО Н.А., КОРШЕНКО А.Н. Позднеримские медные монеты Феодосия II и Валентиниана III // Четвертая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. – М., 1996. С. 20–22.
- АНОХИН В.А. Монетные эмиссии средневекового Херсонеса // В.А. Анохин. Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды. – Киев, 2016. С. 238–254.
- БЕЛОВА Л.Н. Хронологическое описание монет, найденных в Херсонесе при раскопках 1926 года // ХСб. – Севастополь, 1927. Вып. II. С. 289–293.
- БЕЛОВА Л.Н. Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1908–1912 гг. // ХСб. – Севастополь, 1931. Вып. III. С. 141–215.
- БЕЛОВА Л.Н. Монеты из раскопок Херсонеса в 1934 году // Г.Д. Белов. Раскопки Херсонеса в 1934 году. – Симферополь, 1936. С. 41–49.
- БЕЛОВА Л.Н. Описание монет из раскопок Херсонеса 1935–1936 гг. // в: Г.Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. – Симферополь, 1938. С. 136–139, 317–347.
- БЕЛОВА Л.Н. Монеты из раскопок Херсонеса 1931–1932 гг. // МИА. – М.; Л, 1941. Вып. 4. С. 268–274.
- ГИЛЕВИЧ А.М. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. // ХСб. – Симферополь, 1959. Вып. V. С. 191–205.
- ГИЛЕВИЧ А.М. Описание монет из раскопок в западной части Херсонеса в 1958–1960 гг. // Е.Г. Суворов. Херсонес Таврический. – Свердловск, 1961. С. 128–140.

- КОРШЕНКО А.Н. Херсонский выпуск монет Феодосия II и Валентиниана III // МАИЭТ. – Симферополь, 1994. Вып. VII. С. 222–230.
- ТОЛСТОЙ И.И. Византийские монеты. – СПб., 1912–1916. Вып. I–IX.
- CARSON R.A.G., KENT J.P.C. Bronze Roman Imperial Coinage in the Later Empire. A.D. 346–498 // Late Roman Bronze Coinage A.D. 324–498. Part II. – London, 1965. P. 41–114.
- GRIERSON PH., MAYS M. Catalogue of the Late Roman Coins in the Dumberton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. – Washington, 1992.
- HAHN W.R.O., WOJTEK B.E. Review: The Roman Imperial Coinage. Vol. X. The Divided Empire and the Fall of the Western Parts AD 395–491 by J.P.C. Kent // NC. – London, 1996. Vol. 156. P. 382–392.
- KENT J.P.C. The Roman Imperial Coinage. The Divided Empire and the Fall of the Western Parts A.D. 395–491. – London, 1994. Vol. X.
- KORSHENKO A., GORSHKOV I., HOLMES A. J. The Large Bronze of Valentinian // NC. – London, 1995. Vol. 155. P. 271–275.
- SABATIER J. Description générale des monnaies byzantines. – Paris, 1862. V. I.

В.П. СТЕПАНЕНКО

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

**ВИЗАНТИЯ И КРЫМ В ПОСТФЕМНЫЙ ПЕРИОД
(конец XI – XII вв.)**

Упоминание о фемах в целом исчезает со страниц византийских источников с конца XI в. С 90-х гг. мы не знаем и мовдовулов фемных функционеров, что отметил И. Йорданов для Паристриона [Jordanov 2003: 73]. В Крыму, применительно к Херсонесу и Сугдее, можно сказать то же самое. Как следствие, сложилось мнение о том, что фемная организация, в том числе и военные контингенты фем были заменены чем-то иным. Для Закавказья данный процесс фиксируется с 40-х гг. XI в., когда Константин Мономах распустил стратиотское ополчение фемы Иверия, заменив военную службу уплатой налогов. В 70-х гг. XI в., в связи с сельджукским нашествием, на первый план выходят наемные дружины, продолжавшие пополняться выходцами с Запада. Часть из них вошла в состав византийской элиты (Рогерии, Алифы, Умбертопулы). При Мириокефале (1176) армия Мануила Комнина состояла из собственных контингентов василевса и отрядов его родственников и вассалов. Но известно, что, очистив от сельджуков район Пергама, он основал здесь фемы (куратории?), в том числе Неокастра [Choniates 1975: 160.25-56]. Так что рудименты фемной организации, по крайней мере, в пограничье сохранялись до 70-х гг. XII в.

Еще А.П. Каждан поставил вопрос о структуре византийской элиты, гражданского аппарата и армии в XII в., полагая, что пришедший к власти комниновский клан фактически управлял империей посредством назначения на все более или менее ответственные посты своих представителей [Каждан 1974]. Это подтверждается и данными сфрагистики.

По-видимому, стратиотское ополчение сменили частные этерии членов все того же клана. Лишь на границе, по крайней мере в Малой Азии, сохранились акриты, несшие пограничную службу.

Именно поэтому, на наш взгляд, и появляются в провинциях моливдовулы многочисленных представителей клана Комнинов, в том числе в Болгарии [Jordanov 2006] и в Крыму [Шандровская 1990, 1998; Степанова 2007; Алексеенко 2008].

Рис. 1. Печать куропалата Никифора Вотаниата. Конец XI в.

И хотя весь материал пока не обобщен, можно назвать находки на территории византийской Таврики печатей севастов Михаила Синадина [Шандровская 1990: 181, 182; 1998: 300, 301] и Константина Ксира [Банк 1953: 296–298], куропалата Никифора Вотаниата (Рис. 1), Михаила Дрима (Рис. 1) и Феодора Агиостефанита (Рис. 3) [Алексеенко 2008: 418–421, №№ 1, 2 4], а также Иоанна Ангела, сына деспота Константина Ангела и дочери Алексея I Феодоры Комниной [Лихачев 1991: 118, 119, М-8219, табл. LXIV,13], которую В. и Н. Зайбт датировали ок. 1185 г. [Seibt, Seibt 1993: 364]. Найдена она была в районе Ени-Кале, что ставит вопрос о принадлежности района Керченского пролива Византии. В Партените была найдена печать Иоанна Контостефана, сына паниперсеста Стефана Контостефана и дочери Иоанна II Анны Комниной [Sandrovskaja 1995: 156–157]; около Симеиза – Иоанна Комнина (Рис. 4) *сына севастократора* [Алексеенко 2013: 405–414]. Для XIII в. в Херсонесе известна печать императора Трапезунда Мануила II Великого Комнина [Соколова 1991: 205, № 7]. Данные примеры можно продолжить.

Рис. 2. Печать Михаила Дрима. XI–XII вв.

Рис. 3. Печать Феодора Агиостефанита. XII в.

Рис. 4. Печать Иоанна Комнина сына *севастократора*. 1081–1118 гг.

В целом же сфрагистический материал даёт возможность предположить, что власть Константинополя в Крыму рухнула вместе с ним после 1204 г., а последний, скорее всего, в XIII в. ещё контролировался Трапезундом.

Библиография

- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Печати представителей византийской аристократии в Таврике: новые персонажи // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 417–424.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Печать аристократа Иоанна Комнина с южного берега Крыма // МАИЭТ. – Симферополь, 2013. Вып. XVIII. С. 405–414.
- БАНК А.В. Вислая свинцовая печать XI–XII вв. // МИА. – М., 1953. Т. 34. С. 296–298.
- КАЖДАН А.П. Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. – М., 1974.
- ЛИХАЧЁВ Н.П. Моливдовулы греческого Востока // Научное наследство. – М., 1991. Т. 19
- СОКОЛОВА И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – М., 1991. Т. 52. С. 201–225.
- СТЕПАНОВА Е.В. Византийские печати, найденные в Крыму и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. – Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 364–374.
- ШАНДРОВСКАЯ В.С. Печати представителей рода Синадинов в Эрмитаже // ВВ. – М., 1990. Т. 51. С. 174–182.
- ШАНДРОВСКАЯ В.С. Представители византийских родов в Херсоне – Херсонесе по данным печатей // АДСВ. – Екатеринбург, 1998. Вып. 29. С. 300–304.
- JORDANOV I. The Katepanate of Paraduounavon according to the Sphragistic Data // SBS. – München; Leipzig, 2003. Vol. 8. P. 63–74.
- JORDANOV I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 2. Byzantine Seals with Family Names. – Sofia, 2006.
- Nicetae Choniatae. Historia / Rec. I.A. Van Dieten. – Berolini; Novi Eboraci, 1975.
- SEIBT N., SEIBT W. Рец. На: Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого востока. – М., 1991 // BSl. – Prague, 1993. Vol. 54. P. 363–364.
- SOKOLOVA I. Les sceaux byzantins de Cherson // SBS. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 99–111.
- SANDROVSKAJA V. Die neuen Funde an byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // SBS. – Washington, 1995. Vol. 4. P. 153–161.

Е.В. СТЕПАНОВА
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

КСЕНОН СВЯТОГО САМСОНА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ¹

Едва ли не единственными известными печатями ксенонов Константинополя (а таковых только в столице известный исследователь Р. Жанэ насчитывает около 30 [Janin 1969: 557–563]) являются печати ксенона Святого Самсона, одного из самых известных лечебных заведений Византии.

Рис. 1. Печать ксенона Святого Самсона, VII в.
(ГЭ, М-5563)

Он располагался рядом с храмом Св. Софии. Основание ксенона связано с именем Святого Самсона, покровителя врачей, и относится, согласно сведениям «Жития» святого, ко времени правления императора Юстиниана [Preger 1907: 254], однако, по всей видимости, это произошло ещё раньше. Ксенон функционировал почти вплоть до конца существования империи.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-01-00228)

Сохранились обрывочные сведения о событиях, связанных с историей больницы, а также о направлениях ее деятельности [см.: Janin 1969: 561, 562, пг. 23].

В то же время количество сфрагистических памятников ксенона Святого Самсона значительно, что само по себе говорит о популярности и размахе деятельности этого лечебного заведения. Они датируются VII–X вв. В сообщении будут рассмотрены тессеры – особые жетоны для благотворительных целей, печати самого ксенона, а также его глав – ксенодохов. Часть печатей хранится в коллекции Государственного Эрмитажа (см.: Рис. 1).

Библиография

JANIN R. La Géographie ecclésiastique de l' Empire Byzantin. Ière Partie. Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. III. Les Églises et les monastères. – Paris, 1969.

PREGER Th. Scriptorum originum Constantinopolitanarum. – Leipzig, 1907. Bd. III.

И.Б. ТЕСЛЕНКО
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В СКАЛАХ АЮ-ДАГА (по материалам разведок 2012 г.)

Древности Аю-Дага привлекают внимание исследователей уже более двух столетий [лит. см.: Лысенко, Тесленко 2002: 59–63]. Наиболее полная на сегодняшний день карта археологических объектов этого горного массива была составлена в процессе работ разведочного отряда Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ в 1998 г. под руководством А.В. Лысенко [Лысенко, Тесленко 2002]¹. Она по сей день периодически дополняется новыми данными [см. напр.: Тесленко и др. 2017].

В частности, в 2012 г. в процессе разведок Горно-Крымской экспедиции Крымского филиала Института археологии НАНУ под руководством автора настоящей статьи был локализован и обследован еще один археологический объект – группа каменных строений в скальном кулуаре на юго-западном склоне г. Аю-Даг (граница Ялтинского и Алуштинского городских округов) (Рис. 1:1,II).

Среди ранее картографированных в этом районе памятников значатся два довольно крупных многослойных поселения – в урочище Осман (IV–III вв. до н.э. – III–V вв. н.э., VIII(?)–X вв.) и на ЮЗ «плече» Аю-Дага (VIII(?)–XV вв., с отдельными находками позднеантичного времени) (Рис. 1:1,22–24,25). Последнее – это так называемое «артекское» поселение, на котором в 1998 г. были зафиксированы остатки храма (Рис. 1:1,25,32) [Лысенко, Тесленко 2002: 78–79, 83]. На обоих объектах проводились археологические работы (разведки, шурфовки и небольшие раскопки), однако опубликована лишь общая краткая информация об их результатах.

Работы 2012 г. были сосредоточены в районе прибрежного «артекского» поселения (Рис. 1: 1,25). Памятник располагается на обширной наклоненной к морю террасе, образованной мощными древними делювиальными отложениями, состоящими из глинисто-щебнистой массы

¹ В 1999 г. С.Л. Смекалов на основании этой карты произвел измерение координат археологических объектов при помощи системы спутниковой навигации (GPS) [Адаксина и др. 1999: 29].

(продукт выветривания сланцев) и диабазовых глыб. С востока и СВ терраса ограничена крутыми склонами Аю-Дага, сформированными частично – сланцами, частично – диабазовыми скалами и продуктами их разрушения (высота – до 100–150 м), с юга, ЮВ и ЮЗ – береговыми обрывами высотой до 25–35 м, которые постоянно разрушаются. Ширина галечного пляжа вдоль ЮЗ оконечности Аю-Дага составляет около 10–15 м (Рис. 1:2). Примерно в 103–105 и 145–150 м к ЮВ от юго-восточной оконечности террасы, непосредственно у береговой линии располагаются два постоянно действующих источника пресной воды (Рис. 1:1, 2).

В научно-популярном издании, посвященном древностям Гурзуфа, один из первооткрывателей этого памятника О.И. Домбровский, со слов А. Фролова, упоминает также о развалинах каменных сооружений, сопровождаемых керамическим материалом средневекового и более раннего времени «на трудно доступных обрывах» выше поселения на террасе, однако точно не указывает его местоположение, считая эти руины крайней приморской посылкой (на опубликованном плане объекта не показаны) [Домбровский 1972: 34–38; Домбровский и др. 1975: 51]. По первичной информации исследователя, здесь сотрудником Артекского музея Н. Лебедевым, помимо керамики, была найдена золотая монета (солид) императора Василия I (867–886) и его сына Константина выпуска 868–879 гг. [Домбровский 1972: 37, 38]. В дальнейшем О.И. Домбровский преподносит эту находку в контексте поселения на террасе, не останавливаясь детально на «верхнем» участке, охарактеризованном как группа «крохотных жилищ», теснящихся «на скалистых кручах» [Домбровский 1974: 8, рис. 2; Домбровский и др. 1975: 108–110].

В процессе работ 2012 г. над одним из прибрежных источников в скалах удалось обнаружить остатки каменных строений, не отмеченные на археологической карте 1998 г. (Рис. 1:1, II), однако весьма напоминающие упомянутый Олегом Ивановичем в 1972 г. объект.

Он представляет собой руины домов и выходы культурных отложений, располагающиеся на небольших естественных террасах и уступах в обрывистых бортах небольшого скального кулуара, на высоте от 105 до 135 м над уровнем моря (Рис. 1:3). Его устье располагается в 120 м к северо-востоку от края террасы с «артекским» поселением, в 100–105 м от берега моря, на высоте около 102–105 м над уровнем моря. Ширина расщелины – около 25–40 м, крутизна склона – местами не менее 45°. Края кулуара образованы трещиноватыми диабазовыми гребнями.

Сейчас здесь отчетливо видны руины не менее пяти каменных домов (размер в плане около 1,7×2,9–5,9×4,1 м). Стены их сложены из подобранных обломков диабазовых камней, сохранность кладки – до 1,0–1,2 м (Рис. 1:3,4). Для обустройства площадок под строения трещины и

неровности террас предварительно закладывались камнем. В одной из естественных расселин обнаружено скопление различных культурных остатков, вероятно, представляющее собой мусорную свалку.

Каких-либо вырубленных в скалах лестниц и проходов между домами обнаружить не удалось. Вероятно, для сообщения внутри поселения и с прибрежной полосой были оборудованы деревянные или веревочные лестницы.

Сейчас добраться от источника на пляже до построек в ущелье без специального оборудования довольно сложно. Единственный доступный путь снизу пролегает по осыпи над восточной окраиной прибрежного поселения (40–50 м), а затем по узкой естественной террасе, простирающейся поперек обрывистого скалистого склона (тектоническая трещина, заполненная делювием?) (Рис. 1:2). Ширина террасы в среднем около 1,5–5,0 м, протяженность – до 150–180 м, высота – около 100–105 м над уровнем моря. Она поросла можжевельником, земляничником и дубом, из-за чего хорошо заметна на фоне безлесных скал. Здесь также отмечены две площадки с подъемным материалом средневекового времени, однако следы каких-либо строений не выявлены. В низовьях ущелья встречаются кусты плодоносящего инжира, представляющие собой, возможно, остатки практиковавшегося здесь в древности садоводства.

Основная масса обнаруженного среди руин строений и на древней свалке археологического материала представлена фрагментами черепицы (некоторые с метками) (Рис. 2,13), амфор (Рис. 2,6,7), высокогорлых кувшинов (Рис. 2,23), разнообразных столовых и кухонных сосудов (в том числе белоглиняных поливных) (Рис. 2,2–5,8–11,14–29), которые в целом датируются в рамках VIII–IX–XI(?) вв. Незначительное число находок более позднего времени – обломок верхней части красноглиняной поливной чаши с желтой глазурью, нанесенной внутри сосуда без ангобной грунтовки XIII–XIV (?) вв. (Рис. 2,17), фрагменты горшков группы ЮЗК (рис. 2,1) и поливных чаш группы ЮВК XIV–XV вв. Найдены также отдельные обломки лепных коричневоглиняных сосудов, в том числе декорированных горизонтальным наlepным валиком с насечками, относящиеся ко времени не позднее финала античности (узко датировать такие предметы сложно). Находки иных артефактов единичны. Среди них мелкие фрагменты стенок стеклянного сосуда, изделия из железа (кованые гвозди, скоба, втулка наконечника стрелы), целый и фрагментированный оселки из мелкоструктурного песчаника (Рис. 2,12), осколок кремня. Их детальная датировка затруднительна.

Среди фаунистических находок фрагменты костей млекопитающих (преимущественно мелких копытных –13,2% фауны) и рыб (10,4%), а также хитиновый покров клешни краба. Морские моллюски (76,4%)

представлены в основном створками мидии (около 61%) и устрицы (30%). Прочие (пателла, сердцевидка, прудовик) составляют не более 9%.

Таким образом, проведенные нами исследования позволили конкретизировать краткие сведения о так называемом «окраинном» участке приморского поселения, упоминаемом О.И. Домбровским и добавить его на археологическую карту региона.

Очевидно, что ущелье выше источника у ЮЗ подножья Аю-Дага было обитаемым в различные исторические периоды, однако наиболее выразительные следы жизнедеятельности в его пределах относятся к средне- и поздневизантийскому времени, когда здесь были возведены каменные дома с черепичной кровлей. Возможно, одними из существенных причин обживания ущелья стали близкие источники питьевой воды и пригодная для хранения небольших лодок полоса пляжа, компенсировавшие, видимо, неудобства, связанные с обустройством жилищ в стесненных природных условиях. Не исключено, также, что были и другие веские основания для скрытного, уединенного проживания в труднодоступных скалах, обусловленные, например, родом занятий этих людей или их социальным положением. По материальным остаткам с уверенностью можно говорить лишь о том, что в жизни обитателей ущелья значительное место занимало рыболовство и морской промысел. Существенную роль, вероятно, играло разведение мелких копытных. Кроме того, находка золотой монеты и импортной керамики, свидетельствует об относительно высоком имущественном статусе по крайней мере некоторых представителей проживавшей здесь общины, а также, возможно, о прямом или опосредованном участии их в морской торговле. Очевидно, обитатели ущелья поддерживали определенные взаимоотношения с жителями укрепленного селища на террасе, однако характер и степень тесноты этих связей пока не ясны.

Библиография

- ДОМБРОВСКИЙ О.И. Крепость в Горзувитах. – Симферополь, 1972.
- ДОМБРОВСКИЙ О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского югобережья // Феодальная Таврика. – К., 1974. С. 5–56.
- ДОМБРОВСКИЙ О., СТОЛБУНОВ А., БАРАНОВ И. Аю-Даг – «Святая» гора. – Симферополь, 1975.
- ЛЫСЕНКО А.В., ТЕСЛЕНКО И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – К., 2002. С. 59–88.
- ТЕСЛЕНКО И.Б., ЛЫСЕНКО А.В., МАЙКО В.В., СЕМИН С.В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // ИАКр. – Симферополь, 2017. Вып. V. С. 192–233.

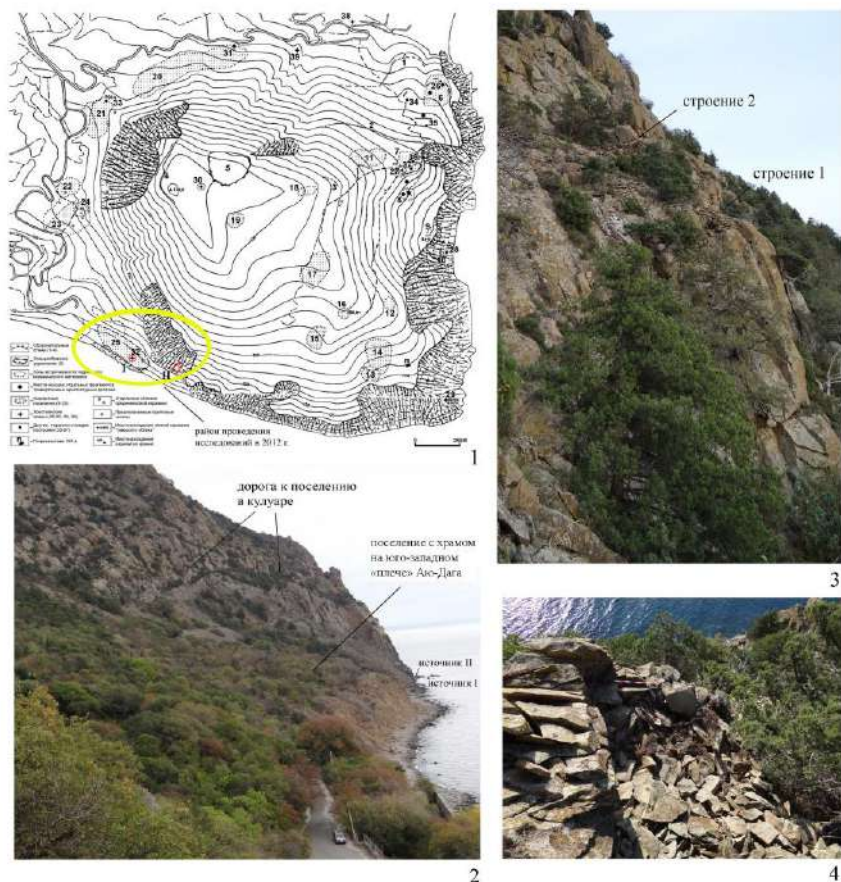

Рис. 1. Поселение в скальном кулуре на юго-западном склоне Аю-Дага.
 1 – местоположение поселения на карте археологических объектов Аю-Даг (II);
 2 – терраса, на которой расположены остатки средневекового поселения с храмом (VIII(?)-XV вв.), проход к поселению в кулуре и источники пресной воды у ЮЗ подножья горы, вид с северо-запада;
 3 – левый борт кулуара, остатки средневековых строений, вид с северо-запада;
 4 – левый борт кулуара, остатки средневекового строения, вид с северо-востока.

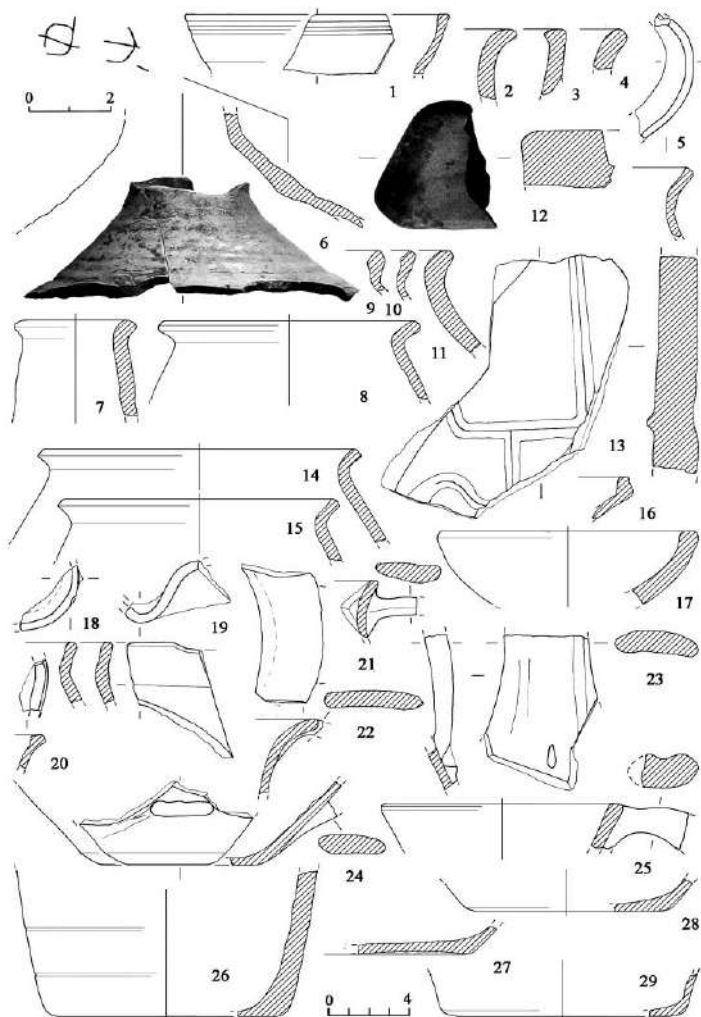

Рис. 2. Поселение в скальном кулуре
на Юго-западном склоне г. Аю-Даг, подъемный материал.
1–10, 13–29 – фрагменты керамики: черепицы с клеймом (13) и амфор (6, 7) VIII–X вв., высокогогорлого кувшина середины IX – первой половины XI вв. (23, 26), белоглиняной поливной миски X в. (16), красноглиняной поливной чашки XIII–XIV(?) вв. (17) и неполивной кухонно-столовой посуды IX–XI(?) (2–5, 8–12, 14–16, 18–22, 24–29) и XIV–XV (1) вв; 11 – обломок оселка.

Е.Г. ТОЛМАЧЕВА
Центр египтологических исследований РАН
(Москва)

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТИЛЬ
РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ
НЕКРОПОЛЯ ДЕЙР АЛЬ-БАНАТ (ФАЙОМ, ЕГИПЕТ)**

Отношения Египта и Византии лишь условно можно считать соответствующими четкой схеме «провинция-империя». Даже формально находясь в составе Византийской империи, Египет обладал определенным своеобразием, нашедшим отражение в экономике, религии, культуре и искусстве.

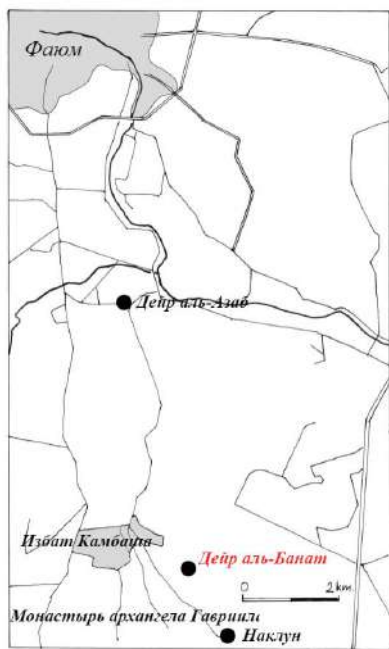

Рис. 1. Карта юго-восточной части Файюмского оазиса.

Египетский текстиль ранневизантийского времени, известный также как так называемые коптские ткани, широко представлен в мировых музейных собраниях и коллекциях. Однако благодаря далеким от научных методов ведения археологических раскопок первыми исследователями египетских некрополей греко-римского и ранневизантийского времени в конце XIX – первой половине XX века, а также варварскому расхищению уникальных находок, большинство тканей, вошедших в состав музейных собраний, не имеют археологического контекста, их происхождение часто неизвестно. Именно потому столь важным представляется изучение египетских тканей ранневизантийского времени, имеющих четкий археологический контекст.

Некрополь Дейр аль-Банат расположен в юго-восточной части Фаюмского оазиса (Рис. 1). Современное название памятника «Дейр аль-Банат» в переводе с арабского буквально означает «девичий монастырь». Однако, несмотря на наличие вблизи некрополя неких построек из кирпича-сырца, которые некоторые исследователи склонны считать монастырем [Grossman 1989: 1865], происхождение данного топонима, а также время и обстоятельства его появления остаются на настоящий момент не ясны [Krol 2005: 214–215]. К сожалению, точное местонахождение поселения, к которому относился некрополь Дейр аль-Банат, пока неизвестно, но поскольку на некрополе в приблизительно равной доле присутствуют женские и мужские захоронения, а также большое количество детских, можно предположить, что на некрополе были захоронены жители одной из близлежащих деревень фаюмского оазиса, а не некоего женского монастыря. Центр египтологических исследований РАН проводит археологические исследования на некрополе с 2003 года [Белова 2017]. В ходе археологических сезонов 2005–2017 годов было исследовано 370 могил, в некоторых из которых присутствовало более одного погребения. Общее количество текстильных находок некрополя в настоящее время составляет более 2000 объектов. Предметом настоящего исследования являются около 900 фрагментов текстиля, относящихся к ранневизантийскому времени (IV–VII вв.). Данные археологических раскопок некрополей римского и ранневизантийского периода по всему Египту свидетельствуют о том, что в конце III – начале V века получает распространение новый погребальный обряд, который условно можно считать христианским [подробнее см.: например, Войтенко 2012]. Следует подчеркнуть, что в литературе ведутся многочисленные дискуссии о критериях определения конфессиональной принадлежности погребенного [см.: Bowen 2003: 168, 173–174; South 2012: 48], которая не всегда очевидна. Так или иначе, в это время на смену древнеегипетского обряда мумификации, предусматривающего оборачивание специально подготовленного тела многочисленными слоями погребальных пелен и бинтов, приходит практика обряжения тела покойного в одежды и завертывание в несколько слоев тканей или погребальных льняных пелен (Рис. 2).

Рис. 2. Могила 213.

Среди археологического текстиля ранневизантийского времени некрополя Дейр аль-Банат большую часть материала (около 70%) составляют льняные погребальные пелены (количество пелен доходило до 12 в одном погребении), в которые оборачивались погребенные, и фиксирующие эти пелены тканые ленты. Все погребальные пелены условно можно разделить на две основные категории: грубые погребальные пелены (Рис. 3,1), для изготовления которых использовался текстиль низкого качества, и погребальные пелены высокого качества, вероятнее всего, переиспользованные предметы интерьерного текстиля, например, завесы (Рис. 3,2).

К другой группе тканей относятся одежды. Они представлены сотканными по форме льняными (Рис. 3,3) и шерстяными туниками (Рис. 3,4), цельнотканными или состоящими из трех сшитых между собой частей. В ряде случаев туники украшались вотканными или нашитыми декоративными вставками, выполненными в гобеленовой технике (Рис. 3,5). Также следует отметить предметы интерьерного текстиля, шали и головные уборы – льняные и шерстяные шапочки в технике «спрэнг» (Рис. 3,6).

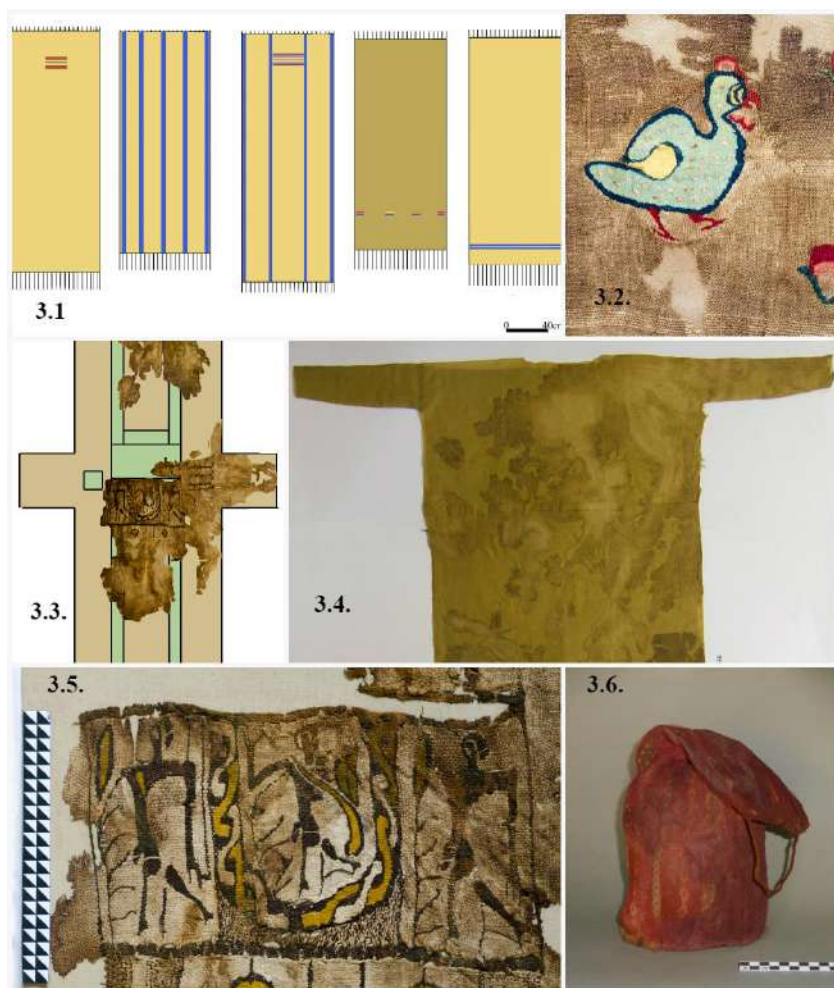

Рис. 3. Текстильный комплекс ранневизантийского времени
некрополя Дейр аль-Банат

В наши задачи входит сравнительный технологический анализ тканей¹, в том числе, порядок и характер крутки нитей, техника ткачества, плотность тканей, оформление ткацкого куска, присутствие и характер декора, наличие ткацких ошибок и т.п. Важным параметром исследования, с точки зрения реконструкции погребального обряда, его изменения в различные исторические эпохи, а также определения социального статуса погребенного, является изучение кроя одежды и следов ремонта.

Также будет сделана попытка выявления возможного импорта на уровне сырья и готовых текстильных изделий. Предварительные результаты позволяют утверждать о чрезвычайно малом количестве подобного рода «статусных» предметов текстиля, например, шелковых или шерстяных импортных тканей.

Полученные данные сопоставляются с аналогичными сведениями об археологическом текстиле, происходящем из хронологически и типологически сходных некрополей Фаюмского оазиса (некрополь Фаг аль-Гамус, Дейр аль-Наклун, Мединет аль-Фаюм), других египетских оазисов и важнейших некрополей долины Нила, например, Антинои.

Библиография

- БЕЛОВА Г.А. Предварительный отчет о работе миссии Центра египтологических исследований Российской академии наук (ЦЕИ РАН) на памятнике Дейр-эль-Банат (Фаюмский оазис) за 2017 г. // Египет и сопредельные страны / Egypt and Neighbouring Countries 2017 (4), 1–25, [Электронный ресурс].
- ВОЙТЕНКО А.А. Коптский погребальный ритуал IV–VII вв. по письменным источникам // Aeternitas. Сборник статей по греко-римскому и христианскому Египту / А.А. Войтенко (отв. ред.). – М., 2012. С. 38–70.
- ОРФИНСКАЯ О.В. Классификация текстиля для памятника Дейр аль-Банат. // И земля в ликовании... Сборник статей в честь Г. А. Беловой / С.В. Иванов, Е.Г. Толмачева (ред.). – М., 2015. С. 286–310.
- BOWEN G.E. Some Observations on Christian Burial Practices at Kellis. // The Oasis Papers III: Proceedings of the Third International Conference of the Dakhleh Oasis Project. / G.E. Bowen, C.A. Hope (eds.). – Oxford, 2003. P. 167–182.

¹ Пример классификации тканей некрополя [см.: Орфинская 2015].

GROSSMAN P. Neue frühchristliche Funde aus Ägypten. // In: N. Duval, F. Baritel, Ph. Pergola (eds.) Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève et Aoste (21-28 septembre 1986). vol. II. – Rome, 1989. P. 1843–1867.

KROL A.A. The RIEC archaeological and anthropological surveys at the site of Dair al-Banat. // Christianity and Monasticism in the Fayoum Oasis: Essays in Honor of Martin Krause / G. Gabra, (ed.). – Cairo, 2005. P. 209–216.

SOUTH K.H. Roman and Early Byzantine burials at Fag el-Gamus, Egypt: A assessment of the case for religious affiliation. Thesis submitted to the faculty of anthropology of Brigham Young University. – Provo, 2012 (unpublished).

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ВИЗАНТИЙСКИЕ НАПЛЕЧНЫЕ И ПОЯСНЫЕ ЗАСТЕЖКИ В ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ КРЫМСКИХ ГОТОВ¹

В традиционном женском костюме крымских готов второй половины VI–VII вв. прослеживается влияние византийской моды. Во второй половине VI – первой четверти VII вв. в Юго-Западном Крыму наряду с местными наплечными застегками бытовали византийские фибулы, а с начала VII в. в моду вошли небольшие цельнолитые и шарнирные византийские пряжки.

Найденные в Юго-Западном Крыму византийские фибулы представлены четырьмя типами. К типу 1 отнесена фибула-брошь, отлитая в виде птицы (голубя) с пластинчатым, трапециевидным хвостом (Рис. 1,1), происходящая из Лучистого, из склепа 131, из погребения конца VI – первой четверти VII вв. Застежки в виде птицы характерны для позднеримского времени [Werner 1961] и известны в погребениях меровингов 565–590/600 гг. [Seillier 1992]. Лучистинская фибула отличается от них высоким приемником иглы, а место перехода туловища в хвост птицы обозначено несколькими рельефными валиками – имитацией навитой проволоки, как на литых византийских прогнутых застегках второй половины VI – начала VII в. Две подобные броши найдены в Садовском Кале; одна из них была застегнута на ножке византийской литой фибулы второй половины VI в. [Uenze 1992]. Аналогичные фибулы бытовали в Италии в VI–VII вв. [Riemer 2000] и у визиготов в VI в. [Ebel-Zepezauer 2000]. А. Хараламбиева определяет фибулы в виде голубя как раннехристианские броши – символы Святого Духа [Хараламбиева 1992].

¹ Работа подготовлена в рамках фундаментальной темы «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (№ госрегистрации АААА-А18-118013000106-7), утвержденной государственным заданием отделу средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН».

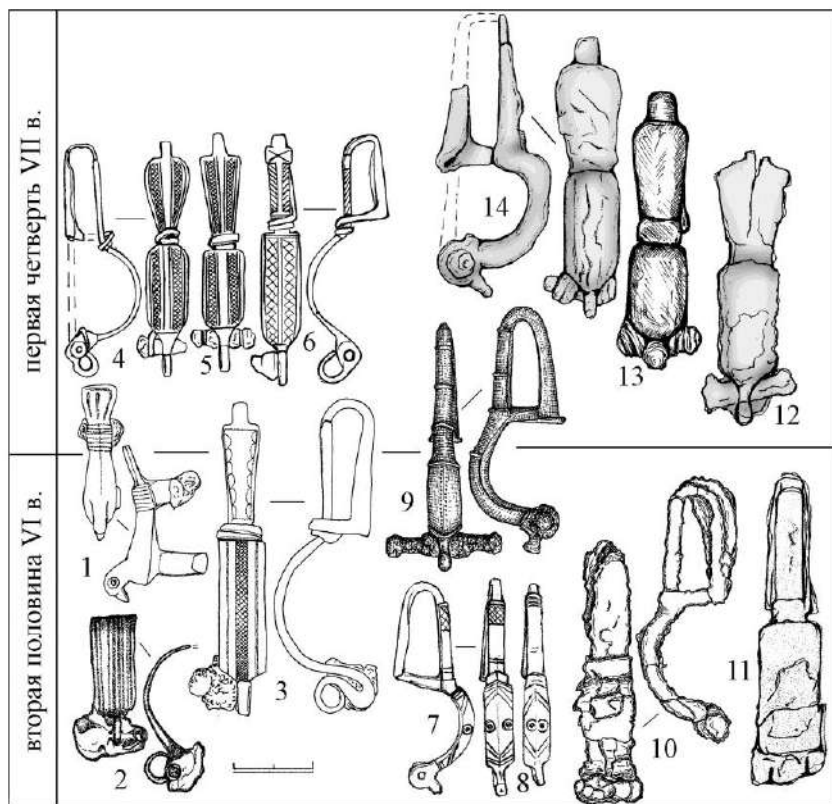

Рис. 1. Византийские фибулы из могильника у с. Лучистое.
1,3 – склеп 131; 2 – могила 128; 4,5 – склеп 122А; 6 – склеп 268; 7,8 – склеп 268;
9 – склеп 104; 10 – склеп 176; 11 – склеп 202; 12 – склеп 208; 13, 14 – склеп 38.

В тип 2 выделены бронзовые пластинчатые прогнутые подвязные фибулы длиной 5,8–6,3 и 8,0 см, украшенные резными линиями с кольцом на головке для прикрепления подвесок (Рис. 1,2,3,4-6). Подобные по форме, литые бронзовые фибулы длиной 5,0-6,0 см отнесены к типу 3 (Рис. 1,7-9). Они декорированы резными линиями и кружочками с точкой в центре. В тип 4 выделены железные, кованые фибулы длиной 6,5–8,0 см (Рис. 1,10-14).

Пластинчатые прогнутые подвязные фибулы найдены на городище Эски-Кермен и на его некрополе, в Суук-Су, в погребениях первой четверти VII в. и в Лучистом, в захоронениях второй половины VI – первой четверти VII в. [Айбабин 2009]. Фибулы из Суук-Су А.К. Амброз включил в средневековый вариант серии 16-4/III [Амброз 1966]. Названные фибулы, скорее всего, привезены из византийских провинций Подунавья, на памятниках которых они представлены различными вариантами и найдены в большом количестве в слоях VI – начала VII вв. [Јанковић 1981; Teodor 1997]. На некрополе Виминациума они выявлены в женских погребениях по две, либо в паре с застёжкой другого типа [Ivanišević и др. 2006]. В Юго-Западном Крыму названные фибулы носили и мужчины, и женщины. Воины использовали одну фибулу, застегивая ею плащ. Женщины пристегивали ими наплечную накидку, используя две одинаковые или объединенные в пару с застёжкой другого типа.

Литые фибулы типа 2 найдены в Лучистом, в погребениях второй половины VI – первой четверти VII вв. Фибулы этого типа изготавливались в византийских провинциях Нижнего Подунавья, где они массово встречаются в комплексах 550–610 гг. [Uense 1992; Teodor 1997; Гавритухин 2002]. В Румынии, в Оршове и Дробете-Турну-Северин и в Югославии, в Прахово (Аквис) выявлены мастерские, специализировавшиеся на производстве названных фибул, в которых найдены необработанные после отливки в единой форме экземпляры [Bejan 1976; Јанковић 1981; Teodor 1997]. Железные фибулы типа 4 из-за плохой сохранности деформированы. У одних из них – узкие ножки и форма, повторяющая литые застёжки типа 3 (Рис. 1,10,11); другие – копируют пластинчатые прогнутые подвязные фибулы типа 2 (Рис. 1,12-14). По наблюдению Д.Г. Теодора, в карпато-дунайско-понтийском регионе железные фибулы существовали параллельно с пластинчатыми подвязными и литыми и были продукцией местных ремесленников, находившихся под влиянием изделий из византийских центров [Teodor 1997]. Железные византийские фибулы в Лучистом зачищены в женских и детских погребениях второй половины VI – первой четверти VII в. Их носили в женском костюме по одной, по две, либо в паре с застёжкой другого типа – литой византийской типа 4, литой двупластинчатой или пальчатой с концентрическими ромбами на ножке.

Появившиеся в Юго-Западном Крыму в начале VII в. пряжки византийского круга по способу изготовления представлены двумя группами: бронзовые цельнолитые и шарнирные. Среди цельнолитых застёжек преобладают пряжки типа «Сиракузы». В женском костюме с большой пряжкой и в мужском воинском костюме они используются только в качестве застёжки для сумочки или ремешка для ножа. Пояса застёгивали пряжкой типа «Сиракузы» только дети, подростки и мужчины – не воины.

Шарнирные пряжки с U-образным щитком с прорезным растительным орнаментом найдены на склоне Эски-Кермена в склепах второй половины VII в. [Хайрединова 2008]. Пряжки состоят из литых бронзовых деталей, на лицевой стороне которых сохранились следы позолоты. Наряду с названными застёжками во второй половине VII в. в Юго-Западном Крыму были популярны типологические близкие, шарнирные пряжки с U-образным гладким щитком. Они выявлены в могильниках Бал-Гота, Суук-Су, Узень-Баш и на склоне Эски-Кермена.

Шарнирные пряжки с дисковидной частью щитка обнаружены в Лучистом и на территории могильника Баклинский Овраг. Они сделаны из бронзы и покрыты позолотой. У обеих пряжек литые овальные рамки с фестончатой внешней стороной, массивные язычки и штампованный из пластины щиток в форме коробочки, заполненный изнутри пастой, в которой зафиксированы три проволоочные петли для крепления пряжки на ремне. На примыкающей к шарниру поверхности щитка пряжки из Баклинского Оврага вытиснены две птицы, клюющие растение. В центре дисковидной части в той же технике исполнена девятилепестковая розетка с геометрическим орнаментом. Щиток пряжки из Лучистого декорирован рельефными волнами и многолепестковой розеткой, вписанной в круг из псевдоскани. Обе пряжки изготовлены во второй половине VII в. византийскими ювелирами, которые в качестве образцов использовали золотые парадные аксессуары знати. Тонкая штампованная пластина, заполненная пастой, и позолота позволяли, при небольшой затрате средств, создать имитацию дорогих украшений. В Лучистом шарнирная пряжка с дисковидной частью щитка лежала в женском погребении [Айбабин, Хайрединова 2008]. Ею застёгивали поясной ремень шириной 2,5 см. Пряжка, происходящая из могильника Баклинский Овраг, предназначалась для ремня шириной 3,0–3,5 см. Скорее всего, ее тоже носили в женском костюме.

Шарнирная пряжка с лировидным щитком типа Трапезунд найдена в Лучистом, в склепе 238, в погребении 12 третьей четверти VII в. (рис. 2, 4) [Айбабин, Хайрединова 2005]. Она состоит из бронзовых, покрытых позолотой, литых деталей: овальной рамки, треугольного в сечении язычка с небольшим гнездом на тыльной стороне и из вытянутого, лировидного щитка с изображением распластанной ящерицы, заключенной между извивающимся телом двуглавой змеи. Поясные пряжки этого типа были распространены в Византии во второй половине VII в., а их более дешевые имитации известны у визиготов [Werner 1955] и в Юго-Западном Крыму. На ремне пряжка крепилась при помощи трех пластинчатых петель, припаянных на обороте щитка.

Гарнитуры с византийскими шарнирными пряжками выявлены в трех женских погребениях второй половины VII в. [Айбабин, Хайрединова 2017]. В них присутствуют только пальчатые фибулы. Богатый по составу набор найден в Лучистом, в склепе 238, в захоронении девочки – подростка 10–15 лет (Рис. 2). Ее похоронили в типичном для взрослых женщин парадном одеянии (Рис. 2,II), опоясанном ремнем с большой пряжкой, с накидкой, пристегнутой на груди парой одинаковых пальчатых фибул днепровского круга типа I, соединенных между собой нитью с крупными бусами и колокольчиками (Рис. 2,5). На запястьях рукава платья были стянуты парой браслетов (Рис. 2,6,7). Шею девочки украшало ожерелье из трех низок бус и различных подвесок (Рис. 2,1), уши – серебряные серьги с пирамидальными подвесками (Рис. 2,2,3), пальцы рук – два бронзовых перстня (Рис. 2,8,9).

Гарнитуры с шарнирными пряжками близки по составу одновременным наборам с большой поясной застежкой. Возможно, шарнирные пряжки из-за их размера и индивидуальности формы воспринимались местным населением как аналог большой пряжке. Эти гарнитуры демонстрируют наметившуюся в местном женском костюме около середины VII в. тенденцию – постепенное исчезновение «варварских» пряжек и переход местного населения на византийские поясные застежки. К концу VII в. византийские застежки полностью вытеснили из женского костюма большие пряжки, лишив его этнического своеобразия.

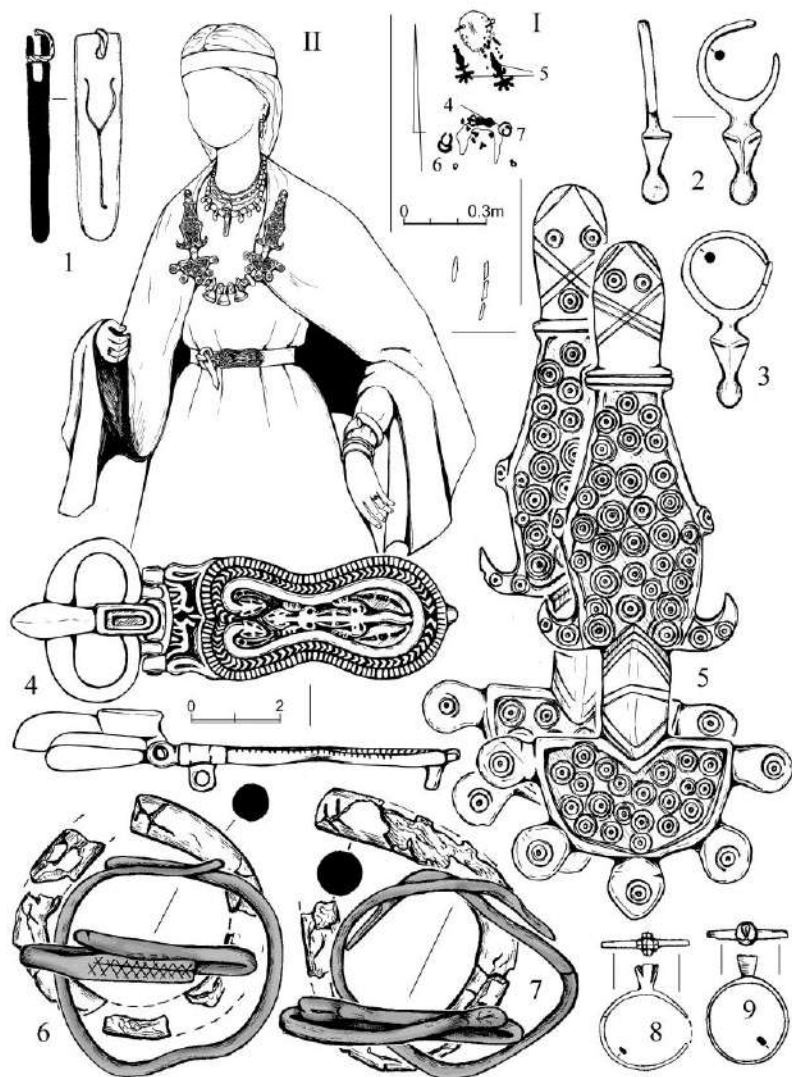

Рис. 2. Могильник у с. Лучистое, склеп 238.
 Погребение девочки-подростка третьей четверти VII в.
 с византийской шарнирной пряжкой типа Трапезунд.
 I – план погребения; II – реконструкция парадного убора погребенной;
 1-9 – находки из погребения.

Библиография

- АЙБАБИН А.И. Ранневизантийские воинские фибулы с подвижной ножкой из Юго-Западного Крыма // АДСВ. – Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 60–70.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Новые византийские пряжки из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – Симферополь, 2005. Вып. XII. С. 289–313.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Могильник у села Лучистое. Том 1. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. – Симферополь; Керчь, 2008.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). – Симферополь, 2017.
- АМБРОЗ А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II–IV вв. н.э. // САИ. – М., 1966. Вып. Д1-30.
- ГАВРИТУХИН И.О. Фибулы византийского круга в Восточной Европе (литые дунайско-иллирийские) // МАИЭТ. – Симферополь, 2002. Вып. IX. С. 229–250.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 161–183.
- ХАРАЛАМБИЕВА А. Фибулы от I–VII в. в Добричкия музея // Добруджа. – Варна, 1992. Вып. 9.
- ЈАНКОВИЋ Б. Подунавски део области Аквиса у VI и почетком VII века. – Београд, 1981.
- BEJAN A. Un atelier metalurgic din sec. VI. e.n. de la Drobeta – Turnu Severin // Acta musei Napocensis. – Cluj, 1976. Vol. XIII. P. 257–278.
- EBEL-ZEPEZAUER W. Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5.–7. Jh. n. Chr. – Mainz am Rhein, 2000.
- IVANIŠEVIĆ V., KAZANSKI M., MASTYKOVA A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. – Paris, 2006.
- RIEMER E. Romanische Grabfunde des 5.-8. Jahrhunderts in Italien // Internationale Archäologie. – Rahden/Westf., 2000. Bd. 57.
- SEILLIER C. Les tombes de transition du cimetière germanique de Vron (Somme) // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz 36/1982, Teil 2. – Mainz, 1992. P. 599–634.

TEODOR D.Gh. Fibules byzantines des Ve-VIIe siècles dans l'espace Carpatho-Danubiano-Pontique // Etudes byzantines et post-byzantines. – București, 1997. T. III P. 69–91

UENSE S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien) // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. – München, 1992. Bd. 43.

WERNER J. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergard // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. – Köln, 1955. Bd. 1. S. 36-43.

WERNER J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). Bd. 1. Die Fibeln. – Berlin, 1961.

Н.И. ХРАПУНОВ

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

Н.В. ГИНЬКУТ

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА
НА РИСУНКАХ ИЗ СОБРАНИЯ БРИТАНСКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА РИЧАРДА УЭРСЛИ¹**

Английский путешественник Ричард Уэрсли (1751–1805) провел много лет в путешествиях по Восточному Средиземноморью. В 1786 г. он посетил Крым [Cross 1997: 356–358; Бертье-Делагард 1910: 49–50]. В поездках Уэрсли собрал коллекцию предметов древности и рисунков, каталог которой издали его наследники. Здесь опубликованы четыре гравюры, сделанные с оригинальных акварелей, на которых представлены памятники Тавриды, впоследствии пострадавшие от естественных и антропологических факторов. Еще в начале XX в. эти акварели хранились в Англии, в родовом замке графов Ярборо [Бертье-Делагард 1910: 50–51]. Дальнейшая их судьба неизвестна. Рядом с рисунками в каталоге опубликованы более или менее подробные справки об истории этих мест, по-видимому, подготовленные издателями каталога. В докладе будет проанализирован этот источник, сыгравший важную роль в формировании представлений о Крыме в зарубежном общественном сознании.

На рисунках представлены Георгиевский монастырь в окрестностях Севастополя, Балаклавская бухта, города Старый Крым и Феодосия [Museum 1824: 57–64] (Рис. 1–4).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX вв.».

Авторство этих изображений представляет собой проблему. Считается, что художник Уилли Ривли, сопровождавший Уэрсли в его странствиях, в Россию за ним не последовал [Cross 1997: 356]. Обращает на себя внимание сходство гравюр из альбома Уэрсли и акварелей, выполненных знаменитым русским пейзажистом Михаилом Ивановым (1748–1823), который в 80-х гг. XVIII в. путешествовал по югу России [Федоров-Давыдов 1950; Капарулина 2008]. Виды даны практически с одного места, различаясь лишь декоративными деталями, такими как изображения людей на переднем плане или парусников в море [ср.: Кулаковский 2002: 172–173, 178–179 (вклейки); Бертье-Делагард 1910: 51; Гаврилов, Майко 2014: 46]. Иванов мог скопировать рисунки, выполненные другим художником для Уэрсли. Известно, что русский живописец делал копии с пейзажей других художников, запечатлевших, в частности, виды Турции и Швейцарии [Капарулина 2008: 133–134]. Более вероятно, что Уэрсли заказал у Иванова вторые экземпляры его крымских гравюр для своей коллекции.

Рис. 1. «Вид гавани и порта Балаклавы в Крыму»
(гравюра с акварели из коллекции Р. Уэрсли).

Изображение «гавани и порта Балаклавы» на гравюре из каталога собрания Уэрсли [Museum 1824: 59] (Рис. 1) доказывает, что к моменту

присоединения Крыма к России в 1783 г. сохранность средневековых укреплений крепости значительно превосходила современную. О том же свидетельствует и «вид Каффы или Феодосии» [Museum 1824: 63] (Рис. 2).

Рис. 2. «Вид Каффы или Феодосии, города и морского порта Таврического Херсонеса» (гравюра с акварели из коллекции Р. Уэрсли).

Эти рисунки позволяют реконструировать историческую топографию крымских городов генуэзского и османского времени. Известно, что зарубежные путешественники конца XVIII – первой половины XIX вв. были склонны обвинять русских в бессмысленном уничтожении археологических памятников Крыма. Зачастую это было «общее место» путевых записок, которые следовали книжной традиции, а не наблюдаемым реалиям. Иногда такого рода выводы использовали как идеологическое оружие, направленное против России [Орехов 2017: 84–252; Храпунов 2016]. Визуальные источники, гравюры из каталога коллекции Уэрсли в частности, доказывают, что подобные обвинения имели под собой некоторую почву. Ясно, что сохранность представленных на рисунках конструкций значительно превосходит то, что можно увидеть сегодня. Есть и вполне объективные рассказы очевидцев, свидетельствующие о разрушении памятников древности [Храпунов 2011: 598, 601–604]. Историческая справка, приложенная к

рисунку Феодосии из коллекции Уэрсли, по-видимому, является искаженными сведениями, взятыми из сочинения шведского «кабинетного» автора Иоганна-Эриха Тунманна [ср.: Тунманн 1991: 35].

Рис. 3. «Вид Эски-Крыма, древней столицы Крымской Татарии, с Азовским морем» (гравюра с акварели из коллекции Р. Уэрсли).

«Вид Эски-Крыма, древней столицы Крымской Татарии, с Азовским морем» [Museum 1824: 61] (Рис. 3) показывает, как формировались стереотипы восприятия Крыма, зачастую весьма далекие от реальности. На гравюре представлен вид на край города, с холмами на заднем плане. Самое приметное изображение находится в левой части – это не сохранившаяся до наших дней армянская церковь, посвященная Богородице [см.: Гаврилов, Майко 2014: 44, 160–167]. К рисунку приложен поясняющий текст, сообщающий, что с этой точки видны Черное и Азовское моря, залив последнего – Сиваш, а также Керченский полуостров. В реальности же никакого моря ни оттуда, ни вообще из города (ныне – Старый Крым), который занимает окруженную горами долину, увидеть нельзя. Надо полагать, авторы каталога позаимствовали сведения об этих видах из сочинения принца Шарля-Жозефа де Линя (1735–1814). Выходец из нынешней Бельгии, этот австрийский фельдмаршал сопровождал Екатерину II в ее

путешествии на юг в 1787 г. Письма из путешествия к возлюбленной принца – маркизе Луизе-Марте де Куаньи (1759/1760–1832) впоследствии были изданы знаменитой французской писательницей мадам де Сталь и завоевали большую популярность. Содержание писем заставляет предположить, что, либо они изначально сочинялись в расчете на последующую публикацию, либо были отредактированы перед изданием, либо вообще писались как единое произведение через несколько лет после путешествия [Dickinson 2002: 17, and note 55; Свирида 2009: 268]. В одном из эпизодов де Линь заметил, что из дорожного дворца в Старом Крыму можно увидеть «*Азовское море, Черное море, море Сиваш и Кавказ*» [Ligne 1809: 53]. Любопытно, что эта мысль пришла к автору не в Старом Крыму, а ещё до посещения этого города, в Бахчисарае, где он мог услышать (и плохо понять) чей-то рассказ. Вероятно, от де Линя это описание попало к ученому поляку Станиславу Сестренцевичу-Богущу (1731–1826), католическому архиепископу моголиёвскому, которому наместник юга России Григорий Потёмкин поручил составить историю Крыма [Sestrenczewicz de Bohusz 1800: 22]. Ну, а следующим этапом стала фраза из пояснения к гравюре из альбома Уэрсли. Перед нами пример того, как путешественники, сильно зависевшие от традиции, накапливали и передавали ошибочные суждения.

На последней гравюре из собрания Уэрсли помещен «*Вид на мыс и монастырь св. Георгия, построенный на развалинах храма Дианы Таврической*» (Рис. 4) [Museum 1824: 57]. Имеется в виду античный миф об Ифигении, дочери царя Агамемнона, предводителя греков в Троянской войне, которую богиня Артемида (Диана) перенесла в Таврику (Крым) и сделала жрицей в своём святилище. Об этом памятнике писали многие древние авторы, в том числе Еврипид, Геродот и Страбон. Однако большинство путешественников конца XVIII – начала XIX в. знали об этом сюжете из популярных переложений своих современников, в частности, поэмы Иоганна фон Гёте и оперы Кристофа фон Глюка [Формозов 2000: 48–50; Зорин 2004: 111–112]. Путешественники и кабинетные исследователи пытались отыскать развалины храма Дианы на южном берегу Крыма [Формозов 2000: 50–51; Тункина 2002: 534–535; Храпунов 2013: 375]. Заметим, что по современным представлениям эти поиски не имеют особого смысла, поскольку перед нами литературный конструкт, а не описание реальной постройки [Скржинская 1991: 122–129]. Часто храм таврической Дианы искали на мысе Фиолент, расположенном в юго-западном Крыму, к югу от Херсонеса.

Рис. 4. «Вид мыса и монастыря св. Георгия, построенного на развалинах храма таврической Дианы» (гравюра с акварели из коллекции Р. Уэрсли).

Уединенное и живописное место, где к тому же находился православный монастырь св. Георгия, фигурировало в многочисленных описаниях и на рисунках путешественников. Большая часть источников собрана в работе А. Л. Бертье-Делагарда [Бертье-Делагард 1910: 48–51, 72–108]. К ним можно добавить рисунок Емельяна Корнеева [Священный образ 2012: 91]. Каково бы ни было происхождение акварели из собрания Уэрсли, ясно, что она следовала недавно возникшей традиции.

Таким образом, гравюры из каталога собрания Уэрсли являются ценным источником как для изучения археологических памятников крымского средневековья, так и для понимания того, как воспринимали Крым иностранные путешественники, оказавшиеся здесь после присоединения полуострова к России в 1783 г. Несомненно, они способствовали превращению изображенных мест в туристические достопримечательности Крыма.

Библиография

- БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. К истории христианства в Крыму // ЗООИД. – Одесса, 1910. Т. XXVIII.
- ГАВРИЛОВ А.В., МАЙКО В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). – Симферополь, 2014.
- ЗОРИН А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М., 2004.
- КАПАРУЛИНА О. Художник-академик при светлейшем князе. Путевые альбомы М. М. Иванова в собрании Русского музея // Наше наследие. – 2008. – № 86.
- КУЛАКОВСКИЙ Ю. Прошлое Тавриды. – Киев, 2002.
- ОРЕХОВ В. В.В лабиринте крымского мифа. – Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2017.
- СВИРИДА И.И. Метаморфозы в пространстве культуры. – М., 2009.
- Священный образ Тавриды: православные святыни Крыма в изобразительном искусстве / сост. Т. С. Шорохова. – Симферополь, 2012.
- СКРЖИНСКАЯ М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. – Киев, 1991.
- ТУНКИНА И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб., 2002.
- ТУНМАНН [И.-Э.]. Крымское ханство / пер. с нем. Н. Л. Эрнст, С. Л. Белявская. – Симферополь, 1991.
- ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ А. Михаил Матвеевич Иванов. 1748–1823. – М., 1950.
- ФОРМОЗОВ А.А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. – М., 2000.
- ХРАПУНОВ Н.И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. – Симферополь, 2011. Вып. XVII. С. 595–633.
- ХРАПУНОВ Н.И. Христианские памятники Херсонеса и окрестностей в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. // Климентовский сборник. – Севастополь, 2013. С. 366–383.
- ХРАПУНОВ Н.И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2016. – Т. 18, № 3 (154). С. 116–132.

CROSS A. *By the Banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in the eighteenth-century Russia*. – Cambridge, 1997.

DICKINSON S. *Russia's First «Orient»: Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2002. Vol. 3. Nr. 1.

[LIGNE Ch.-J. de]. *Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne*. 2nd éd. / ed. [A.-L.] de Staël Holstein. – Paris; Genève, 1809.

MUSEUM Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems... – London, 1824. Vol. II.

SESTRENCEWICZ DE BOHUSZ S. *Histoire de la Tauride*. – Brunswick, 1800. T. 1.

В.Н. ЧХАИДЗЕ
Институт археологии РАН
(Москва)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ВЛАСТИ НА БОСПОРЕ (последняя четверть XI века)

Книга, господа, это множество нарезанных
в четвертку листов бумаги разного формата,
напечатанных и собранных вместе,
переплетенных и склеенных клейстером.
Да-с. Знаете ли вы, господа, что такое клейстер?
Клейстер – это клей.
(Полковник Фридрих Краус фон Циллергут)

Значительное количество публикаций и оживленные дискуссии на научных конференциях последних лет посвящены событиям, происходившим в Крыму и на Тамани в конце X – конце XI вв., проблеме так называемой «Крымской Хазарии» XI в., ее локализации, возвращению обоих берегов Боспора под юрисдикцию Византии в конце XI в. В недавней работе [Чхаидзе 2016; там же вся библиография по теме] была предпринята попытка подвести предварительные итоги ведущемуся диспуту и привести в систему сформировавшиеся мнения исследователей. Уже после этого обзора вновь вышли в свет статьи коллег с некритическим пересказом выводов, многократно озвученных в прежних работах, в основном, своих собственных. Создается впечатление, что авторы не склонны к конструктивной дискуссии и преследуют цель не столько представить объективную картину, сколько доказать правоту выдвигаемой именно ими концепции [см., например: Могаричев и др. 2017: 652–654].

Появились и новые исследователи, впервые обратившиеся к этой теме, правда, увы, неудачно. Например, А.А. Роменский объясняет с воодушевлением (с каким изобретатель рассказывает о своем изобретении) очевидные вещи: *«А.А. Роменский, также помещающий Хазарию Скилицы на в (sic!) Тамани, обратил внимание, что оттуда*

происходит моливдовул одного из представителей семейства Цул – Игнатия (См.: Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. С. 46)» [Могаричев и др. 2017: 661, прим. 66].

В обширной работе под названием «Конец византийского правления в северо-восточном Понте» обратился к данной теме и К. Цукерман [Zuckerman 2017: 311–329; далее ссылки только на страницы этой статьи]. На основании публикации двух новых печатей Олега–Михаила (в легенде которых он впервые назван *дукой*) читателю предлагается «новое видение» последнего этапа византийской власти на северо-востоке Понта в конце X в., за которым в последней трети XI в. следует быстрый упадок и окончательное её исчезновение в Крыму и на Тамани [311]. Работа, основное содержание которой представляет собой пересказ хорошо известных фактов, разделена на пять параграфов, с выводами каждого из которых (и в деталях, и в совокупности) согласиться крайне трудно.

К. Цукерман прав в том, что с середины XI в. наблюдается «*полное отсутствие сигиллографических следов византийской администрации в Херсоне, да и в Крыму в целом*», из чего, однако, делается вывод, что с этого времени «*такой администрации не существовало*» [312]. Однако им никак не объясняется факт присутствия печатей византийских чиновников центральной администрации XI–XII вв., хорошо известных в Херсоне, Судаке и на Тамани. Это не говоря уже о моливдовулах как частных лиц, так и членов императорской семьи (см. ниже).

Автор выпендренно отмечает, что «*единодушная русскоязычная (и зависимая) историографическая традиция приписывает разрушение хазарской Таматархи либо князю Святославу, либо князю Владимиру*», и полагает, что на самом деле слой пожара в Таматархе связан с восстанием в 1016 г. на Боспоре Георгия Цулы и, соответственно, с переходом города в орбиту влияния Киевской Руси [316, 318] (правильнее – под протекторат). Однако на основании археологического и нумизматического анализа (все того же русскоязычного и зависимого) уже была убедительно доказана и дата пожара (последняя треть X в.) и его же вероятная (sic!) связь с походом Владимира – сначала в статье, а затем и в разделе коллективной монографии [Могаричев и др. 2017: 598–609].

Нет возможности согласиться и с предложенным К. Цукерманом прочтением половинки печати Олега–Михаила из Тамани 2015 г.: + K(ύp)ε β(οή)θ(ει)||Μιχαή[λ ἄρχ]οντι[καὶ δ]ου[κ[α M]]ατρ[ἀχ(ων)]|(καὶ) π[ἀ(σης)|Χα]ζα[ρ(ίας) + [320]. Более убедительно прочтение (с незначительной разницей в написании литер) В. Зайбга и автора этих строк: + K(ύp)ε [β(οή)θ(ει)]||Μιχαή[λ ἄρ]χ[οντι [(καὶ) δου]]|[κῖ τ]ὸν Ζ[ιχῆα(ς)]|[M]ατρ[ἀχο]]|[v] (καὶ) π[ἀσ(ης) Χα]ζα[ρία(ς)] [см.: Seibt 2018].

Таким образом, нет оснований отрицать того, что с момента своего появления в Матархе-Тмутаракани Олег выступал в качестве представителя византийской администрации на территории, включающей Матраху, Зихию и часть Крыма, – об этом и свидетельствуют три известных к настоящему времени типа его печатей. Последовательность их появления, впрочем, может быть предметом дискуссии. На двух печатях первого типа он именуется Михаилом, *архонтом* и *дукой* Матрахи и всей Хазарии: печати, несмотря на ошибку в надписи, вероятно, были исполнены резчиком в Константинополе в 1083 г. На половинке печати из Тамани второго типа он, Михаил, *архонт* и *дука* Зихии, Матрахи и всей Хазарии (примерно до 1086 г.). Наконец, 9 печатей третьего типа представляют нам Михаила как *архонта* Матрахи, Зихии и всей Хазарии [Чхаидзе 2016: 10–14, рис. 11–15].

Не убеждает и мнение К. Цукермана о появлении приставки *πάσης* на византийских печатях лишь в качестве «*маньеризма речи, типичного для последней четверти XI в.*» [325]. Мы уже отметили, что на протяжении конца X – первой половины XII вв. существовало различие в обозначении территорий и областей на печатях их правителей. Так, появление приставки *πάσης* в случае с Западом, Востоком (или совместно с этими областями), Азией и Болгарией связано с какими-либо экстраординарными событиями на этих территориях, требовавшими не только постановки в управление ими энергичных функционеров, но и расширения их полномочий. В этом же контексте достаточно показательно выступает и новая печать Константина, сына *протопроедра* и *эксусиократора* всей Алании (*πάσης Αλανίας*), датированная временем около 1065–1075 гг. [Виноградов, Чхаидзе 2018]. Помещение же Хазарии XI в. в Крыму, равно как и утверждение, что на Корчев распространялась власть русского князя в Тмутаракани [326, 327], не дают ничего нового сверх уже рассмотренных версий [см.: Чхаидзе 2016].

К этим территориям, судя по находкам в Тамани печатей конца XI – первой половины XII вв. представителей родов Дук, Палеологов, Кастамонитов, Агиостефанитов, Врахамиев и др., проявляли интерес высшие слои Византийской империи. По аналогиям с Крымом и памятниками Болгарии, можно полагать, что адресанты подвешивали печати к документам, которые они отправляли в свои частные владения [Чхаидзе 2015: 18–19].

Невозможно согласиться с К. Цукерманом и по поводу его скептической оценки трудов Мануила Ставоромана и Феофилакта Охридского [321–323, 328]. Мануил между 1098 и 1103 гг. сообщает об

утверждении власти Алексея I Комнина на берегах Киммерийского Боспора, однако К. Цукерман искусственно притягивает его свидетельство к хронологии печатей Олега-Михаила. К тому же излишне смелым является суждение о том, что Олег, в чьем владении была Зихия, «*наложил лапу*» на ее нефтяные источники (находящиеся в Касахии) [322]. Здесь достаточно перечитать Константина Багрянородного, который указывает, что нефть находится не в Касахии, а в Папагии, при этом источник называет Касахию отдельной от Зихии областью!

Из письма Феофилакта Охридского (лето 1103 г.) известно, что *дука* Трапезунда Григорий Таронит отразил набеги мелитинского султана Данишменда-гази, который собирал дань, помимо прочего, с «*греческих городов около Понта между рекой Танаис и Меотидским озером*». К. Цукерман, не приводя примеров, углубляется в лингвистические изыскания и приходит к выводу, что Феофилакт использовал в своем письме архаические данные. Между тем, Феофилакт использует слово Ἐλλήν для обозначения грека, а ἑλληνίς – греческого языка, так что ἑλληνίδας πόλεις у него – это именно грекоязычные города. А города между Танаисом и Меотидой Данишменд заставил платить дань вместе со всем Восточным побережьем Черного моря – соответственно, вполне можно полагать, что какой-то поход имел место быть. И, кстати, именно из этих мест полвека спустя в Константинополь доставляли соленую рыбу и икру.

Наконец, нельзя оставить в стороне еще ряд свидетельств. В середине XII в. Никифор Васиlaki в инвективе против своего противника Вагоя пишет, что отец последнего служил в суде (?) в краях «*боспорских варваров*» возле «*влажной Меотиды*». Писатель того же времени Иоанн Цеc в «Ямбических стихах» упоминает «землю матрахов». Ритор Михаил в речи к Мануилу I Комнину в 1153 г. утверждает, что войска императора могут *оказаться «к северу от Меотийского озера»*. В соборном постановлении 1166 г. император Мануил, помимо прочего, назван «*зихийским*». В хрисовуле генуэзцам от октября 1169 г. Мануил разрешил им торговлю по всей территории империи, кроме «*Росии и Матрахи*»; в апреле 1192 г. это пожалование было подтверждено Исааком II Ангелом. Отметим, что изданию этих актов предшествовали визиты в столицу иерарха Матрахи, который отмечен на соборах 10 марта 1169 г. и в сентябре 1191 г. Константин Пигонит, адресат Михаила Хониата, до 1182 г. собирал подати «*поблизости от гипербореев*», «*на той стороне пролива*», и часто «*посещал климаты Понта*», т.е., как верно считал А.П. Каждан, осуществлял свою деятельность на азиатском Боспоре [ср.: 329]. Концом XII в. датируется найденная в Тамани печать Евфросинии Дукены, супруги Алексея III Ангела [Чхаидзе, 2015: 30–31, 134–135].

Указанные факты входят в противоречие с выводами К. Цукермана в каждом из пяти параграфов его работы. Автор полагает, что в конце XI столетия не произошло возвращения Матархи–Тмугаракани под юрисдикцию Византии, а боспорские города *«выжили сами по себе и процветали»* [329]. Увы, но дело обстояло *vice versa*.

Здесь, в качестве отступления, укажем на вышедшую недавно статью Л.А. Голофаст, посвященную византийской (!) поливной керамике VII–IX вв. из раскопок последних лет в Фанагории. Основной посыл статьи изложен в сходном с работой К. Цукермана ключе: раннесредневековая Фанагория не принадлежала к византийскому миру, так как это *«объясняется ее ролью приморского торгового центра, поддерживавшего прямые или, скорее, опосредованные торговые контакты с Константинополем или с какими-то византийскими центрами, имевшими связи со столицей империи»* и далее: *«Мнение В. Чхаидзе, который считает, что материальная культура раннесредневековой Фанагории осталась «по сути провинциальной византийской» и что «в Фанагории продолжает проявляться сохранение и сильное влияние Византии», представляется недостаточно обоснованным; признаки принадлежности Фанагории к византийскому миру исследователем не оговорены, и в чем именно заключалось «сильное влияние Византии» остается неясным (см.: Чхаидзе 2012)»* [Голофаст 2017: 195, 201, прим. 38]. Столь странное утверждение замечательного специалиста по раннесредневековой археологии Л.А. Голофаст, несомненно, умеющей читать научные труды, могут объяснить лишь тем, что на мою книгу, посвященную средневековой Фанагории, в нынешней экспедиции, раскапывающей памятник, наложено табу (отсюда стыдливая ссылка без указания страниц). Однако разностороннее византийское влияние в раннесредневековой Фанагории обосновано именно в этом 590-страничном труде, сформированном на совокупности письменных и эпиграфических источников, а также материалов всех раскопок со средневековым слоем на памятнике. Уважаемой исследовательнице, хотя бы со ссылкой на средневековые материалы одного *копаемого* сейчас раскопа, ещё нужно доказать (оговорить и достаточно обосновать), что Фанагория не принадлежала к византийскому миру (равно и то, к какому же миру она принадлежала, и что такое *«хазарские кварталы»?*). Иначе ее утверждения рискуют повторить судьбу казуса с *opus spicatum* [см.: Чхаидзе 2012: 125, прим. 10]. А пока приходится указать, что выводы Л.А. Голофаст не соответствуют даже содержанию ее статьи.

Но вернемся к оценке труда К. Цукермана. Помимо общей небрежности выражений *«я так считаю»*, *«мне кажется»*,

вызывает удивление менторский тон автора, выражающийся в виде формулировок: *«призрачное предположение, не подкрепленное никакими доказательствами»* в отношении *terminus post quem* для переноса центра епархии Зихии из Никопсии в Таматарху [315] или же *«спекулятивная экзегеза»* по поводу интерпретации печатей Алексея Комнина [323] и пр.

И тем более странно, когда научные работы пишутся в качестве проводника антиимперской идеи, причем в проекции на собственные воображаемые современные имперские реминисценции. Исходя же из всех вышеизложенных положений работу К. Цукермана приходится рассматривать как нечто среднее между историографическим курьезом и политическим манифестом.

Библиография

ВИНОГРАДОВ А.Ю., ЧХАИДЗЕ В.Н. Печать Константина, сына *протопроедра* и *эксусиократора* всей Алании, из Анакопии (ок. 1065–1075 гг.) – 2018 (в печати).

ГОЛОФАСТ Л.А. Поливная керамика из слоев хазарского времени в Фанагории // ПИФК. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2017. Вып. № 4 (58). С. 195–206.

МОГАРИЧЕВ Ю.М., САЗАНОВ А.В., СОРОЧАН С.Б. Крым в «хазарское время» (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии. – М., 2017.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Фанагория в VI–X веках. – М., 2012.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Византийские печати из Тамани. – М., 2015.

ЧХАИДЗЕ В.Н. «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). – М., 2016.

SEIBT W. Ἐπίσκοπος τῆς Ἀτέλου – Residierte der Bischof von Atel in Chazaria (am unteren Don)? – 2018 (в печати).

ZUCKERMAN K. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Том XXII. С. 311–336.

А.В. ШАМАНАЕВ
Уральский Федеральный университет
им. Первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БАЛАКЛАВЫ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Современные исследователи обращаются к различным аспектам изучения культурного наследия Балаклавы: анализ результатов археологических раскопок, история культурного ландшафта, формирование туристической инфраструктуры поселения [Адаксина, Мыц 2004; 2017; Алексеенко 2007; Дьячков 2016; Зайцев 2005; Мальгин 2004: 150–154]. Несмотря на значительный объём работ, посвященных историческому и культурному прошлому поселения периода Российской империи, остаются мало исследованными вопросы истории сохранения культурного наследия Балаклавы.

Ценную информацию о состоянии и организации охраны балаклавских памятников содержат источники разного происхождения. Основной объём информации дают записки путешественников, научные публикации, актовые и делопроизводственные материалы, путеводители и изобразительные источники.

Путешественники конца XVI – XVII вв. описали Балаклаву как малонаселенное место, акцентировав внимание на характеристике крепостных сооружений Чембало, в том числе, упомянув о сохранившихся эпиграфических памятниках генуэзского периода [Бронеvский 1867: 343; Челеби 2008: 69–73]. Авторы конца XVIII в. оставили чрезвычайно краткие сведения о состоянии балаклавских памятников, их сообщения почти идентичны, сводятся к констатации факта наличия разрушенной крепости с частично сохранившимися стенами и несколькими башнями [Паллас 1999: 68; Измайлов 1802: 95–96]. По словам Ш.Ж. Ромма, «надписи и гербы», некогда размещённые на крепостных сооружениях, «сорвали» [Петрова, Прохорова 2011: 112]. П.И. Сумароков видел у подножия скалы разрушенные церкви, мечети и городские дома [Сумароков 1800: 111]. М. Гатри упомянул об остатках

12 или 13 башен [Guthrie 1802: 111]. В 1770-х – 1790-х гг. памятники Чембало нашли отражение и в картографических материалах [Тункина 2002: 487–488; Адаксина, Мыц 2017: 85].

В 1787 г. достопримечательности Балаклавы и ее окрестностей привлекли внимание участников путешествия Екатерины II по Крыму. Специально для августейших особ, недалеко от Балаклавы, была разыграна встреча с «ротой амазонок», сформированная из балаклавских гречанок [Брикнер 1885: 495; Лашков 1889: 83–85].

По сравнению с трудами путешественников конца XVIII в., в публикациях первой половины XIX в. содержатся более полные и точные описания крепости Чембало. Так, В.Б. Броневский указал, что наиболее разрушенный участок крепостных стен находится со стороны бухты, в других местах сохранились «очень приметные остатки»; внутри крепости видны следы разрушенных строений; башня, «стоящая на обрывистом мысу при входе в залив», использовалась как маяк [Броневский 1822: 31–33]. Н.Н. Мурзакевич, обследовав руины крепости, смог выявить остатки 12 башен [Мурзакевич 1837: 655]. Иллюстративные материалы в трудах Ф. Дюбуа де Монпере и П.И. Кеппена подтверждают хорошую сохранность оборонительных сооружений [Дюбуа де Монпере 1843: 195–198, Л. LIV; Кеппен 1837: 210–227].

Наиболее подробное описание Чембало было опубликовано З.А. Аркасом в 1848 г. Он дал подробное описание оборонительных сооружений, засвидетельствовал наличие внутри периметра крепостных стен остатков различных построек, в том числе небольшого храма. Статью сопровождает общий вид памятника и рисунки четырех плит с надписями и изображениями [Аркас 1848: 264–267, табл. X].

В конце первой четверти XIX в. крепость Чембало попала в сферу государственного интереса к сохранению культурного наследия. В 1821 г. для инспекции состояния памятников старины и разработке мер по их охране в Крым был командирован Е.Е. Келер. По окончании поездки ученый представил Академии наук отчет, на основе которого был разработан Указ от 4 июля 1822 г. «О сохранении памятников древности в Крыму». Е.Е. Келер отнес сооружения Чембало к памятникам, требующим реставрации, оценив затраты в 6–7 тысяч рублей (17% от общей суммы запланированных расходов). Ученый предложил создать альбом видов крымских древностей, в том числе «виды Балаклавы и гавани с её древними развалинами; план этих развалин; подробности и надписи их же». К сожалению, проекты Е.Е. Келера не были реализованы [Тизенгаузен 1872; Тункина 2002: 76–84].

В июне 1822 г. Таврический губернатор Н.И. Перовский распорядился сделать подробные описания, рисунки и подготовить

сметы на проведение реставрационных работ на ряде памятников, разработать и представить проект мер по сохранению остатков старины. Кроме того, чиновник особых поручений А.Я. Фабр должен был разработать проект мер по сохранению древностей Крыма. Эти задачи не были выполнены [Стивен 1891: 40–41].

В 1827 г. Министерство внутренних дел предприняло попытку организовать сбор сведений о недвижимых объектах культурного наследия Российской империи. По распоряжению Таврического губернатора Д.В. Нарышкина была составлена «Записка о древностях Таврической губернии», в которой отмечается хорошее состояние стен и башен крепости Чембало, а также наличие вмонтированных в постройки плит «с готическими надписями и гербами» [Стивен 1891: 45–46]. К сожалению, к каким-либо практическим результатам для организации охраны памятников Крыма это не привело.

Существенной проблемой уже на рубеже XVIII–XIX вв. было расхищение движимых объектов культурного наследия Крыма. Э.Д. Кларк и Ш. Монтадон писали о возможности приобретения античных монет у жителей Балаклавы [Clarke 1816: 222–223; Монтадон 2011: 158].

Во время Крымской войны при высадке английских войск были повреждены руины крепости Чембало. Позже, англичане модернизировали средневековую дорогу в районе крепости [Шавшин 2005: 108–110]. Кроме того, остатки крепостных построек союзники использовали как источник камня для балласта коммерческих судов [Russell 1856: 394].

В 1855 г. командующий Сардинским корпусом генерал А. Ла Мармора распорядился отправить в Геную несколько мраморных плит с надписями и геральдическими изображениями [Юргевич 1879: 319–320].

Осенью 1855 г. полковник У. Монро провел в окрестностях Балаклавы археологические раскопки. Им были выявлены остатки круглой в плане постройки, монеты, керамика, мраморные надгробия. Артефакты были отправлены в Англию [Аржанов 2012: 257–261].

В 1861 г. В.Н. Юргевич после осмотра средневековых крымских памятников отметил существенное ухудшение после Крымской войны состояния остатков сооружений, в том числе и в Балаклаве [Юргевич 1863: 978–979].

В 1860–1870-х гг. В.Н. Юргевич осуществил научное изучение и издание эпиграфических памятников крепости Чембало. Во время поездки в Крым в 1861 г. ему удалось найти в Балаклаве ранее неизвестную плиту 1357 г. [Юргевич 1863: 175–177]. Позже ученый получил из Генуи копии надписей на двух плитах из Балаклавы (1463 и 1467 гг.) и опубликовал эти материалы [Юргевич 1879: 319–320].

В 1870-х гг. началось развитие Балаклавы как курорта [Мальгин 2004: 151]. Описания живописной бухты и остатков древней крепости стали неотъемлемой частью путеводителей. Популяризации балаклавских достопримечательностей способствовали многочисленные видовые открытки, издававшиеся в конце XIX – начале XX вв., а также художественные описания местности и руин Чембало в произведениях российских литераторов [Зайцев 2005: 34–93].

Накануне Первой мировой войны в окрестностях Балаклавы началось строительство сооружений Южной (Балаклавской) группы сухопутных укреплений, что потенциально создавало угрозу для остатков крепости Чембало и археологическим памятникам территории, затронутой строительством [Носкова 2017: 25]. К сожалению, археологические изыскания на местах постройки военных объектов не проводились.

Таким образом, объекты культурного наследия Балаклавы, как и многие другие памятники Крыма, вызвали научный интерес уже в конце XVIII в. Однако, деятельность по сохранению исторических достопримечательностей этого населенного пункта не имела большого масштаба. Традиционно внимание ученых и путешественников было сконцентрировано на руинах крепости Чембало, активные попытки выявить весь комплекс объектов культурного наследия Балаклавы не предпринимались ни в XVIII в., ни в XIX – начале XX в. Основным фактором, обеспечившим сохранение остатков крепостных сооружений, была низкая антропогенная нагрузка на памятник. Это было обусловлено топографической спецификой Балаклавской бухты и ее берегов, затрудняющих активное освоение этой территории, а также расположением крепости в труднодоступном месте.

Библиография

- АДАКСИНА С.Б., МЫЦ В.Л. Крепость Чембало в историографии последней трети XVIII – первой половины XIX в. // «О древностях Южного берега и гор Таврических». – Киев, 2004. С. 82–93.
- АДАКСИНА С.Б., МЫЦ В.Л. Оборонительная система генуэзского города Чембало: 1345–1475 гг. // Вопросы истории фортификации. – М.; СПб., 2017. № 6. С. 112–115.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Находки памятников античной и византийской нумизматики на территории крепости Чембало в Балаклаве // Боспорские исследования. – Керчь, 2007. Вып. 16. С. 358–365.
- АРЖАНОВ А.Ю. Раскопки полковника Манро на Гераклеяском полуострове во время Крымской войны 1854–56 годов // Древности 2012. – Харьков, 2012. Вып. 11. С. 252–263.

- АРКАС З.А. Описание Ираклейского полуострова и древностей его // ЗООИД. – Одесса, 1848. Т. 2. С. 245–271.
- БРИКНЕР А.Г. Путешествие Екатерины II в Крым // Исторический вестник. – М., 1885. Т. 22. С. 242–264, 444–509.
- БРОНЕВСКИЙ В. Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 г. – Тула, 1822.
- ДЬЯЧКОВ С.В. «Новые» объекты на топографической карте Чембалы XIV–XV вв. (по материалам раскопок 1999–2013 гг.) // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве: историческая география Золотой орды. – Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 275–278.
- ДЮБУА ДЕ МОНПЕРЕ Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. – Симферополь, 2009.
- ЗАЙЦЕВ А.В. Литературная Балаклава: конец XIX – начало XX веков. – М., 2005.
- ИЗМАЙЛОВ В.В. Путешествие в Полуденную Россию. – М., 1802.
- КЕППЕН П.И. Крымский сборник. – СПб., 1837.
- ЛАШКОВ Ф.Ф. Могила капитана амазонской роты Елены Ивановны Шидянской (Сарандовой) в Симферополе // ИТУАК. – Симферополь, 1889. Вып. 7. С. 83–85.
- МАЛЬГИН А.В. Русская Ривьера. – Симферополь, 2004.
- Мартин Броневский. Описание Крыма // ЗООИД. – Одесса, 1867. Т. 6. С. 333–367.
- МОНТАДОН Ш. Путеводитель путешественника по Крыму. – Киев, 2011.
- МУРЗАКЕВИЧ Н.Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. 1837. № 3 (март). С. 624–691.
- НОСКОВА И.А. Газета «Балаклавский курортный листок» как источник изучения истории развития местного курорта в начале XX в. // Таврический научный обозреватель. Симферополь, 2017. № 5(22) май. С. 22–25.
- ПАЛЛАС П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. – М., 1999.
- ПЕТРОВА Э.Б., ПРОХОРОВА Т. А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм «Путешествие в Крым в 1786 г.». – Симферополь, 2011.
- СТЕВЕН А.Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. Симферополь, 1891. Вып. 13. С. 33–54.
- СУМАРОКОВ П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. – М., 1800.
- ТИЗЕНГАУЗЕН В.Г. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. – Одесса, 1872. Т. 8. С. 363–403.

ТУНКИНА И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб., 2002.

ШАВШИН В.Г. Английская армия в осаде Севастополя // Достойный поклонения. Восточная (крымская) война 1853-1856 годов: Первая героическая оборона Севастополя. – Севастополь, 2005. С. 107–118.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения путешественника XVII века) – Симферополь, 2008.

ЮРГЕВИЧ В.Н. Донесение о поездке в Крым, в 1861 г. // ЗООИД. – Одесса, 1863. Т. 5. С. 978–982.

ЮРГЕВИЧ В.Н. Две генуэзские надписи из Балаклавы // ЗООИД. – Одесса, 1879. Т. 11. С. 319–320.

CLARKE E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. – London, 1816. Vol. 2.

GUTHRIE M. A tour, performed in the years 1795–96 through the Taurida, or Crimea. – London, 1802.

RUSSELL W.H. The war from the death of lord Raglan to the evacuation of the Crimea. – London, 1856.

В.Ю. ЮРОЧКИН
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ВИЗАНТИЯ И КРЫМ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

В наши дни средневековый Крым невольно ассоциируется с Византией, а крещение Владимира в Корсуни воспринимается как важнейшее событие, культурно связавшее Константинополь с Русью. Однако в истории науки в недавнем прошлом были периоды, когда эти положения не только оспаривались, но и вызвали яростное негодование. Пример тому – судьба некоторых научных работ известного ленинградского учёного-медиевиста А.Л. Якобсона.

В первые послевоенные годы на фоне роста патриотических настроений в Крыму актуализировалась тема связей полуострова со славянами и древней Русью. В 1947 г. на сессии по истории Крыма в Симферополе А.Л. Якобсон выступил с докладом «Корсунь и Киевская Русь». Учитывая тенденции того времени, он обращал внимание на связи двух регионов в области материальной культуры и даже высказал мнение, что керамическое производство Херсона-Корсуни оказало влияние на гончарное ремесло столицы Руси. Правда, этот тезис несколько насторожил слушателей, поскольку влияние отмечалось только со стороны византийского Херсона, а Киев выглядел в подчинённом положении [Юрочкин 2016: 191]. Развивая тему, на очередную сессию 1948 года ленинградский учёный представил новый доклад, в центре которого был Корсунский поход князя Владимира. Вероятно, желая подчеркнуть масштабность этого военного предприятия и мощь русского князя, А.Л. Якобсон расширил рамки корсунского эпизода и выдвинул гипотезу о разрушениях, произведённых не только в Херсонесе, но и на всей территории византийских владений в юго-западной Таврике. Тогда к докладу А.Л. Якобсона особых претензий не возникло, дискутировали только о дате крещения дружины Владимира [Юрочкин 2016: 194].

Но в эти годы в стране развернулась масштабная компания борьбы с космополитизмом, затронувшая и историческую науку [Тихонов 2016: 131-263]. Директор ИИМК А.Д. Удальцов (формально возглавлявший и КНИБ АН СССР) на заседании в Институте истории АН СССР 15-18 окт. 1948 г., подал тревожный сигнал: «...советские византиноведы проявляют склонность чересчур расширительно толковать влияние Византии на Русь. Проявляется тенденция представлять дело таким образом, что вся русская культура была заимствована из Византии», а это уже могло толковаться как проявление космополитизма в исторической науке [Мосина 1948: 44]. Отреагировали и крымские археологи. Поскольку упоминавшиеся работы А.Л. Якобсона должны были войти в сборник трудов КНИБ АН СССР под редакцией А.Д. Удальцова, на них в 1949 г. были подготовлены рецензии сотрудников СИА Е.В. Веймарна и В.П. Бабенчикова. Обе из них – негативные. Основной претензией было преувеличение роли Византии в Таврике и изображение князя Владимира в роли «варвара-погромщика» полуострова. В итоге был сделан жёсткий вывод: «В таком виде работа не может быть опубликована ни в одном издании нашей страны». Заместитель директора (а, точнее, фактический руководитель) КНИБ АН СССР, Я.Д. Козин, аргументируя отказ от публикации, писал А.Л. Якобсону: «Главный недостаток Вашей работы заключается в том, что Вы методологически неправильно подходите к изучению вопросов из истории Крыма. Вы средневековый Крым, по примеру некоторых старых буржуазных историков, целиком отдаёте Византии, а русских в Крыму изображаете в роли агрессоров и пришельцев. С таким положением согласиться нельзя. Тем более Вам, безусловно, известно, что согласно решениям Президиума АН СССР о направленности работы Крымской базы, история Крыма должна изучаться как неотъемлемое звено истории народов СССР, русской истории» [Юрочкин, Майко 2017: 188, 189]. Упомянутые положения работы А.Л. Якобсона подверглись критике и в докладе П.Н. Надинского «Против извращений исторического прошлого Крыма и об очередных задачах крымских историков» (июнь 1949 г.) [Юрочкин 2016: 197, 198].

Стоит отметить, что если в случае с докладом П.Н. Надинского ситуация достаточно очевидна – он направлен на борьбу с космополитизмом в истории Крыма, то позиция Е.В. Веймарна и В.П. Бабенчикова, занятая по отношению к А.Л. Якобсону, имеет более глубокие корни. Они восходят к ситуации конца 20-х – начала 30-х гг. прошлого века, сложившейся в результате борьбы Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста за приоритеты в исследовании «нового Дороса» – Эски-Кермена. Впоследствии этот частный спор расколол исследователей

крымского средневековья на два лагеря «автохтонистов» (В.И. Равдоникас, Е.В. Веймарн, В.П. Бабенчиков) и «византинистов». К последним, вместе с М.А. Тихановой, принадлежал и А.Л. Якобсон. В силу ряда причин чаша весов за этот период склонялась то в одну, то в иную сторону [Юрочкин 2017: 246–325]. В археологии послевоенного Крыма возобладало «автохтонистское» направление, а борьба с космополитизмом дала повод крымским учёным ещё раз сделать выпад в адрес ленинградского коллеги.

Волею судьбы издание трудов сессий по истории Крыма так и не состоялось. Но подозрения в «космополитизме» и неуважении к русскому народу в лице князя Владимира ещё долго довели над А.Л. Якобсоном. Даже на сессии по истории Крыма 1952 г., осудившей «автохтонистское» направление, основанное на учении Н.Я. Марра, в адрес А.Л. Якобсона звучали серьёзные упрёки. В частности – в докладе сотрудника сектора истории Византии Института истории АН СССР З.В. Удальцовой, призывавшей «...с позиций марксизма-ленинизма...вскрыть глубоко отрицательную роль византийской агрессии в Крыму, тормозившей поступательное развитие производительных сил Крымского полуострова» и жёстко раскритиковавшей прежнюю позицию А.Л. Якобсона относительно похода Владимира на Херсонес [Стенограмма..., 1952: 207]. Интересно, что за год до этого З.В. Удальцова опубликовала довольно доброжелательную рецензию на монографию А.Л. Якобсона «Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.)» [Удальцова 1951]. На сессии А.Л. Якобсону пришлось оправдываться за свою работу четырёхлетней давности, убеждать, что он критически пересмотрел свои взгляды и теперь склонен считать поход Владимира прогрессивным явлением, а разрушение Херсонеса и крымских поселений рассматривать как результат набегов хазар и печенегов [Юрочкин 2017: 391]. В решении, принятом по итогам сессии, в числе «ошибочных» представлений об истории Крыма упоминается «преувеличение исторической роли Византии» и А.Л. Якобсон как их выразитель [Юрочкин, Майко 2017: 224].

Библиография

МОСИНА З. О работе Института истории Академии наук СССР // Вопросы истории. – М., 1948. № 11. С. 143–149.
Стенограмма объединённой научной сессии Отделения Истории и Философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая. 1952 г. – Симферополь (машинопись).

ТИХОНОВ В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). – М.; СПб., 2016.

УДАЛЬЦОВА З.В. Рец.: Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). // Вопросы истории. – М., 1951. № 8. С. 136–139.

ЮРОЧКИН В.Ю. Готский вопрос. – Симферополь, 2017.

ЮРОЧКИН В.Ю. Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // История и археология Крыма. – Симферополь, 2016. – Вып. 4. С. 187–204.

ЮРОЧКИН В.Ю., МАЙКО В.В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до геноуэцев. – СПб., 2017.

Л.В. СЕДИКОВА
Государственный музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

НОВЫЕ НАХОДКИ ПОЛИВНОЙ ПОСУДЫ XIII В. ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА

Изучение материальной культуры Византийской империи в последние десятилетия прочно опирается на данные археологических раскопок византийских городов. Одним из крупнейших городских центров Северного Причерноморья являлся Херсон (средневековый Херсонес). Слой разрушения города, датируемый в пределах второй половины XIII столетия, является наиболее репрезентативным. Новые находки поливной керамики из этого слоя значительно расширяют представления об уровне жизни и торговых контактах херсонитов в поздневизантийский период [Голофаст, Рыжов 2003: 182–260; Sedikova 2015: 273–286].

Раскопки L-го квартала Южного района Херсонеса, которые ведутся с 2001 г., каждый полевой сезон пополняют коллекцию византийской поливной посуды, расширяют ее типологический ряд и уточняют его хронологию. Раскопки участка квартала, проведенные в 2017 г., дали новый материал по данной теме.

Наиболее многочисленной группой поливной керамики на участке является так называемая Зевксиппова керамика (Zeuxippos Ware). Она представлена фрагментами красноглиняных мисок, блюд и кувшинов с орнаментом сграффито, покрытых оливковой и желтой поливой. Орнамент в виде концентрических кругов, насечек, трилистников, а также изображений птиц. Зевксиппова керамика производилась в нескольких средиземноморских центрах в XIII в. [Vroom 2005: 109].

Несколько массивных мисок с орнаментом сграффито в виде широких концентрических кругов и волнистых линий, покрытых светло-желтой поливой имеют аналогии среди херсонесских находок из комплексов XIII в. [Романчук 2003: 46].

Белоглиняная керамика с росписью коричневыми и зелеными красками под прозрачной глазурью. Формы сосудов – блюда, миски,

вазочки. Дж. Хейс относил эту группу (Glazes White Ware IV) к константинопольскому производству XII – начала XIII вв. [Hayes 1992: 30]. К этой же группе белоглиняной керамики относятся кувшины и миска с густым покрытием зеленой глазурью.

Красноглиняные толстостенные миски с врезным растительным орнаментом или сюжетным изображением, покрытые желтой или зеленой поливой (Incised Sgraffito, Champleve или Aegean Ware). Эта продукция производилась в середине – конце XII – середине XIII вв. в нескольких центрах Эгейского региона [Vroom 2003:163–164; Armstrong 1991: 339, 340].

Красноглиняная поливная керамика с подглазурной росписью ангобом (Slip – Painted Ware) представлена фрагментами блюд и кувшинов. В XIII–XIV вв. подобную керамику производили в Греции [Morgan 1942: 101] и некоторых центрах Средиземноморья.

Красноглиняная полихромная поливная керамика с орнаментом сграффито (Polychrome Sgraffito Ware). Фрагменты мисок и кувшинов с геометрическим орнаментом или изображением птиц. В XIII в. подобная керамика производилась во многих центрах Восточного Средиземноморья [Redfort 2004: 285].

Кашинные миски с бирюзовой поливой (Islamic fritware) – малочисленные, но регулярно встречающиеся изделия, вероятно сирийского производства. Там их производили во второй четверти XII – XIII вв. [Avissar, Stern 2005: 25].

Красноглиняные миски с вертикальным бортиком, сверху и снизу украшенные косыми насечками, резко переходящие в косые стенки. Полива желтая и зеленая с подтеками. На дне врезной орнамент. Подобная форма была встречена в Херсонесе лишь в L-ом квартале.

Комплекс находок из слоя разрушения построек, исследованных в 2017 г. предварительно может быть датирован третьей четвертью XIII в. Ансамбль поливной керамики из раскопок L-го квартала Херсонеса свидетельствует о тесных торговых контактах города с эгейскими и малоазийскими центрами. Вопрос о собственном производстве глазурованной посуды в средневековом Херсоне по-прежнему открыт.

Библиография

- ГОЛЮФАСТ Л.А., РЫЖОВ С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. – Симферополь, 2003. Вып. 10. С. 182–260.
РОМАНЧУК А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. – Екатеринбург, 2003.
ARMSTRONG P. A Group of Byzantine bowls from Skopelos // Oxford Journal of Archaeology. – 1991. Vol. 10(3). P. 335–347.

- AVISSAR M., STERN E.J. Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk periods in Israel //Israel Antiquities Authority Reports. – Jerusalem, 2005. No. 26.
- HAYES J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. – Oxford, 1992 V. 2.
- MORGAN Ch. The Byzantine Pottery //Corinth. Cambridge, 1942. Vol. XI. P. 8–47.
- VROOM J. After Antiquity: Ceramics and society in the Aegean from the 7th to the 20th century A.C. A case study from Boeotia, Central Greece //Archaeological Studies Leiden University. – Leiden, 2003. Vol. 10.
- Redford S. On Sāgīs and Ceramics: Systems of Representation in the Northeast Mediterranean// France and Holy Land. Frankish Culture at the End of the Crusades. – London, 2004. P. 282–312.
- SEDIKOVA L. Glazed Ware from the Mid Thirteenth-Century Destruction Layer of Chersonesos // Medieval and Post-Medieval Ceramics in the Eastern Mediterranean. Fact and Fiction / Ed. by J. Vroom. – Turnhout, 2015.P. 273–286.

**X Международный
Византийский семинар**

**ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
ИМПЕРИЯ И ПОЛИС**

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ответственный редактор Н.А. Алексеенко

Корректоры В.А. Нессель, К.С. Ушакова
Компьютерная верстка Н.А. Алексеенко
Подписано в печать 26.04.2017. Формат 60х84 1/16
Гарнитура Times. Учетно-издательских листов 12,3
Тираж 100 экз.
Заказ № _____

Оригинал-макет изготовлен ФГБУН
«Институт археологии Крыма РАН»
295007, Симферополь, пр. Вернадского, 2.
ОГРН 1159102130660 от 05.12.2015
Тел.: + 7 (3652) 549 116
e-mail: arc.crimea2@gmail.com

ООО «Колорит»
ОГРН 1169204061454 от 18.11.2016
299011, Севастополь, ул. Ленина, 28
Тел.: (8692) 54-31-46
e-mail: colorit.ooo2016@yandex.ru

